

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ПАМЯТНИКИ
ПРИССЫККУЛЯ**

АКАДЕМИЯ НАУК КИРГИЗСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПРИССЫККУЛЯ

под редакцией П. Н. Кожемяко
и Д. Ф. Винника

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ИЛИМ“
ФРУНЗЕ 1975

Работа посвящена отдельным вопросам археологии и истории Иссык-Кульской котловины. В ней характеризуются стоянки первобытных людей каменного века, погребения ранних кочевников-саков, материальная культура тюрков VI—X вв., антропологические материалы из средневековых некрополей, освещены вопросы торговли и цен на товары в VII—XII вв., история изучения археологических памятников Прииссыккуля и другие.

Книга рассчитана на историков, археологов, антропологов, краеведов и читателей, интересующихся прошлым Киргизстана.

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Киргизской ССР*

Рецензенты: канд. ист. наук *К. А. Акишев,*
И. Кожомбердиев

ПРЕДИСЛОВИЕ

Иссык-Кульская котловина окружена со всех сторон высокими хребтами: на севере — Кунгей Ала-Тоо, на юге — Терской Ала-Тоо. Горные цепи пересекаются удобным для прохождения перевалом Санташ. Западная часть впадины, замыкающаяся Киргизским Ала-Тоо, соединяется с Чуйской долиной узким Боомским ущельем. В любом уголке этого замечательного края встречаются многочисленные и беспристрастные свидетели прошлого — стоянки каменного века, скопления разновременных курганов, каменные изваяния, наскальные рисунки, остатки ирригационных систем, развалины городов, поселений, караван-сараев и т. п.

Древности края привлекали к себе внимание многих ученых и путешественников. Археологическое изучение Иссык-Куля началось еще в середине прошлого столетия и связано с именами наиболее выдающихся русских исследователей Средней Азии.

Систематическое научное исследование археологических памятников региона оказалось возможным лишь в советское время. Особо следует выделить изыскания П. П. Иванова (1926—1927 гг.), работы Семиреченской (1940 г.) и Тянь-Шаньской (1949 г.) археологических экспедиций, возглавляемых А. Н. Бериштамом; Иссык-Кульского отряда Института истории АН Киргизской ССР (1959—1962 гг.) и Иссык-Кульской историко-археологической экспедиции (1972 г.) под руководством Д. Ф. Винника, палеолитического отряда Института истории АН Киргизской ССР, руководимого В. А. Рановым и М. Б. Юнусалиевым, исследования сотрудников Института истории в бассейне рек Тон и Тосор (южное побережье оз. Иссык-Куль) в связи с сооружением в 1971 г. Торт-Кульского водоема и рекогносцировочной поездки специальной группы историков и археологов осенью 1973 г.

В настоящем издании публикуются результаты исследова-

ний последних лет, которые знакомят читателя лишь с частью проблем, над разрешением которых трудятся археологи республики. Разнохарактерность сведений по своему значению и содержанию отражает степень изученности памятников региона.

Материалы сгруппированы по трем основным разделам археологии, включающим памятники древнекаменного века, кочевого и оседлого населения, поры античности и раннего средневековья. К ним примыкают исследования, основанные не только на археологических, но и на документально-литературных источниках.

Книга начинается разделом «Открытие древностей Иссык-Куля», освещающим историю исследования археологических памятников Иссык-Кульской котловины в дооктябрьский период русскими учеными и путешественниками.

Далее следуют материалы и предварительные итоги изучения стоянки мустьерской эпохи на р. Тосор, весьма оригинальной по условиям геологического залегания.

В разделе «Курганы сакского времени долины реки Тон» содержатся сведения, характеризующие погребальный обряд, предметы быта и украшения эпохи ранних кочевников. Особого внимания заслуживают погребальные камеры из каменных плит и валунов, конструкция которых пока не находит полных аналогий в синхронных памятниках Средней Азии и Казахстана.

Вызывает интерес публикация римской монеты, найденной на Иссык-Куле, которая дополняет пока не богатую нумизматическую коллекцию этого времени, опубликованную М. Е. Массоном. Однако следует заметить, что все известные римские монеты, найденные в указанном регионе, обнаружены вне культурного слоя. Это не исключает возможности их случайного происхождения.

Одним из наиболее сложных вопросов в археологической науке является датировка наскальных изображений, которыми так богата Киргизия. Попыткой приблизиться к решению этой проблемы является публикация «К вопросу о датировке наскальных изображений Прииссыккуля».

Два следующих раздела посвящены памятникам кочевого населения древнетюркского времени.

Здесь содержатся научно-информационные заметки о новых находках погребений с конем и каменных изваяний, а также попытка определения нового критерия для выделения каменных скульптур, изображающих женщин. Последняя вызывает интерес уже самой постановкой вопроса, хотя требует дополнительного обоснования.

К интересным демографическим выводам приходит автор, проведший сравнительное изучение краниологического материала синхронных некрополей городищ Кан-Дюбе (Иссык-Куль) и Бейшеке (Таласская долина).

В разделе «Из истории торговых отношений Киргизстана и сопредельных регионов в VII—XII вв. (к вопросу о ценах)» рассматриваются цены на различные товары и торговые связи Киргизстана с другими странами. Выводы авторов далеки от окончательного решения и требуют дальнейших исследований.

Немалый интерес представляет публикация «Киргизский корук Туура-Суу», где рассматривается вопрос о феодальном землевладении и наличии элементов оседлости у киргизов в XVIII—XIX вв. Впервые для решения задач подобного рода привлечены не только архивные материалы и письменные источники, но и археологические данные.

«Археологическая карта Тонской долины» содержит характеристику всех известных в этом районе памятников кочевого и оседлого населения. Она составлена на основе данных литературы и продолжительных исследований археологических объектов.

Работа написана коллективом авторов: В. М. Плоских, В. Я. Галицким (I); В. А. Рановым, М. Б. Юнусалиевым (II); В. П. Мокрыниным, П. П. Гаврюшенко (III, VI); М. Н. Федоровым (IV); Д. Ф. Винником, Г. А. Помаскиной (V); В. П. Мокрыниным (VII); Т. К. Ходжайовым (VIII); В. П. Мокрыниным, М. Н. Федоровым (IX); В. М. Плоских (X); Д. Ф. Винником (XI).

Не все выводы и датировки памятников, предложенные авторами, безоговорочны. Отдельные из них нуждаются в дополнительных исследованиях и уточнениях, но редакторы оставляют их неизменными, считая приемлемыми для первичных публикаций.

I. ОТКРЫТИЕ ДРЕВНОСТЕЙ ИССЫК-КУЛЯ

Л. С. Берг.

В историко-археологическом отношении Иссык-Кульская котловина изучена едва ли не более других местностей нашей республики. Уже дореволюционные русские путешественники и местные краеведы оставили довольно обширную, хотя неравноценную и раздробленную по многим источникам информацию об иссык-кульских древностях. Ее-то и можно считать их первым открытием¹.

Научные исследования древней и средневековой истории Иссык-Кульского края и его археологических памятников были продолжены после победы Великого Октября. Это вторичное их открытие, если можно так выразиться, начинается с середины 20-х годов нашего

века (работы П. П. Иванова, М. В. Воеводского, М. П. Грязнова, А. Н. Бернштама, Б. М. Зима, А. Кибирова, Л. П. Зяблина, Л. Р. Кызласова, Д. Ф. Винника и др.). Особенно широко изучаются и раскапываются древности в окрестностях озера и под водой в послевоенный период. Историографический обзор исследований по археологии Прииссыккуля приводится в небольшой, но весьма содержательной статье Ю. А. Задне-

---

¹ Впрочем, самые ранние известия о былых городах и других древностях Иссык-Куля встречаются в «Худуд ал-Алем» безымянного автора, в «Зафар-Наме» Шараф-ад-Дина (о городище Тон и т. п.) и других. Лучшая сводка результатов научных исследований озера Иссык-Куль и его округи преимущественно в географическом аспекте (1904 г.) сделана Л. С. Бергом. См.: Л. С. Берг. Озеро Иссык-Куль. Избр. труды, т. III, М., 1960. стр. 77—85.

провского¹. К кратким экскурсам в историю археологического изучения края до 1917 г. прибегают и другие современные исследователи².

Мы же попытаемся представить общую источниковедческую сводку об основных историко-археологических объектах края (по их типам или группам) на основе материалов дореволюционных исследователей с привлечением некоторых архивных источников³, вкратце обрисовав и вклад отечественных путешественников, ученых и краеведов в их открытие⁴. Правда, при этом следует учитывать, что сугубо археологическое изучение края и его памятников отнюдь не составляло главную и единственную задачу исследований. Последние нередко осуществлялись не только в разнообразных научных целях, но и по прямому социальному заказу господствующих классов России в интересах выяснения военно-колониционных возможностей Киргизстана, эксплуатации его природных ресурсов⁵.

В работе пойдет речь об основных типах и группах памятников⁶ в крае, исследованных в дооктябрьский период: 1) наскальные рисунки; 2) памятники древних кочевников; 3) тюркские каменные изваяния; 4) раннесредневековые по-

---

¹ Ю. А. Заднепровский. Археологическое изучение котловины Иссык-Куля и значение исследований П. П. Иванова. Тр. Ин-та истории АН Киргиз. ССР. Фрунзе, 1957, вып. III, стр. 109—116. Там же см. подробную библиографию русской дореволюционной литературы по археологии Иссык-Кульской котловины (стр. 117—123).

² Значительный интерес в историографическом плане представляют, в частности, статьи А. Н. Бернштама, А. К. Кибирова, Д. Ф. Винника и др. по разным вопросам археологии Киргизии, в том числе и Иссык-Куля.

³ Они заслуживают внимания хотя бы из-за сведений о первой попытке организации изучения подводных развалин Иссык-Куля еще в 1871 г.

⁴ Авторы не ставят своей целью дать специальный обзор историко-археологических исследований в крае до 1917 г., а лишь стремятся показать ценность свидетельств современников-первооткрывателей иссык-кульских древностей, свodka которых при сравнительном изучении с результатами последующих исследований позволит рельефнее представить как беспспорные достижения советской археологии, так и выявить еще оставшиеся проблемы, нерешенные и дискуссионные вопросы рассматриваемой темы.

⁵ В этом отношении характерно заявление А. В. Каульбарса в среде инициаторов создания Среднеазиатского ученого общества (в ноябре 1869 г.) по итогам его рекогносцировки в Тянь-Шане: «Особые обстоятельства этнографические и исторические сделали то, что Зансыккульский край совершенно не заселен и представляет собой не более как место кочевий кара-киргизов. С приходом русских в край является возможность заселить некоторые части этой местности». ЦГА Узб. ССР, ф. И-591, оп. 1, д. 1, л. 1—3.

⁶ См. также распределение памятников на «Археологической карте Иссык-Куля, составленной П. П. Ивановым. — П. П. Иванов. Материалы по археологии котловины Иссык-Куля. Тр. Ин-та истории АН Киргиз. ССР, вып. III. Фрунзе, 1956, стр. 67.

селения и укрепления; 5) подводные развалины; 6) несторианские, мусульманские кладбища и эпиграфика; 7) нумизматические находки; 8) антропологические материалы; 9) древние арыки; 10) кокандские крепости и киргизские «курганы» (укрепления); 11) старинные киргизские гумбезы¹.

Небезынтересно, по-видимому, вкратце остановиться и на вопросе о роли местного населения в открытии древностей котловины Иссык-Куля, а также киргизских легендах и преданиях о них. Несомненно, что первые сведения об археологических объектах края черпались из устной информации, источниками которой являлись жители Прииссыккуля из коренного населения, а позднее также из среды переселенцев — местных крестьян и интеллигентов-краеведов.

Наиболее ранние публикации расспросных сведений об археологических находках из оз. Иссык-Куль были получены в Русском Географическом обществе (РГО), вероятно, от безымянных информаторов-киргизов еще в конце 40-х годов XIX в.²

Пионер научного изучения Иссык-Куля П. П. Семенов-Тянь-Шанский широко привлекал сообщения киргизов, а то и строил лишь на одной их информации свои предположения о подводных археологических объектах Иссык-Куля, не имея возможности осмотреть их *de visu*, чтобы проверить слухи об исчезнувших под водой строениях.

К их знаниям исторических достопримечательностей края нередко прибегали и другие путешественники и краеведы, а в их числе — энтузиаст археолого-этнографического и антропологического изучения Киргизии Ф. В. Поярков³. О местонахождении открытых им археологических памятников Прииссыккуля (каменных изваяний, кайраков, надписей и т. п.), он предварительно слышал от знакомых ему киргизов. К сожалению, в литературе, содержащей сведения о находках и памятниках археологии на Иссык-Куле, встречаются лишь беглые упоминания об информаторах этих сведений, так и оставшихся в большинстве случаев неизвестными для науки знаатоками древностей.

---

¹ Не все из перечисленных и других категорий памятников изучались в равной мере до революции: о некоторых из них накопились к 1917 г. более или менее полные сведения, а о других осталась мало- и совсем неудовлетворительная информация. Но все же многие древности попали в круг интересов дореволюционных исследователей Иссык-Кульской котловины.

² Сведения о дикокаменных киргизах. Зап. РГО, кн. V. СПб., 1851, стр. 143, 149.

³ Ф. В. Поярков. Из археологических экскурсий по Пишпекскому уезду и берегам озера Иссык-Куля. Памятная книжка Семиреченского областного стат. комитета на 1898 год, т. II. Верный, 1898, стр. 61.

Отрадным исключением в этом отношении является труд М. В. Певцова, продолжившего после смерти Н. М. Пржевальского его путешествие в глубь Центральной Азии. Путешественник отмечает проявление большого интереса у местных жителей к подводным археологическим развалинам в урочище Койсары к востоку от г. Каракол (впоследствии г. Пржевальск). Со дна озера они доставали обломки глиняной посуды, медные котлы и монеты, хорошо сохранившиеся человеческие черепа и толстые кости. «От одного из опрошенных мною киргиз по имени Джеламана, весьма любознательного и правдивого, — читаем в сочинении М. В. Певцова, — я получил в подарок две медные очень древние монеты, найденные в развалинах»¹. Здесь назван только один из информаторов, но сведения приводились со слов многих опрошенных.

П. П. Семенов-Тянь-Шанский.

Нередко их сообщения служили первотолчком к разысканию новых археологических объектов. «По рассказам местных жителей, — писал В. В. Бартольд в своем труде о поездке в Семиречье в 1893—1894 годах, — киргизы в горах, к северу от Турайгыра нашли медный котел с ручками и золотое блюдечко...». Предпринятые автором поиски их так и не увенчались успехом, но ученый услышал киргизское поверье, что в этих горах зарыт какой-то клад, над которым по ночам горят свечи, пугающие лошадей и верблюдов². Естественно, что научного определения различным древностям киргизы дать не могли и по поводу их происхождения приводили лишь уст-

¹ М. В. Певцов. Путешествие по Восточному Туркестану Кун-Луию, северной окраине Тибетского нагорья и Чжунгарии в 1889-м и 1890-м годах. СПб., 1895, стр. 48.

² В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893—1894 гг. Записки Академии наук по историко-филологическому отделению, VIII серия, т. I, вып. IV. СПб., 1897, стр. 51. (То же. В. В. Бартольд. Собр. соч., т. IV. М., «Наука», 1966, стр. 68.)

Я. И. Корольков.

ные предания, пытаюсь связать их с событиями своего исторического прошлого.

Широко известные легенды о происхождении оз. Иссык-Куль и развалинах на дне его не раз освещались в трудах различных исследователей и краеведов: Ч. Ч. Валиханова, А. Ф. Голубева, В. В. Бартольда, Я. И. и Б. Я. Корольковых, Ф. В. Пояркова, Л. С. Берга и др.¹ Их суть сводится к тому, что прежде на месте озера была обширная равнина с многочисленными и богатыми городами. На главной площади одного из городов находился колодец, который закрывали на ночь золотой крышкой. Однажды влюбленная девушка (или три

странника) забыла это сделать, и, поднимаясь в колодце вода, хлынула на спящий город. В одну ночь на его месте образовалось озеро Иссык-Куль. Другой вариант этой легенды связан с жестоким ханом Жанбеком — Ослиной головой. Город якобы был затоплен водою из этого колодца по мольбе визиря, ославившего хана с ослиными ушами.

Несмотря на явную фантастичность, эти легенды так или иначе восходят к древним насельникам Иссык-Куля. Это — отзвук былых катастроф на иссык-кульских берегах, и попытка поэтически-сказочно объяснить происхождение подводных развалин и археологических находок, вполне доступная бесписьменному в прошлом народу.

Столь же стары и популярны среди киргизов легенды о Санташских курганах². Интересны также киргизские преда-

¹ Ч. Ч. В а л и х а н о в. Записки о киргизах. Собр. соч. в 5 томах, т. I. Алма-Ата, 1961, стр. 311; А. Ф. Г о л у б е в. Краткий отчет о результатах Иссык-Кульской экспедиции. Вестн. РГО, ч. XXVIII, 1860, отд. 1, стр. 194; Б. Я. К о р о л ь к о в. Предание иссык-кульских киргиз о разлившемся озере. Газ. «Восточное обозрение», 1860, № 6, стр. 11; В. В. Б а р т о л ь д. Отчет о поездке в Среднюю Азию..., стр. 46; Л. С. Б е р г. Озеро Иссык-Куль..., стр. 81; Ю. Н о в и ц к и й. О чем пел старик Джандарбай. — Газ «Туркестанские ведомости», 1912, № 18; и др.

² Тамерлановы курганы. Газ. «Семиреченские областные ведомости», 1910, № 60—62. Подробнее о легендах см. также: В. М. П л о с к и х. У истоков дружбы. Фрунзе, 1972, «Кыргызстан», стр. 77—78, 135.

М. В. Певцов.

ния о древней крепости Кан-Добе в Тонской долине, донные передаваемые из уст в уста аксакалами¹.

Известно также немало народных преданий о торткулях — руинах многочисленных в Прииссыккулье четырехугольных укреплений, типичных для времен средневековья. По предположению В. В. Бартольда, название «торткуль» (буквально «четыре озера», хотя правильнее «четыре угла», «четыреугольник»), вероятно, произошло оттого, что такие укрепления в большинстве были со всех сторон окружены болотами, впоследствии нередко высохшими². В киргизских легендах торткули обычно ассоциируются с калмыками, хотя время появления последних в Семиречье — XVII-XVIII вв. — намного позднее времени сооружения этих укреплений. Изредка предания о происхождении озера восходят ко времени Тимура.

---

¹ См.: С. М. Абрамзон. Народные предания как источник для изучения истории киргизов Центрального Тянь-Шаня. В кн.: Этническая история народов Азии. М. «Наука», 1972, стр. 69—70.

² В. В. Бартольд. Отчет..... стр. 12.

В. В. Бартольд приводит пример наивной попытки одного иссык-кульского киргиза классифицировать придорожные торткули, как укрепления Тимура, а в стороне от дороги — как калмыцкие¹.

Таким образом, в киргизских легендах и преданиях, связанных с иссык-кульскими древностями, нельзя не увидеть стремления народа определенным образом осмыслить события своей древней истории и доступно объяснить происхождение памятников, столь многосторонне представленных в Иссык-Кульской котловине.

Наскальные рисунки

Самые ранние археологические памятники из Прииссык-куля, о которых упоминается в трудах русских путешественников — наскальные рисунки — относятся к бронзовому веку.

В. В. Бартольд.

Сюжеты наскальной живописи очень разнообразны: различные сцены из жизни людей и изображения животных, чаще других — горных козлов.

О наскальных рисунках в Иссык-Кульском крае уже в 1886 г. сообщал ботаник А. Н. Краснов², встретивший их здесь во время совместной экспедиции с И. В. Игнатьевым по исследованию Хан-Тенгри. Об изображении на скалах верблюда и горных козлов в одном из ущелий южного берега Иссык-Куля писал и Ф. В. Поярков, побывавший там в 1887 г.³

Более подробно о наскальных рисунках Прииссыккуля рассказал художник С. М. Дудин, спутник В. В. Бартольда в его поездке по Семиречью в 1893—1894 гг. В нескольких

¹ В. В. Бартольд. Отчет.... стр. 12.

² См.: А. Н. Краснов. Очерки быта семиреченских киргиз. Изв. РГО, т. XXIII, СПб., 1887, стр. 472—474.

³ См.: Ф. В. Поярков. Археологические экскурсии по берегам озера Иссык-Куль и по Токмакскому уезду. Рукоп. фонды отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 43.

ущельях по северному берегу озера, около станции Чоктал и Чолпон-Ата, С. М. Дудин видел «камни с изображением козлов и других животных». Такие же изображения «козлов и других фигур» В. В. Бартольд встречал и на больших валунах у Джуукинского могильника—на правом берегу р. Джууки (Зауки), впадающей с юга в оз. Иссык-Куль¹. С. М. Дудин и В. В. Бартольд высказали верное соображение, что несмотря на древность большинства рисунков, некоторые изображения на скалах явно позднего происхождения (XVIII—XIX вв.). Последующие исследования советских археологов подтвердили, что хронологический диапазон наскальной живописи на территории Киргизии растягивается от периода бронзы до новейшего времени.

Отметим, что подобные же рисунки встречаются, в частности (1971 г.), у Кан-Добе и в пойме р. Тон на обожженных загаром скальных склонах, а также на отдельных валунах Тосорского плоскогорья. Они, судя по всему, связаны с древнейшим этносом Прииссыккулья, хотя находят подражателей и в последующее время.

Памятники древних кочевников

К глубокой древности — сакскому периоду, несомненно, относятся и одни из самых ранних археологических находок в прошлом столетии на берегах Иссык-Куля — котлы и другие предметы из меди (бронзы). В 1842 г. на южный берег озера, недалеко от мыса Кара-Бурун, выкинуло волнами «огромной величины медный котел». То был один из многих котлов, найденных впоследствии в Прииссыккулье. Чиновники отправили его к ханскому двору в Коканд. Через несколько лет уже на северном побережье Иссык-Куля, близ устья речки Аксу, после бури был обнаружен другой котел, поменьше первого, этот-то и остался у местных киргизов².

Незадолго до путешествия П. П. Семенова на Тянь-Шань (1856—1857 гг.) иссык-кульскими киргизами был найден «очень древний по форме и украшениям больших размеров медный котел и несколько медных орудий». По мнению ученых, предметы должны были относиться к периоду бронзы. По всей вероятности, это были оригинальные сакские находки. Впоследствии П. П. Семенов обратил внимание туркестанской администрации на необходимость их розыска. И дейст-

---

¹ В. В. Бартольд. Отчет..., стр. 51, 55.

² Сведения о дикокаменных киргизах, стр. 143, 149.

вительно, котлы были обнаружены в киргизских кочевьях и доставлены в организованный тогда Ташкентский музей¹.

О «бронзовом пьедестале о трех ножках» — подставке под котел, найденной крестьянином Деревягиным в 1873 г. «в песке на берегу Иссык-Куля вместе с медным котлом и медным наконечником», упоминалось в одной из газетных заметок 70-х годов об археологических находках в Семиречье².

Позднее еще об одном котле (видимо, подобном предшествующим), обнаружено в Иссык-Куле у с. Сазановки, сообщала в своем отчете Археологическая комиссия за 80-е годы XIX в.³

О находках медных предметов на побережье Иссык-Куля упоминал в своем отчете о поездке в Среднюю Азию в 1893—1894 гг. В. В. Бартольд. По его словам, переселенцы с Преображенского (Тюп) на берегу и в прибрежных водах Иссык-Куля находили различные медные орудия: наконечники копей, стрелы, топоры, серпы. Один из таких ножей, «похожий на древнесибирские медные орудия», ученый приобрел, но «большой медный котел на трех ножках (припаянных), вырытый верстах в пяти от устья Тюпа», купить не удалось, так как его обладатели запросили слишком дорого. По приведенной им информации местных жителей, киргизы нашли какой-то медный котел с ручками в горах к северу от Турайгыра⁴, о чем уже отмечалось выше.

Наконец, в 1902 г. медный (бронзовый) котел из урочища Койсары был доставлен Н. Н. Пантусовым для музея в г. Верный⁵.

К сожалению, судьба многих из упомянутых археологических находок остается неизвестной. По всей вероятности, большинство их так и затерялось среди домашних коллекций безымянных любителей древности. Но даже и попавшие в музеи не всегда становились подспорьем для археологии, и мы до сих пор не имеем сводки их описания или научного исследования⁶.

---

¹ П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Мемуары. Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 гг. М., Географиздат, 1948, стр. 270.

² Археологические находки в Семиречье и Кульджинском крае. Газ. «Туркестанские ведомости», 1879, № 43.

³ Отчет Археологической комиссии за 1882—1888 гг. СПб., 1891, стр. XI.

⁴ В. В. Бартольд. Отчет . . . , стр. 49, 51.

⁵ П. П. Иванов. Указ. соч., стр. 107.

⁶ Исключение — интересная статья Е. Ю. Спасской. «Медные котлы ранних кочевников Казахстана и Киргизии». См.: Уч. зап. Алма-Атинского гос. пед. ин-та, т. XI(1). Серия общественно-политическая. Алма-Ата, 1956.

Наиболее многочисленными и самыми характерными памятниками древности, несомненно, являются различной формы курганы, разбросанные по всему побережью Иссык-Куля. То вытянутые цепочками, то компактно сосредоточенные по террасам, каменные или земляные, в четырехугольном или круглом каменном обрамлении, иногда с возвышающимися каменными стеллами — молчаливые стражи давно умерших насельников края — курганы всегда привлекали внимание аборигенов и путешественников. Это — памятники древнего кочевого населения, предков и в определенной степени преемников его культуры — киргизов.

Первый опыт классификации курганов предпринял Ч. Валиханов в дневнике о поездке на Иссык-Куль в 1856 г. Он разделил все могильники по характеру насыпи на четыре

Ч. Ч. Валиханов.

группы: а) холмистые насыпи и современные им могилы в виде четырехугольника; б) могилы, обрамленные четырехугольно торчащими из земли камнями в виде стволов, совершенно заросшие, но все же еще заметные; в) курганы, на которых с восточной стороны лежат большие камни; г) курганы — насыпанные в беспорядке камни и куски гранита¹. Здесь, конечно, следует усматривать разновременные курганы — одни более древние, видимо, сако-усуньского периода, другие средневекового времени.

Попытку раскопать курган в устье Тюпа сделал еще в 1859 г. А. Ф. Голубев, но, «не имея ни средств, ни времени, не довел работу до конца». Правда, им все же были найдены осколки самой простой керамики².

Многочисленные курганы по всему побережью Иссык-Куля зафиксировали в 1862 г. полк. Проценко и в 1873 г. — пишпекский ученый садовод и краевед А. М. Фетисов³. Позднее геолог Д. Л. Иванов⁴ отметил одну из характерных особенностей многих местных курганов — по центру «вдавленности». Это — оставшиеся еще с древности следы грабительских лазов. Подавляющее большинство иссык-кульских курганов, особенно крупных, были ограблены еще в те отдаленные времена.

Немало сведений о курганных могильниках оставил в своем рукописном наследии Ф. В. Поярков, предпринявший археологическую экскурсию по южному берегу Иссык-Куля летом 1887 г. В путь его подтолкнуло сообщение знакомого киргиза о камнях с надписями в окрестностях р. Ак-Терек и желание проверить известия о курганах и других древностях на южном побережье. Ф. В. Поярков обратил внимание на тождество иссык-кульских курганов с сибирскими. И, надо сказать, что сопоставление имело под собой основание. Последующие раскопки и обнаруженные археологические находки подтвердили справедливость этого.

За неимением времени Ф. В. Поярков не раскопал ни одного кургана, однако, судя по внешнему виду их, высказал

---

¹ Ч. Ч. В а л и х а н о в. Собр. соч., т. I, стр. 272. См. также комментарии редактора акад. А. Х. Маргулана и составителей тома. Там же, стр. 669—670.

² А. Г о л у б е в. Краткий отчет о результатах Иссык-Кульской экспедиции, стр. 194.

³ А. М. Ф е т и с о в. Экскурсия в горы Заилийского Терской и Кунгей Алатау. Газ. «Туркестанские ведомости», 1878, № 4. ЦГВИА, ф. 400, аз. ч., 1862, оп. 263/916а, л. 10.

⁴ См.: Д. Л. И в а н о в. По поводу некоторых туркестанских древностей. Изв. РГО, т. 23, вып. 3, 1885, стр. 162—177.

правильное мнение¹, что курганы отличны друг от друга и принадлежат разным народам: «Из осмотренных мной в разное время некоторых мест на Иссык-Куле я должен сказать, что долина р. Тон для археолога и антрополога должна

А. М. Фетисов с помощником.

представлять большой интерес, здесь находится много могил, очевидно древних, некоторые из них выложены камнями, следы других едва заметны. По наружному виду эти могилы отличны друг от друга, надо полагать, что они принадлежат разным народам».

Случайные находки в курганах Кочкорской долины (особенно золотых и серебряных вещей) и первые разведочные работы краеведов вызвали многочисленные слухи среди местного населения о богатствах, якобы хранящихся в них. Началось повальное кладоискательство. «Скоро мания грабежей могил распространилась в загорные волости Иссык-Кульского, Аулие-Атинского и Анжанского уездов», — сетовала Археологическая комиссия².

Многие иссык-кульские курганы были также осмотрены и зарегистрированы в 1894 г. В. В. Бартольд и С. М. Дудиным. Основными местами скопления курганных могильников ими отмечены долины рек Чон-Урюкты, Орто-Урюкты, вдоль речек Кутурга, Дженаты, Курменты, вверх по р. Каракол, в ущелье Джеты-Огуз, у р. Аксай, за р. Ак-Терек и речкой Уйтал. Однако, не имея возможности для раскопок, они дали лишь внешнее описание курганов и опубликовали ряд фотографий. В. В. Бартольд подчеркивал, что большие курганы, бока которых обложены камнями, а вершины окольцованы малыми булыжниками, сопровождаются обыкновенными могилами, покрытыми камнями — от совершенно плоских до двухаршинной высоты и 15—18 шагов в диаметре — «такие

¹ См.: Ф. В. Поляков. Археологические экскурсии.

² В связи с этим пишпекскому краеведу А. М. Фетисову было поручено произвести раскопки курганов в Центральном Тянь-Шане. См.: Отчет Археологической комиссии за 1891 год. СПб., 1893, стр. 109.

курганы иногда имеют даже как бы двухэтажную форму»¹. Как отмечал ученый, параллельные цепочки курганов иногда подходили вплотную к дороге, располагаясь перпендикулярно к ней. Они состояли из 3—6 курганов, иногда — из 11—12. Наблюдения В. В. Бартольда не остались без внимания последующих исследователей, которые отмечали многочисленность и разнообразие комплексов памятников древних кочевников в Иссык-Кульской котловине.

Таким образом, хотя дореволюционные исследователи и собрали довольно обширную информацию об ареале иссык-кульских курганов, но они ничего не знали о самом характере памятников (конструкции захоронения, погребальном инвентаре, антропологических материалах) и их этнической принадлежности. Почти не проводились раскопки курганов. Все это стало уделом советской археологической науки.

Каменные изваяния

Намного больше и плодотворнее изучались до революции памятники тюркского времени, что объясняется повышенным интересом исследователей к каменным изваяниям. Первая попытка изучения каменных «баб» Прииссыккуля фактически принадлежит казахскому ученому и путешественнику Ч. Ч. Валиханову. Уже во время поездки в 1856 г. на Иссык-Куль он встретил по дороге наполовину вросшие в землю каменные изваяния. «Удивительно было, что на месте их нахождения не было кургана, как это попадает в Малороссии, Сибири, — отмечал Ч. Валиханов. — Не определено до сих (пор), что означали эти бабы и кем поставлены. Виденные здесь мною изображали лицо с огромными усами. В правых руках болванов было что-то вроде чашки. Облик лица и глаза напоминают монгольский тип»². В своем дневнике Ч. Валиханов сделал и зарисовки карандашом четырех фигур. Это первые иконографические изображения тюркских изваяний Прииссыккуля. И хотя молодой ученый в связи с общим состоянием археологической науки того времени не мог сказать о них ничего более определенного, но уже одна его информация о каменных изваяниях связывала район Иссык-Куля общностью исторических судеб с насельниками других очень отдаленных территорий («Малороссией» — Украиной и Сибирью).

В 1857 г. П. П. Семенов также встретил изваяния на тер-

¹ В. В. Бартольд. Отчет..., стр. 52.

² Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч., т. 1, стр. 268.

ритории Иссык-Кульской котловины. «Здесьние каменные бабы, — писал он, — были грубо высечены из сиенита, глубоко врыты в землю и имели плоские широкие лица, хотя мужские и с длинными усами¹. Ученый склонен был отнести их к усуням на том основании, что последние якобы господствовали на Иссык-Куле в течение пяти веков и «не могли не оставить по себе каких-либо памятников». По его мнению, с отдаленных времен только и могли сохраниться каменные изваяния и некоторые бронзовые орудия². Сейчас, естественно, мы не можем принять такое толкование П. П. Семенова, который пытался связать виденные им памятники со столь отдаленными историческими периодами. Но им все же сделана попытка научной, пусть и не совсем точной, интерпретации памятников древнетюркского времени на Иссык-Куле.

Почти все последующие путешественники³ побывавшие в самых различных местностях Иссык-Кульской котловины и интересовавшиеся ее древностями, отмечали наличие здесь множества изваяний. Так, Г. А. Колпаковский обнаружил в воде между устьями двух речек Койсу при впадении в озеро Иссык-Куль каменную бабу⁴. А. М. Фетисов отметил изваяния долин Ходжи (Каджи-Сай) и Бар-Булак. Но если П. П. Семенов датировал их рубежом нашей эры, то А. М. Фетисов считал каменные изваяния памятниками «монгольского производства»⁵.

Первые графические воспроизведения двух «баб» опубликовал Д. Л. Иванов (рисунки каменных изваяний Ч. Валиханова оставались достоянием архива). У одной из них голова занимала половину фигуры, рельефом были очерчены брови, нос, рот и окружность глаз, на груди выбито нечто вроде чаши (рис. 1). Второе изваяние было совсем плоским, хотя отделано и более тщательно: видны шея и плечи, рука с

¹ П. П. Семенов. Мемуары. Путешествие в Тянь-Шань..., стр. 274.

² Там же, стр. 276.

³ В их числе А. Ф. Голубев (1859 г.), Н. А. Северцов (1867 г.), Г. А. Колпаковский (1870 г.), А. М. Фетисов (1878 г.), Д. Л. Иванов (1885 г.), А. Н. Краснов (1886 г.), Ф. В. Поярков (1887 г.), В. В. Бартольд и С. М. Дудин (1894 г.) и др.; опросные сведения о каменных изваяниях на южном побережье Иссык-Куля приводились в записках И. В. Бордошева. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18551 (1), л. 10.

⁴ Г. А. Колпаковский. О древних постройках, найденных в озере Иссык-Куле. «Изв. РГО», т. VI, 1870, стр. 101—105. Как отмечал уже Б. В. Лунин, И. Кастанье ошибочно полагал это каменное изваяние «первой находкой каменных баб в Семиреченской области». И. А. Кастанье. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. «Тр. Оренбургской ученой Архивной комиссии», вып. XVII. Оренбург, 1910, стр. 251—256.

⁵ А. М. Фетисов. Экскурсия в горы Зайлийского Терской- и Кунгей Алатау. Газ. «Туркестанские ведомости», 1878, № 4.

Н. Н. Каразин.

пальцами, в правой руке какой-то предмет крестообразной формы¹ (рукоять холодного оружия—?).

Упомянем также об изображении каменной скульптуры вблизи озера Иссык-Куль — рисунок Н. Н. Каразина², опубликованный И. В. Мушкетовым³.

Много каменных изваяний встретил на южном побережье озера Ф. В. Поярков. Некоторые фигуры были с надписями (?!), многие лежали недалеко от курганов. Вот одно из метких наблюдений автора над иссык-кульским каменным изваянием:

«...Эта баба свидетельствует, что художник, а следовательно, и народ ее создавший, имел уже некоторое представление о размерах или пропорциональности в искусстве». Над лицом изваяния был высечен полукруглый ободок, в правой руке меч, в левой—чаша. Непосредственно на иссык-кульском побережье Ф. В. Поярков встретил немного каменных изваяний, но, как он пишет, верстах в 70 от южного берега Иссык-Куля на Селикбеле, по словам киргизов, «находится чуть ли не целый город из каменных баб, где их будто бы до сорока штук». Однако проверить эти сведения не было возможности. По мнению Ф. В. Пояркова, «на каменные бабы следует смотреть так же, как на могильные памятники». Сам он связывал их непосредственно с могильными сооружениями—курганами, хотя и считал, что окончательный ответ на этот вопрос могли бы дать только

¹ Д. Л. Иванов. По поводу некоторых туркестанских древностей (табл. II, рис. 7), стр. 168—177.

² Из документов бывшей канцелярии туркестанского генерал-губернатора нам известна одна из первых попыток краевых властей предпринять еще в 1867 г. изучение оз. Иссык-Куль и его окрестностей «как по части топографической, так и по части естествознания». Для этой цели из Ташкента на Иссык-Куль командировались коллежский секретарь Буняковский, топограф Китаев и штабс-капитан Каразин. Однако они успели доехать лишь до Токмака и были отозваны вновь в Ташкент. Это заставляет усомниться в том, что рисунок каменной бабы был сделан Н. Н. Каразиним с натуры. ЦГА Узб. ССР, ф. И-1, оп 15, л. 43, л. 2—10.

³ И. В. Мушкетов. Туркестан, т. I. СПб., 1886, стр. 77.

раскопки курганов, у которых обнаружены изваяния¹. Последующие исследования археологов показали, что эта гипотеза правомерна и нашла своих сторонников, однако есть и другие высказывания². Этот сложный вопрос окончательно еще не решен и современными исследователями.

Обследование изваяний С. М. Дудиным в районе оз. Иссык-Куль в 1894 г. подтвердило предположение об их связи с курганами. Так, недалеко от р. Тон был обнаружен могильник «с хорошо обтесанными гранитными статуями без голов». Могильник представлял собой квадратную площадь, обложенную камнями. У южного ее края лицом на юг было обращено три фигуры мужчин, сидящих по-восточному, с мечом и чашей в руках. Несколько в стороне было еще две фигуры — одна сидящая, другая — стоящая. В руках обе

Рис. 1. Каменное изваяние на южном берегу оз. Иссык-Куль. Уроч. Ак-Терек.

их фигур по обыкновению — меч и чаша. И первая и вторая группы изваяний создавали впечатление сдвинутых со своего первоначального положения. Однако в некоторых местах, наоборот, казалось, что они стояли на своих первоначальных местах, зато курганы были разрыты, причем совсем «недавно», — отмечал С. М. Дудин. В целом же «бабы» находились только около некоторых могил, «у других их заменяет обыкновенный плоский камень, побольше других размерами, поставленный на одно из коротких ребер»³. В. В. Бартольд, который привел это мнение С. М. Дудина, видимо, также считал, что каменные изваяния — это атрибуты курганных памятников. В приложении к своему «Отчету» он привел фотоснимки некоторых из обнаруженных им «баб». Среди них «каменные статуи в

¹ Ф. В. Полярков. Археологические экскурсии...

² См.: А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26. М.-Л., 1952, стр. 143—146; Я. А. Шер. Каменные изваяния Семиречья. М.-Л., 1966; История Киргизской ССР, т. I. Фрунзе, 1968, стр. 162.

³ В. В. Бартольд. Отчет... стр. 54, 57, 58.

долине речки Тон» (табл. XV). На двух ясно заметны безрукавные халаты, в которые просунуты руки, а на третьей — сохранились только полусогнутые ноги. Кстати, последнее изваяние ныне находится в Турасуйской средней школе.

Заключая изложенное об изучении этих памятников дореволюционными исследователями, можно сказать, что в общем они были близки к определению значения каменных изваяний, среди которых отмечали и женские изображения (Ф. В. Поярков), наметили ареал их распространения, хотя этническую принадлежность и датировку изваяний определяли не совсем точно. Правильное объяснение значения каменных скульптур становится возможным лишь с 90-х годов XIX в., после расшифровки надписей на стелах, сделанных на тюркском языке и руническими письменами. С этого времени они стали называться тюркскими, а их хронология определилась VI—IX веками. В истории древних кочевников Прииссыкулья вырисовался еще один исторический период — тюркский.

Раннесредневековые поселения и укрепления

Обилие курганов и каменных изваяний — одно из подтверждений обитания в Прииссыкулье древнего кочевого населения, оставившего свои оригинальные памятники. Однако прошлое этого края, судя по дореволюционной литературе, никогда не представлялось отечественным исследователям лишь историей кочевых народов. Зафиксированные во множестве еще в прошлом веке развалины раннесредневековых поселений и укреплений свидетельствуют о развитии здесь и оседлой жизни. Первое сообщение об «остатках древнего кургана» (укрепления) было сделано Ч. Ч. Валихановым в 1856 г. Он обратил внимание на «курган» в верховьях р. Урюкты, имевший в окружности около квадратной версты. Это укрепление было обнесено тремя стенами, причем внутренние были выше внешних и имели бастионные возвышения, везде виднелись следы зданий¹.

Впоследствии появляется информация о поселениях Иссык-Кульской котловины в трудах П. П. Семенова-Тян-Шанского, А. Ф. Голубева, Г. А. Колпаковского, В. К. Герна, А. М. Фетисова, И. В. Игнатьева, А. Н. Краснова, Н. Л. Зеланда, М. В. Певцова, В. В. Бартольда, П. А. Дьячкова, Л. С. Берга и др. (Историографическую сводку см. в статье Д. Ф. Винника²).

¹ Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч., т. 1, стр. 270.

² Д. Ф. Винник. К исторической топографии средневековых поселений Иссык-Кульской котловины. В кн.: Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. Фрунзе, 1967, стр. 91—94.

Ф. В. Поярков.

Отметим отдельные моменты, связанные с изучением дореволюционными исследователями укрепленных поселений на южном побережье озера—от долины р. Тосор до р. Тон—основных объектов археологических работ 1971 г. Так, в 1878 г. А. М. Фетисов зафиксировал во время своей поездки в Прииссыккулье «две земляных крепостцы» и другие следы поселения в Каджисае (долине «Ходжи»). В Барбулакской долине, в полуверсте от озера, он осмотрел руины еще одного древнего городка и укрепления (его цитадели—?). Здесь «местами виднелись глинобитные стены, которые и теперь еще имеют аршина

полтора высоты над землей,—описывал А. М. Фетисов,—все остальное уже представляется кучами земли, смешанными с различной величины черепками домашней глиняной посуды и кусками костей домашних животных. Тут же на северной стороне этого разрушенного городка возвышался большой курган, имеющий четверугольную форму»¹.

Остатки поселений в долине р. Тон вслед за В. К. Герном (1877 г.) и Н. В. Сорокиным (1884 г.) описывали многие, побывавшие здесь путешественники, в их числе и Ф. В. Поярков (1887 г.). Последний также отмечал, что «в северо-восточном углу долины р. Тон находится четырехугольная крепость, обнесенная со всех сторон высоким земляным валом, в крепости этой находится значительных размеров курган»². Обстоя-

¹ Сравнение керамики, найденной А. М. Фетисовым здесь и на самом берегу озера, показало наблюдательному путешественнику, что она «несколько не отличалась формой, искусством выделки и качеством материала...» А. М. Фетисов. Экскурсия в горы Зайлийского Терскей- и Кунгей Алатау. Газ. «Туркестанские ведомости», 1878, № 4.

² А. М. Фетисов. Экскурсия в горы Зайлийского Терскей и Кунгей Алатау. Газ. «Туркестанские ведомости», 1878, № 4.

тельства вынудили Ф. В. Пояркова ограничиться тогда лишь беглым их осмотром.

Специальную поездку для осмотра древностей в Иссык-Кульской долине и развалин древнего города на р. Тон совершил в 1890 г. некий путешественник, скрывавшийся под инициалами «В. Г.»¹.

Наиболее подробное описание средневековых памятников Тонской долины дал С. М. Дудин. Оно помещено в «Отчете» В. В. Бартольда. Приведем его полностью. «В южном углу долины между горами Улькун-тау и Хан-Тюбе, на левой стороне речки, находится торткуль. Он был окружен многоугольной глинобитной стеной около 2 сажен толщиной, теперь сильно осунувшейся и обратившейся в валы, высотой от 1 до 2,5 сажен. К стенам с наружной стороны примыкают более высокие выступы в 3 с лишним сажени длиной и в 2 сажени шириной; расстояние между отдельными выступами различно — 70, 66, 50 и 40 шагов. С юга в крепость вели узкие ворота, защищенные особым выступом; такие же ворота, но защищенные только насыпью, находились на западной и северной сторонах. Восточная часть пространства, окруженного валами, покрыта массой насыпей и валиков; уследить за порядком их расположения мне или топографу не представлялось возможности, кроме того, все пространство было покрыто высоким густым чием. Там же возвышается сложенная из больших сырцовых кирпичей цитадель, представляющая квадратный плоский холм с сильно закругленными углами. Разрез на вершине холма показывает, что постройка была скреплена двумя рядами балок, лежавшими крест-на-крест, причем один ряд отстоит от другого на 0,5 аршина (возможно, что балка служила крышей для склепа, помещавшегося внутри цитадели). С севера к холму примыкает невысокий коротенький валик, соединяющийся с другими валиками и возвышениями. На юг и на север от цитадели разбросаны плоские насыпанные из камня круглые и четырехугольные могилы. С юга, запада и севера крепость была окружена глубоким и широким рвом; с запада к ней кроме того примыкает низкий, но очень длинный вал, направляющийся к горам. С востока к валу крепости подходит аллея из больших камней, ведущая прямо к горке, опоясанной длинным рядом громадных камней.

Одновременно ли построены крепость и стена, перерезаю-

---

¹ В. Г. Поездка в долину озера Иссык-Куль. Газ. «Семипалатинские областные ведомости», 1890, № 31, 33.

щая долину¹, трудно сказать; во всяком случае способ постройки и величина кирпичей здесь и там совершенно одинаковы. На стене в некоторых местах заметны следы бывших здесь когда-то балок в виде четырехугольных дыр, направленных перпендикулярно сторонам стены. На пути от стены до крепости попадаетея много глинобитных массивных сооружений то в виде стен, то в виде валиков и холмиков различных размеров (от 37×30 арш. до 50 арш. и более). Вероятно, между ними много развалин глинобитных муллушек»².

Из приведенного отрывка, кстати, одного из наиболее полных описаний конкретного объекта, видно, что это всего лишь фиксация памятника, почти без комментариев, без попытки его датировки, выяснения вопросов топографии и т. д.³. Однако значение этих предварительных обследований и заключается именно в :озможно подробной фиксации, так как с тех пор памятники заметно разрушились временем или даже исчезли. Развернувшиеся в советское время археологические раскопки названных памятников во многом уточнили и приумножили наследие дореволюционного времени.

---

¹ Имеется в виду некогда мощное фортификационное сооружение IX—XIV вв. — так называемая стена Барсхан. Ф. В. Поярков, довольно детально обследовавший ее в 1887 г., оставил также небезытересное описание этого ныне уже почти не существующего памятника. Прежде стена, видимо, сплошь перегораживала в поперечном направлении Исык-Кульскую долину. «В стене сделаны одни только ворота для проезда. Длина этой стены 3,5—4 версты, ширина ее у основания около 5,5 аршина, высота в различных местах различная — от 5 и более аршин, в стене и около нее попадаетея масса глиняных черепков различной толщины. Стена глинобитная и, бесспорно, есть дело рук человеческих, но чьих? — вот вопрос. Присутствие в стене глиняных черепков на различной ее высоте может говорить за то, что соорудившему эту стену было известно горшечное производство. Какая цель этой постройки, потребовавшей немало труда? Первое и последнее, что приходит на мысль это то, что соорудившие ее имели целью защитить себя от неожиданного нападения врага. Из истории же мы знаем, что в древние времена жизнь в этих местах далеко не отличалась спокойствием. Из глубины Азии, точно морская волна, бегущая одна за другой, выходили постоянно одни народы за другими, и более сильные из них покоряли или даже совсем истребляли более слабых. На мысль приходит и то, что народ, построивший стену, был не особенно силен и могуществен (многочислен), чтобы мог надеяться лично на свои силы». Ф. В. Поярков. Археологические экскурсии по берегам озера Исык-Куль и по Токмакскому уезду.

² В. В. Бартольд. Отчет . . . , стр. 56—57. Как отмечалось Ф. В. Поярковым, «в этой же долине замечены две глинобитные разрушенные постройки с толстыми стенами, вероятно, это были дома. Киргизы здешние считают их почему-то делом рук монголов и подле одной из этих построек в траве найдена каменная ступка значительной величины». — Ф. В. Поярков. Археологические экскурсии по берегам озера Исык-Куль и по Токмакскому уезду.

³ Д. Ф. Винник. К исторической топографии . . . , стр. 94.

Несторианские, мусульманские кладбища и эпиграфика

Широкие отклики в кругах отечественных востоковедов вызвало открытие на Иссык-Куле надгробных камней средневековыми тюркскими, арабскими и тибетскими надписями. Во время поездки в Прииссыккулье Д. Л. Иванов обнаружил на северном берегу озера у р. Аксу древнее кладбище, рядом с которым находилась киргизская мечеть. (Вслед за ним там побывал и Ф. В. Поярков). На большинстве надгробных камней были высечены знаки или надписи полукуфическим почерком. Мулла мечети снес несколько десятков надгробных камней с письменами и установил их вдоль стен мечети. Д. Л. Иванов сделал снимки некоторых из надписей и поместил их в своей публикации. По словам муллы, самый интересный камень, на котором стояла дата 675 г. хиджры, т. е. первой половины XII столетия, был увезен в Каракол уездным начальником Курковским¹. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Во время своей поездки на Иссык-Куль Ф. В. Поярков также обнаружил в долине р. Тон камни с надписями. Все они были сложены в одну кучу, как предположил автор, — на одной могиле. По всей вероятности, они были ранее кем-то сюда принесены. Одни из них он сразу же передал для исследования в Археологическую комиссию, остальные были направлены им позже, в 1891 г., в Азиатский музей Академии наук. Подобные же камни с надписями Ф. В. Поярков встречал ранее у р. Аксу на северном берегу Иссык-Куля и возле станции Чолпон-Ата. По внешним очертаниям надписи были типа куфи, но только прочтение текста могло окончательно решить их историческое происхождение². Сам он высказал лишь предположение, что кайраки принадлежат «мусульманскому» народу, но какому именно — это вопрос? Единственное, что Ф. В. Поярков утверждал более или менее уверенно,

---

¹ Д. Л. Иванов. По поводу некоторых туркестанских древностей, стр. 162—177.

² Чтением арабских коранических текстов на кайраках, обнаруженных Ф. В. Поярковым в молельне между станциями Курумды и Сазановская и отправленных им еще в 1886 г. в Московское археологическое общество, занимались впоследствии ряд востоковедов, в их числе М. О. Атая, а расшифровкой надписей на присланных им же камнях из других мест Иссык-Куля и оказавшихся несторианскими — В. К. Трутовский. См.: В. К. Трутовский. Об арабских надписях из Семиреченской области. Древности восточные, т. 1, вып. 1, 1889, стр. 20; М. О. А т а я. Арабские надписи из Семиреченской области. Древности восточные, т. 2, вып. 1. М., 1896, стр. 121—122.

это лишь то, что встречал их только на Иссык-Куле, хотя довольно тщательно обследовал и Токмакский уезд¹.

Те же мусульманские кладбища с надписями на камнях в Прииссыккулье исследовались и В. В. Бартольдом. Он датирует их XII веком. В одном месте у р. Аксу он обнаружил до 70 камней с эпитафиями².

С. М. Дудин встретил в долине р. Тон на одном из громадных камней с углублениями в виде ниш надпись и срисовал ее. По его мнению, она была высечена «не так давно», хотя киргизы утверждали обратное. Здесь же по р. Тон С. М. Дудин видел 19 надгробных плит с «мусульманскими» изречениями³.

Несмотря на многие упоминания об обилии прежде подобных эпитафий на южном побережье Иссык-Куля, ныне они очень редки. По крайней мере в долинах рек Тон и Тура-Сумы не встретили уже ни одного такого кайрака. Правда, на скале, на недоступной высоте все еще была видна та самая надпись, высеченная арабской графикой, которую приводит В. В. Бартольд в приложении к «Отчету...» (табл. XV). Вообще, уже мало что осталось от многих памятников эпиграфики в долине р. Тон.

Примечательно, что наряду с мусульманскими эпитафиями на южном побережье озера были обнаружены христианское кладбище и надгробия с несторианскими письменами. Это открытие сделал летом 1907 г. на р. Джуука (Заука) Н. Н. Пантусов, нашедший два камня с эпитафиями⁴. Одна из них на уйгурском языке, написанная сирийским алфавитом, интересна тем, что здесь встречается упоминание имени

Н. Н. Пантусов.

¹ Ф. В. Полярков. Археологические экскурсии . . .

² В. В. Бартольд. Отчет . . ., стр. 52.

³ Там же, стр. 56, 58.

⁴ Н. Н. Пантусов. Христианское кладбище у ущелья Заука. Протоколы заседаний и сообщений Туркестанского кружка любителей археологии, 1908. стр. 14—15.

знаменитого полководца древности Александра Македонского и его отца Филиппа¹.

Средневековые арабские надписи с кайраков чаще всего содержали выдержки из корана. Одну из таких эпитафий по фотографии с камня, присланной Д. П. Рождественским в Петербургскую Академию наук в 1913 г., прочел В. В. Бартольд, снабдив перевод указанием, что подобные стихотворные тексты из корана широко распространены на надгробных камнях в Прииссыккулье².

Подводные развалины

Из всех древностей края едва ли не наибольший интерес у местного населения, краеведов и путешественников по Иссык-Кулю вызывали подводные развалины. Все новые сведения о них получали отклики в местной печати и среди исследователей, побуждая к попыткам конкретного их изучения. Уже самые первые археологические находки, да и многие последующие, так или иначе происходили из затопленных озером древних культурных очагов. Небезынтересные легендарные предания киргизов о них, хотя и не имеющие под собой твердой исторической основы, приводились выше. Другое дело дискуссии, периодически появлявшиеся в печати, среди ученых на ранней стадии археологического ознакомления с Иссык-Кулем. Большинство посетивших Прииссыккулье путешественников были уверены в реальности подводных развалин озера. Однако И. В. Мушкетов, Н. В. Сорокин и некоторые другие отрицали их существование, объявляя подводные стены и остатки строений естественными геологическими отложениями и даже зрительным обманом и плодом фантазии.

Обратимся вкратце к истории этого вопроса. Первое из известных нам упоминаний о подводных развалинах Иссык-Куля — справа от впадения р. Тюп в озеро — встречается в записке купца Исаева, побывавшего в Прииссыккулье в 1824—1830 гг. Она была составлена специально для Ч. Вали-

---

¹ Перевод текста этого памятника, сделанный П. К. Коковцевым, таков: «В тысяча шестьсот сорок втором году счисления хана Александра, сына Филиппа Македонца, двадцать девятого числа тешрина, в пятый день (недели) исповедуй церковь, этот юноша Юшмед, по велению Христа скончался. К вере приобщение его (или: к св. причастию призыв его) в году свиньи было. В году овцы (бесплотным) духом стал. Да будет ему [вечная] память! Аминь! — Ч. Джуматулов. Язык сиротюркских (несториянских) памятников Киргизии. Фрунзе, 1971, стр. 92.

² В. В. Бартольд. Надпись на кладбище у озера Иссык-Куль. Соч.,

ханова, который сделал помету своей рукой: «Копал, июля 24 дня 1856 г.»¹ Следовательно, казахский ученый просил составить для него записку сразу же после возвращения с Иссык-Куля, летом 1856 г., хотя в иссык-кульском дневнике сам Ч. Валиханов о подводных развалинах ничего не пишет, но он, несомненно, слышал о них, о чем свидетельствуют, между прочим, и приведенные сведения.

П. П. Семенову не удалось в 1857 г. непосредственно увидеть подводные развалины. Он писал о них уже со слов своих информаторов: «Интересно было для меня проверить рассказы кара-киргизов об исчезнувших под водой развалинах строений, которые иногда, при низком стоянии воды, бывают видны и поныне». Сопоставив два исторических источника XIV—XV вв. о бывших некогда на Иссык-Куле заселенных островах, затем исчезнувших, с рассказами местных жителей, П. П. Семенов отмечал: «Я не имею причины сомневаться в их справедливости и прихожу к заключению, что все три относятся к одному и тому же острову, существовавшему в XIV и XV веках и в то время застроенному и исчезнувшему под водой вместе со всеми постройками позже XIV века»². Это позволило ему датировать подводные развалины монгольским периодом — XIV—XV веками. Позднее их осматривали А. Ф. Голубев (1859 г.), а впоследствии и Г. А. Колпаковский (1869 г.)³.

Интерес к подводным развалинам и связанным с ними легендам был так высок, что семиреченское начальство с разрешения туркестанского генерал-губернатора намечало еще в 1871 г. организовать подводную археологическую разведку с использованием «подводного колокола» или водолазного костюма. Поводом к этому послужили случайные находки на дне озера. В письме военного губернатора Семиреченской области Г. А. Колпаковского туркестанскому генерал-губернатору К. П. Кауфману от 3 ноября 1871 г. сообщалось: «...В последнюю поездку в южную часть Семиреченской области приобретены мною две археологические вещи (две чаши. — Ав-

---

т. IV, М., 1966, стр. 339—340.

¹ Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч., т. III. Алма-Ата, 1964, стр. 317.

² П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Мемуары. Путешествие в Тянь-Шань..., стр. 271—272.

³ Записка Г. А. Колпаковского о древних «предметах, найденных в юго-восточной части Иссык-Куля и доказывающих существование в прежние времена в этом месте города», была зачитана на собрании членов-учредителей Среднеазиатского ученого общества в Ташкенте в ноябре 1869 г., еще до его официального открытия. — ЦГА Узб. ССР, ф. И-591, оп. 1, д. 1, л. 3; д. 2, л. 1; Б. В. Лунин. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Ташкент, 1962, стр. 74, 289.

Рис. 2. Снаряжение водолаза, предлагаемое для исследований оз. Иссык-Куль, 1871 г.

торы) и две серебряные монеты, найденные на берегу Иссык-Куля»¹. «Вообще загадочность Иссык-Куля с каждым годом усиливается и побуждает меня, — писал Г. А. Колпаковский, — вновь заявить мысль о необходимости исследований. Затруднения относительно устройства судна по возможности устранимы. Ожидая на Иссык-Куле г. Федченко, я распорядился об устройстве небольшого парусного судна, которое приведено уже к концу; кроме того, для этой же цели одним частным лицом устроен восьмивесельный катер. Затем, для полноты предприятия недостает водолазного аппарата,

¹ Первая вещественная находка, о которой упоминает Г. А. Колпаковский — большая медная чаша — обнаружена на северной стороне озера, в устье р. Сары-Булак при впадении ее в Иссык-Куль; вторая — медная «побеленная» чаша с «мусульманской» надписью поднята в устье р. Койсу, впадающей в озеро с юга. Содержание надписи таково: «Весенние дни доставляют нам счастье. О, водонос! Дай мне оживляющей влаги... Похожий на розу напиток сосуду красу придает, подобно тому, как роса оживляет тюльпан. Жизнь считай лишь то время, которое смертным дает наслажденье». Обе чаши были найдены киргизами и первая приобретена непосредственно от нашедшего ее, а другую представил Умбет-Али. К. П. Кауфман распорядился отправить серебряные монеты на исследование в Археологическую комиссию С. Г. Строганову, а чаши хранить для будущего Ташкентского музея, но потом все четыре предмета были персланы последнему. — ЦГА Узб. ССР, ф. И-1, оп. 1, д. 102, л. 1—3.

приобретение которого посредством частных средств более чем сомнительно».

Военный губернатор просил разрешения выписать этот аппарат. Водолазный же костюм и мастера решили запросить из Кронштадта у строителя крепости К. Я. Зверева.

В письме к нему К. П. Кауфман сообщил: «Озеро Иссык-Куль, находящееся в пределах Семиреченской области, представляет собою весьма богатый материал для археологических исследований. Найденные на дне сего озера и рек, в оное впадающих, в разное время древние вещи свидетельствуют, что местность, где находится озеро Иссык-Куль, была совсем в иных условиях, чем в настоящее время изменившихся вследствие какого-либо переворота. К сожалению, археологические находки так еще бедны, ибо добываются случайно... и притом так разнообразны, что не представляют еще данных к какому-либо выводу. Но как загадочность Иссык-Куля с каждым годом приобретает более и более интереса в научном отношении, то весьма естественно является мысль о необходимости исследования оного. Главная остановка в настоящее время за водолазным аппаратом, а равно и за мастером, которому можно было бы поручить подводное исследование». Генерал-губернатор просил сообщить о стоимости водолазного костюма и на каких условиях смог бы приехать в край водолаз¹.

Из Кронштадта было выслано описание новейших водолазных костюмов, которые можно было бы закупить в Англии или Франции. Но задуманное так и не удалось осуществить. Вот, о строительстве которого упоминал в первом письме Г. А. Колпаковский, сразу же затонул при спуске на воду. Приобретение скафандра было отложено до очередной поездки генерал-губернатора в Петербург, а потом дело и совсем заглохло. Лишь как воспоминание о благих намерениях в бывшем архиве канцелярии туркестанского генерал-губернатора в г. Ташкенте отложилось цитированное выше дело на 40 листах.

Зато уже в 1886 г. по заданию Русского Географического общества² специальный осмотр дна провел в районе Койсары

¹ «При этом главным образом нужно принять во внимание, — заключал Кауфман, — что как цель приглашения такого мастера составляют по преимуществу археологические изыскания, то в данном случае необходим человек развитый, способный, сильный и непьющий» (!). — ЦГА Узб. ССР, ф. И-1, оп. 1, д. 102, л. 5.

² «Так как экспедиция предполагает окончательно снарядиться в Караколе, т. е. в долине Иссык-Куля и на обратном пути тоже будет в долине Иссык-Куля, то было бы весьма желательно, — указывал И. М. Мушкетов, — чтобы она занялась, насколько возможно, исследованием остат-

И. В. Мушкетов.

нес твердого убеждения об их хронологии, а его помощник — С. М. Дудин вообще категорически отрицал их существование. В результате осмотра с лодки окрестностей Койсары, он пришел к ошибочному выводу, будто «мнимые» стены представляют собой толщи сланцевой глины, размытые водой². В статье В. В. Бартольда «К вопросу об археологических исследованиях в Туркестане» (1894 г.) ученый, вновь

ков древних поселений на Иссык-Куле, которые давно уже известны и в последнее время получают все больший интерес, вследствие открытия сирийских памятников в Токмакском уезде, т. е. местности соседней с Иссык-Кулем. Особенно интересно проверить данные о нахождении развалин древних поселений, находящихся на северном берегу озера у р. Ак-Су под уровнем воды. При этом желательно проследить распространение и характер новейших туфов, которые, обладая правильною трещиноватостью, иногда принимаются за остатки искусственных стен, напр., в юго-восточном углу озера вблизи берегов».—И. В. Мушкетов. Мотивы и задачи экспедиции на Хан-Тенгри (доклад предс. в отделении физ.-геогр. РГО) (1886 г.).— Архив Географического общества СССР, ф. 7, оп. 1, д. 6, л. 11—12.

¹ И. В. Игнатъев. Предварительный отчет об экспедиции для исследования горной группы Хан-Тенгри. — «Изв. РГО», т. XXIII, 1887, стр. 135. Подробнее дальнейшую историю их изучения см.: Д. Ф. Винник. К историко-топографическому изучению урочища Койсары. «Изв. АН Киргиз. ССР», серия обществ. наук, т. V, вып. 1, 1963.

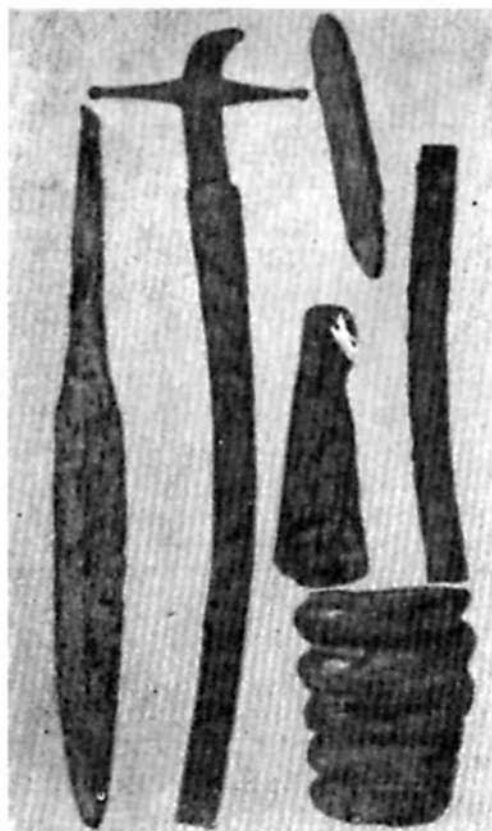
² В. В. Бартольд. Отчет..., стр. 47.

³ Там же, стр. 47—48.

И. В. Игнатъев¹. В результате этого подводные остатки стен стали правильно считать развалинами некогда существовавших здесь поселений. Правда, большинство исследователей полагало их очень древними, преимущественно усуньскими (И. В. Игнатъев, П. А. Дьячков и др.). Но, как отмечено выше, П. П. Семеновым была предложена и другая их датировка — XIV—XV вв., что оказалось ближе к истине.

В. В. Бартольд считал, что подводные постройки не могут быть мусульманскими и склонен был отнести их к новому времени, даже к XVIII веку². Сам он осмотрел эти развалины, но не вы-

3. Предметы, найденные
в оз. Иссык-Куль
(собраны Ф. В. Поярковым).

возвращаясь к вопросу о подводных развалинах оз. Иссык-Куль, сделал такое заключение: «Кирпичи и разные археологические предметы, находящиеся на берегах озера и на дне его, вероятно, относятся к эпохе чингизидов или к эпохе кара-китаев»¹. В другой работе В. В. Бартольд также склоняется датировать их XV—XVI вв.²

В свое время Н. Л. Зеланд не без горечи отмечал отсутствие систематических археологических исследований Прииссыккуля³ (не говоря уже о специальных подводных раскопках). К тому же иссык-кульские находки не сосредоточивались на одном месте, не велась постоянно их регистрация. Далеко не о всех памятниках сведения попадали в печать, чтобы стать достоянием археологов. Все это, конечно, затрудняло окончательное решение вопроса о происхождении

подводных археологических развалин и их датировке. Только в наше время стало возможным проведение специальных подводных археологических исследований (Институт истории АН Киргизской ССР), которые доказали бесспорность существования некогда затопленных водами Иссык-Куля поселений, датируемых средневековым периодом.

Нумизматические находки

Попытки археологического обследования Иссык-Кульской котловины сопровождались также попутным сбором нумизматических находок. Первые сведения о кладе серебряных мо-

¹ В. В. Бартольд. Соч., т. IV. М., «Наука», 1966, стр. 105—106.

² Там же, т. II, ч. I. М., 1962, стр. 727—728.

³ Н. Л. Зеланд. С берегов Иссык-Куля. Газ. «Туркестанские ведомости», 1891, № 35.

нет с «татарской надписью» относятся еще к 1847 г., когда местными жителями на древних развалинах по течению р. Каракол было найдено в земле 96 серебряных монет, величиной с полтинник¹.

Систематический сбор нумизматического материала из Принссыккулья мог способствовать уточнению датировки ряда археологических памятников и исторических событий, уяснению разветвленности внутри- и внешнеторговых связей² края в древний и средневековый периоды его истории. Но при отсутствии регистрации находок немало древних монет оказались навсегда утерянными для науки.

Уже упоминалось о двух серебряных монетах, найденных в 1871 г. на Иссык-Куле³, которые были отправлены в Археологическую комиссию. Туда же поступило в 1895 г. пять медных восточных монет—находка из г. Пржевальска⁴. Однако неизвестно, изучались ли они там специально: поступали ли в научные учреждения и куда именно другие нумизматические сборы из Принссыккулья (в частности монеты, подаренные М. В. Певцову его информатором Джеламаном). Судя же по некоторым известным находкам из других районов Семиречья, которые изучались Ч. Ч. Валихановым, В. В. Григорьевым и др., некоторые из упомянутых монет были, вероятно, тюркскими и караханидскими.

Антропологические материалы

Исследуя мусульманские и несторианские кладбища, могилы, а также подводные развалины озера Иссык-Куль, местные краеведы проявили интерес и к антропологическим материалам. Так, врачи-антропологи Ф. В. Поярков и Н. Л. Зеланд проводили антропологические измерения современного им населения Семиреченского края, а также собирали по возможности черепа и кости из древних захоронений. Два черепа, добытые Ф. В. Поярковым из урочища Койсары, были пересланы в Москву антропологу А. А. Ивановскому.

---

¹ Сведения о дикокаменных киргизах, стр. 143, 149; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18551 (2), л. 13.

² Интересное сообщение Рихтгофена, со слов Ч. Дилька о находке на восточном берегу Иссык-Куля испанской золотой монеты, нуждается в проверке. См.: Л. С. Берг. Озеро Иссык-Куль, стр. 107.

³ Обе монеты с «неизвестными надписями» найдены в окрестностях озера: одна, побольше—вблизи г. Пржевальска, а другая, маленькая, — гораздо западнее города, неподалеку от с. Конур-Улен. — ЦГА Узб. ССР, ф. И-1, оп. 1, д. 102, л. 1—2.

⁴ Отчет Археологической комиссии за 1885 год. СПб., 1897, стр. 75.

Последний нашел их «близкими к кара-киргизским»¹. Как видим, благодаря таким энтузиастам науки, как Ф. В. Поярков, в области антропологического изучения древнего и современного населения Иссык-Куля предпринимались первые, хотя и очень скромные, шаги.

Древние арыки

Множество обнаруженных дореволюционными исследователями курганов и руин оседлых поселений в Прииссыккулье явно свидетельствует о соседстве и хозяйственно-культурных контактах уже с глубокой древности кочевого и оседло-земледельческого населения. Другим подтверждением факта значительного развития здесь в прошлые века земледельческого хозяйства служат остатки ирригационных сооружений, также зафиксированные в трудах русских путешественников.

Так, Ч. Валиханов первым отметил в своем иссык-кульском дневнике (1856 г.) «следы древних арыков» на Тасмеплато, разделяющем реки Тюп и Джергалан. По киргизскому преданию, арык был сооружен калмыцким ханом Бока-Минджу². Но поскольку почти все свои предания и древности киргизы прежде связывали с калмыками, то и в данном случае доля достоверности этого факта невелика, тем более, что сами калмыки земледелием здесь не занимались.

Во время путешествия в 1857 г. на Иссык-Куль П. П. Семенов также отмечал, что нередко по маршрутам его поездок «были видны древние развалины — остатки арыков и очень древних и совершенно одичавших садовых насаждений, в виде целых рощ яблонь и абрикосовых деревьев (урюков)»³.

На остатки двух больших арыков между Джергаланом и Тюпом обратил внимание и В. В. Бартольд, обследовавший в 1894 г. иссык-кульское побережье. В результате он пришел к выводу, что раньше «условия орошения, очевидно, были иные, на что указывают как следы прежних арыков, так и развалины древних построек»⁴.

Нередко остатки старой оросительной системы можно и сейчас увидеть в Прииссыккулье, большей частью по пред-

---

¹ Подробнее см.: А. А. Ивановский. Черепа из озера Иссык-Куль. Изв. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. XVIII, Тр. Антропол. отдела, т. XII, 1890, стр. 173—182; Газ. «Туркестанские ведомости», 1904, № 52.

² Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч., т. I, стр. 167.

³ П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Мемуары. Путешествие в Тянь-Шань, стр. 257.

⁴ В. В. Бартольд. Отчет., стр. 49, 51.

горьям и, в частности, по обоим высоким склонам берегов р. Тосор, недалеко от впадения ее в озеро, а также в Тонском районе. Все эти арыки были сооружены с учетом особенностей горного рельефа и точного знания законов ирригации¹.

В 20-х годах нашего столетия П. П. Иванов собрал материалы о древней ирригационной сети в крае, которые подтверждают свидетельства дореволюционных путешественников и изыскателей-специалистов водного и сельского хозяйства о более значительном развитии там орошения² и поливного земледелия и в прежние времена, чем это считается сейчас в литературе.

Обращение вновь к более тщательному изучению этих древних ирригационных сооружений на современной научной базе позволит правильно решить вопрос не только о датировке, но и о значении этих арыков в экономической жизни Киргизстана прошлых веков.

Кокандские укрепления

Менее всего исследовались объекты нового времени, в частности, кокандские крепости и укрепления в Прииссык-кулье. Они были слишком современны для ученых и путешественников XIX в. и не привлекали к себе внимания местного населения. Явно «не везет» в этом отношении им и сейчас, ибо по своей сохранности они практически сравнялись с руинами раннесредневековых поселений и остаются все еще вне поля зрения историков.

Из сообщений путешественников и архивных источников известно, что на южном побережье Иссык-Куля имелось не менее трех крепостей с кокандскими гарнизонами: Барскаун, Кутемалды и Каракол³, две киргизские крепости — «курганчи» — Бурамбая и один курган Ормона. Где-то на пути из г. Верного (Алма-Аты) к Иссык-Кулю, вероятно, уже за пере-

¹ В 1971 и 1973 гг. мы наблюдали трассы древних арыков на склонах гор южнее и западнее городища Хан-Добе. Они поражают своей протяженностью и сложностью технического осуществления ирригационно-инженерного замысла.

² Так, он называет еще 4 крупных арыка между Тюпом и Пржевальском. По собранной П. П. Ивановым информации от местных жителей, в горной местности Сютты-Булак имелся даже желоб-канал, вырубленный в каменном ложе. Интересны гидротехнические сооружения и арыки, выведенные из р. Джергалан по гребню хребта, а также в местности Огулеи между Рыбачьем и Оттуком. — Архив ИНА АН СССР, р. II, оп. 6, д. 31, л. 22 и др.

³ Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч., т. I, стр. 372—378; о кокандской крепости Барскаун вблизи раннесредневекового укрепления сообщал в 1862 г. полк. Проценко. ЦГВИА, ф.400, Аз. ч., 1862, оп. 263/916а, л. 14.

Рис. 4. Развалины кокандской крепости у с. Долинка.
ныне сивелированные.

валом Санташ (сейчас трудно точнее локализовать), по словам манапов Бурамбая, Качыбека и др., манап Ормон возвел свой «курганчи»; там же было и более основательное укрепление кокандцев¹.

На самом берегу озера и вблизи р. Джуука (Зауке) находились киргизские «два курганчи», — писал Бурамбай. Там росли урюк, яблони, виноград, дыни, арбузы и овощи. Вследствие феодальных междоусобиц эти крепостцы пришли в полнейшее запустение². Стены кокандских крепостей, сооруженные из простых глиняных блоков — пахсы, не выдержали испытания временем и нападений киргизов. В литературных источниках второй половины XIX столетия, когда эти укрепления перестали выполнять свои функции, о них нет даже беглых упоминаний.

¹ Как видно из рапорта хорунжего Лучшева от 2 октября 1865 г., данный кокандский курган (стата им разрушенный), имел в длину 60 сажен, в поперечнике 40 сажен, и стены высотой в 4 аршина. Перед курганом проходила канава, и с трех других сторон он был окружен рвом. — ЦГА Каз. ССР, ф. И-2, оп. 1, д. 32а, л. 49—50. Копия в рукоп. фондах ООН АН Киргиз. ССР, инв. № 37.

² Из письма киргизских манапов приставу Перемышльскому от 18 июля 1855 г. — ЦГА Каз. ССР, ф. И-2, д. 32а, л. 3—7. Копия в рукоп. фондах Отд. обществ. наук. АН Киргиз. ССР, инв. № 37.

Старинные киргизские гумбезы

Из сведений о памятниках того же периода, что и кокандские укрепления, в записках ряда путешественников встречается несколько описаний архитектуры старинных киргизских гумбезов. Еще в 1856 г. Ч. Валиханов отмечал, что «киргизские могилы, обычай киргиз ставить по возможности богатые (памятники) подтверждает предположение, что это обычай общий всем кочевникам»¹. Он первым воспроизводит в своем иссык-кульском дневнике «киргизское кладбище на реке Тюп» (1856 г.). На его рисунке перед нами гумбез с порталом и куполом сфероидного типа по центру. Он относительно недавнего времени, но уже в начале второй половины XIX столетия выглядел обветшалым, с облупившимися стенами и разрушившимся потолком². То была могила Ногая, сына Джантая из рода чуйского батыра Атаке. В свое время он (Атаке) первым из киргизских родоправителей отправлял в 1784 г. посольство в С.-Петербург с просьбой о покровительстве России киргизам. Могила была выбелена, внутри расписана цветами «в восточном вкусе», но кирпичи обожжены неважно, и Валиханов обратил внимание на начало ее разрушения. Важен вывод, который Ч. Валиханов сделал на основании изучения киргизских гумбезов: «Если у киргизов есть свое художество, архитектура, то это, нет сомнения, есть архитектура монументальная, архитектура могил»³.

Небезынтересны и описания киргизских гумбезов в Прииссыкулье П. П. Семеновым-Тянь-Шанским. Так, в 1857 г. он описал могилу манапа Ногая (правда, назвав его уже иссыкульцем). Путешественник более подробно охарактеризовал гумбез, обратив внимание, в частности, на сюжетные сцены росписи потолка. Грубой фресковой живописью был изображен сам Ногай на коне с длинной пикой в руке. За ним также на коне — его сын Чон-Карац, далее все члены семейства Ногая и ряд вьючных верблюдов. Между группами были нарисованы фантастические деревья, которые и были ранее отмечены Ч. Валихановым. Примечательно, что сюжетные сцены и изображения людей и животных в гумбезах были сделаны вопреки мусульманским канонам. Это дерзкий в своем роде пример изображения людей и животных в мусульманских культовых постройках Средней Азии XVIII — сере-

¹ Ч. Ч. В а л и х а н о в. Собр. соч., т. I, стр. 324.

² См. карандашный рисунок Ч. Ч. Валиханова «Киргизское кладбище» и статью А. Х. Маргулана о художественном наследии Чокана Валиханова. В кн.: Ч. Ч. В а л и х а н о в. Собр. соч., т. V. Алма-Ата, 1972, стр. 19.

³ Ч. Ч. В а л и х а н о в. Собр. соч., т. I, стр. 253.

дины XIX в., так как именно киргизы отличались слабой приверженностью к исламу. И хотя строили гумбез кашгарские мастера из привозных строительных материалов, его архитектура и декор отвечали вкусам, потребностям и традициям, выработанным в киргизском классовом обществе. П. П. Семенов описал еще один гумбез, расположенный напротив названного. Эта могила была выше и в архитектурном отношении красивее первой, она имела купол и две башни, а на передней стене ее видны были красивые узорчатые амбразуры окон и дверей с интересными украшениями сверху»¹.

Как отмечал П. П. Семенов, киргизы при строительстве гумбезов иногда употребляли красивые глазурированные кирпичи, набранные, видимо, в более ранних, средневековых развалинах. Сообщения о том же находим и у Г. А. Колпаковского, В. В. Бартольда, М. В. Певцова и др.²

Многие уникальные археологические памятники Иссык-Кульской котловины, особенно подводные находки и развалины, благодаря трудам отечественных исследователей стали известны и в научных кругах за рубежом³. Кстати, археологические находки Прииссыккулья фигурировали среди других экспонатов из России на Парижской всемирной выставке 1900 года⁴. Озером Иссык-Куль и его археологическими объектами интересовался целый ряд иностранных путешественников и экспедиций, посетивших Прииссыккулье в конце XIX — начале XX вв., в их числе Уйфальви Мезо Ковешд, Е. Шуйлер, Ч. Дильк и В. Дэвис (участники экспедиции Р. Пампелли) и другие зарубежные ученые, работы которых изданы в странах Западной Европы и США.

О приводимых ими материалах можно, например, судить

---

¹ П. П. Семенов. Мемуары. Путешествие в Тянь-Шань . . . стр. 273—274.

² Они упоминают две киргизские «муллушки», т. е. небольшие могилы на южном берегу озера, сооруженные целиком из кирпича, собранного на руинах более древних сооружений. Это гум без муллы Бамбая, кирпич для которого был добыт около Кой-Су и могила муллы Тиль Ахмета, построенная из койсаринского кирпича. Подобный же гумбез находился на дороге из Пржевальска в с. Покровку (с. Сливкино) и для его строительства использовался добротный обожженный кирпич из подводных развалин. Все они, небезытересные как памятники прошлой культовой архитектуры Киргизстана, ныне не сохранились. Правда, кое-где в окрестностях озера еще встречаются такого типа сооружения XIX в., придающие своеобразный колорит дорожным пейзажам в крае. Пример тому — еще оставшийся гумбез на левом берегу р. Тон и ряд других памятников киргизской старины в Прииссыккулье.

³ См.: Э. Реклю. Земля и люди. Всеобщая география, т. VI, Азиатская Россия и Среднеазиатские ханства. СПб., 1883, стр. 254.

⁴ ЦГА Каз. ССР, ф. И-44, оп. 12, д. 75, л.

Рис. 5. Памятник Н. М. Пржевальскому на южном берегу Иссык-Куля.

по заметкам об иссык-кульских древностях в двухтомных записках о путешествии в Туркестан Е. Шуйлера, члена Американского и Русского географических обществ¹. В них, в частности, находим подтверждение сведений русских авторов о мозаичных плиточных полах на некоторых конно-почтовых станциях Прииссыккуля, выложенных в виде квадратов и ромбов голубого и бледно-красного цветов. Эти глазурованные плитки были подняты со дна озера и найдены крестьянами при раскопке руин на его побережье. На северной стороне озера, в местности Корой-Сорой (Койсары) и к востоку от нее, по его словам, видны «остатки города, погруженные в воду».

¹ Evgene Schuyler, *Turkistan* London, 1876, p.

Здесь находили немало предметов древности, преимущественно фрагментов керамики и металлической посуды. Сам он видел некую лампу с надписью «на совершенно незнакомом алфавите, напоминающем манихейское письмо». Путешественник видел и каменные «бабы», в том числе и поднятую Г. А. Колпаковским из воды, и считал, что каменные «фигуры мужчин и женщин» в Прииссыккулье того же происхождения, что и каменные скульптуры из Южнороссийских степей. Е. Шуйлер также отметил, что каменные изваяния «не так уж редки на восточном берегу Иссык-Куля». Как видим, точность описаний самих археологических предметов и мест их нахождения на Иссык-Куле у иностранных путешественников (сведения которых частью перекликались с данными отечественных авторов) оставили желать много лучшего. Не удивительно, что уже в дореволюционной востоковедческой литературе отмечался нередко поверхностный характер подобной информации у зарубежных авторов-путешественников¹.

По мере открытия археологических древностей Прииссыккулье шло накопление исторических данных об этом интереснейшем крае и его памятниках, начиналось их научное комментирование. Дореволюционное наследие критически осваивается современными археологами в целях углубленного изучения и освещения истории и вопросов преемственности культуры, техники и искусства предков киргизского народа, их связей с сопредельными странами и народами. Извлечения из трудов, записок путешественников и краеведов об историко-археологических памятниках во многом не утратили своего научно-практического значения. Это относится, в частности, к фиксации ареала курганных памятников, изображению и регистрации на месте каменных изваяний, описаниям городищ и укреплений, следы которых уже сглажены временем и человеком, да и других древностей.

Все сказанное подтверждает ценность рассмотренных свидетельств как немаловажного исторического источника, подспорья для советских археологов и, в известной мере, стимула к новым археологическим исследованиям в крае — намного более полным и всесторонним, чем в дооктябрьский период.

---

¹ См., напр., рецензию В. В. Бартольда на работу Р. Пампелли в кн.: В. В. Бартольд. Соч., т. IV, стр. 141—142.

II. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МУСТЬЕРСКОЙ СТОЯНКИ ТОСОР

О каменном веке Иссык-Кульской котловины до 1965 г. было известно очень немного¹. В 1965 г. здесь проводили исследования одновременно две геологические партии с археологами. Авторы настоящей статьи приняли участие в работе: В. А. Ранов—геоморфологической экспедиции МГУ, М. Б. Юнусалиев—Тянь-Шаньской инженерно-геологической партии.

Тогда же В. А. Рановым было обнаружено семь местонахождений и отдельных пунктов каменного века, среди них мустьерская стоянка Тосор. Им же с целью археологической разведки были обследованы отдельные участки долины рек Тамга, Тосор, Каракол, Джууке, Жеты-Огуз на южном побережье озера; в восточной части Иссык-Кульской котловины разведка прошла по долине р. Тургень-Аксу, перевалу Сан-Таш и гряде Тасма. По северному побережью был совершен только один маршрут — восточнее с. Бозтери в районе станца Пришиб и вверх по р. Сугеты.

М. Б. Юнусалиевым в 1965 г. было зафиксировано 12 точек с находками обработанного камня. На возвышенностях Боз-Бармак у г. Рыбачье было собрано несколько отщепов и орудий, возможно, относящихся к наиболее древнему этапу истории заселения человеком котловины Иссык-Куля.

Возвышенность Боз-Бармак находится в 4—5 км от г. Рыбачье в сторону южного берега Иссык-Куля. Она сложена среднечетвертичными отложениями. Справа за р. Чу высятся горы Кызыл-Омпул, подножья которых окаймлены шлейфом мощных конусов выноса временных потоков. Озерные отложения, подходящие к возвышенности, выполнены суглинками и песками неясного происхождения². Здесь на поверхности возвышенностей и на склонах среди окатанных галек и дресвы

¹ М. Б. Юнусалиев. Изучение каменного века в Киргизии. «Изв. АН Киргиз. ССР», 1967, № 4, стр. 91—96.

² М. А. Т а л и п о в. Иссык-Кульская впадина и ее горное обрамление. Путеводитель по геологическим маршрутам. Фрунзе, 1968, стр. 58.

были найдены крупные изделия типа чопперов и чоппингов из темно-коричневого порфирита. Не исключено, что возраст находок домустьерский, и они, как и галечные орудия Он-Арчи, хронологически соответствуют ашельскому времени Европы.

В 1967—1968 гг. постоянно действующим палеолитическим отрядом Киргизской археологической экспедиции (начальник В. А. Ранов, аспирант М. Б. Юнусалиев) был открыт целый ряд местонахождений каменного века на обоих берегах озера. К сожалению, не дали положительных результатов небольшие по масштабам исследования в районе горы Тепке и на Джергаланском разрезе, известном своими находками плейстоценовой фауны.

В 1968 г. сотрудником отряда М. Б. Юнусалиевым обнаружено вблизи селения Тосор интересное (возможно, верхнепалеолитическое) местонахождение Кенсай¹.

В 1971—1972 гг. отдельные кремневые изделия найдены на террасах р. Джууке и в озерной террасе восточной окраины Иссык-Куля у г. Пржевальска геологом Н. Удаловым. Однако этого материала еще недостаточно для конкретных археологических определений.

Местонахождения эпохи палеолита, обнаруженные в Иссык-Кульской впадине, приурочены главным образом к речным террасам. Они связаны, как правило, с покровной толщей и залегают в ней на различной глубине или на ее поверхности.

Очень показательной в плане геоморфологии стоянок эпохи палеолита и условий залегания изделий каменного века в Иссык-Кульской котловине является стоянка Тосор². Она находится в глубине ущелья в 4,5 км от берега озера, на высоте 1800 м над уровнем моря на небольшом трапециевидном террасовом останце правого борта р. Тосор, у горы Калкогор. Выше по реке располагается гряда Узун-Кыр, ниже стоянки протекает ручей Кодол.

Площадка останца небольшая: с севера на юг 75 м, с запада на восток — 135 м. Поверхность ее разделена неглубокими промоинами на несколько гряд. Высота останца над нижележащей террасой 30—40 м. Расположение стоянки над урезом воды р. Тосор — 100—110 м. Каменные орудия

---

¹ В. А. Ранов, М. Б. Юнусалиев. Итоги разведочных работ палеолитического отряда. «Изв. АН Киргиз. ССР», 1969, № 3, стр. 100.

² В. А. Ранов, М. Б. Юнусалиев. Итоги разведочных работ палеолитического отряда Изв. АН Киргиз. ССР. 1969, № 3, стр. 99—101; М. Б. Юнусалиев. В глубь тысячелетий по долинам Киргизстана. Фрунзе, 1970, стр. 15—16, 22.

Рис. 6. Вид долины реки Тосор и мустьевской стоянки.

найлены на поверхности лессовидных суглинков и непосредственно в них.

Пылеватый материал покровной толщи образован делювиальным выносом мелкозема из отложений вышележащего склона террасы и, возможно, частично отложениями конуса выноса притоков главной реки. Залегание мустьевских орудий и отщепов могло произойти после завершения формирования поздне-среднеплейстоценовой террасы¹. Скопление археологических материалов стоянки и отложение пылеватых суглинков, вероятно, осуществлено после осушения поверхности террасы, которую не могли заливать бурные паводки.

Можно подумать, что изготовление орудий труда и отщепы, т. е. само время существования стоянки, располагавшейся где-то неподалеку (возможно, в глубине бокового сая), относится к началу эрозионно-аккумулятивного ранне-верхнеплейстоценового цикла (Q^1_3) — тургенъаксуйского комплекса, хотя при данной геологической ситуации нельзя исключить и другую возможную датировку — Q^2_2 .

---

¹ Н. П. Костенко, В. А. Ранов, Н. В. Макарова. К вопросу об использовании археологических данных в целях стратиграфии четвертичных отложений. «Бюлетень комиссии по изучению четвертичного периода», 1969, № 36, стр. 84.

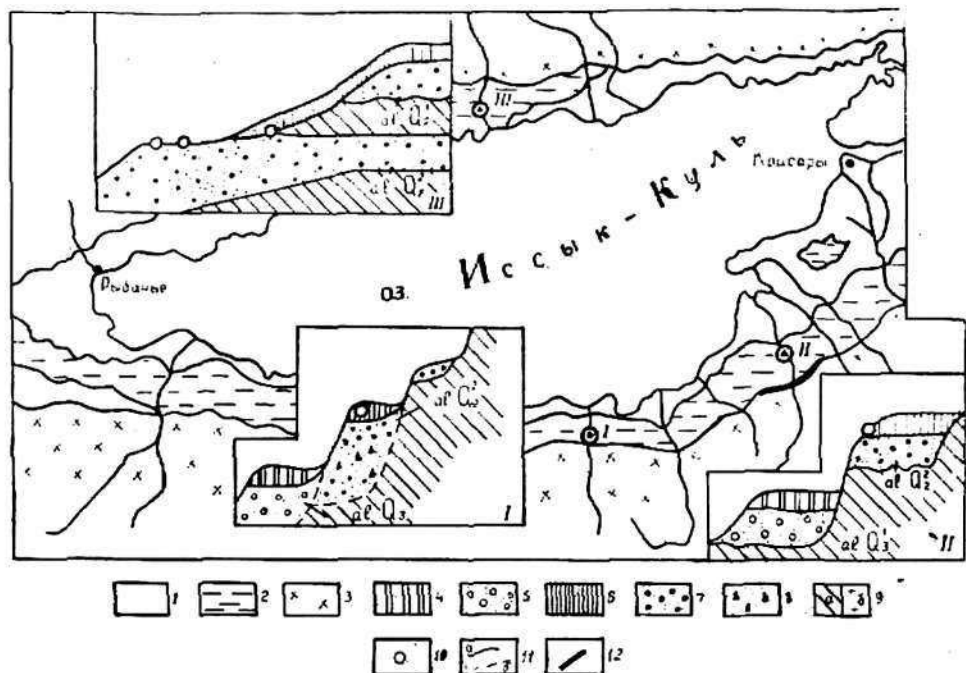

Рис. 7. Схематическое строение аккумулятивного покрова террас в районе мустьерских стоянок Иссык-Куля (по Костенко, Ранову, Макаровой).

I — правый берег р. Тосор (поперечное сечение);

II — правый берег р. Джуука (поперечное сечение);

III — правый берег р. Сугетты (продольное сечение).

1 — зона подгорных равнин; 2 — зона предгорий; 3 — горная зона; 4 — покровная толща верхнеплейстоценовых террас; 5 — верхнеплейстоценовый аллювий; 6 — покровная толща среднеплейстоценовых террас; 7 — среднеплейстоценовый аллювий; 8 — среднеплейстоценовый пролювий; 9 — дочетвертичные породы (а — неогеновые, б — палеозойские); 10 — положение археологических находок; 11 — геологические границы (а — достоверные, б — предполагаемые); 12 — разрывные нарушения

В 1965 г. обработанный камень встречен В. А. Рановым в самом южном районе современной поверхности уступа, где и был заложен разведочный шурф размером $0,6 \times 0,3$ м, глубиной 0,9 м. В 1967 г. шурф размером $2,5 \times 0,8$ м был заложен на глубину 2,5 м. В 1968 г. еще четыре шурфа должны были дать картину структуры отложений и положения находок в покровной толще. Три шурфа находились в южном скате, четвертый — в северном. Расстояние между ними 10 м.

Размеры шурфов № 1 — $2,65 \times 1,95$ м, глубина 3,1 м (продолжение шурфа 1967 г.); № 2 — $2,1 \times 2,3$ м, глубина 2,9 м; № 3 — $2,1 \times 1,0$ м, глубина 2,5 м; № 4 — $2,1 \times 1,4$ м, глубина 2,5 м. Все шурфы доведены до «плотика» — щебенчато-галеч-

Рис. 8. Раскоп 1, 1971 г.

ных базальных отложений террасовидного уступа, на котором расположена стоянка. Кроме шурфов была прорыта траншея (2,5×0,5 м) на северном склоне южной площадки, не давшая находок.

Разрез западной стенки шурфа № 1.

1. Рыхлый перебитый суглинок с мелкой щебенкой 0,2 — 0,3 см.
2. Слабоуплотненный суглинок с трещинами на глубине 0,5 м — каменные орудия — на глубине 1,0 м.
3. Уплотненный суглинок, несколько отличающийся по цвету. Каменные орудия — на глубине 0,25 м.
4. Оглеенный песок, залегающий линзообразно, — 0,25 м.
5. Обызвестковистый песок. Находки орудий — 0,25 м.
6. Однородный коричневатожелтый, относительно плотный суглинок с отдельными прослоями известковистых журавчиков. Каменные орудия — у самой верхней части.

Разрез свидетельствует о сложном составе суглинка и для окончательного решения вопроса о его генезисе требует специальных определений почвоведом.

Обнаруженные в шурфах изделия, располагаясь как бы на двух уровнях, позволяют говорить о наличии двух горизонтов залегания находок, может быть, даже одновременных.

Следов культурного слоя с остатками очагов и фауны

обнаружено не было, что подтвердило предположение о перетолженном характере находок на Тосоре.

В 1971—1972 гг. на Тосоре вел исследования палеолитический отряд Киргизской археологической экспедиции под руководством М. Б. Юнусалиева.

Раскоп размером 15×8 м захватывает восточной стенкой часть предыдущих шурфов № 1, 2, 4 и строго ориентирован по север—юг (рис. 8). Обработанные камни встречены на различных глубинах: 0,50; 0,75; 1,10; 1,50; 1,75; 2,22 м.

В северной части раскопа была заложена лабораторная площадка Р=1 ($3,80 \times 2,85$ м) с целью тщательного выявления вертикально расположенных находок на расстоянии от дневной поверхности до «плотика». Интересующие нас предметы находились и во взвешенном состоянии на различных глубинах. Последнее изделие в лабораторном раскопке обнаружено на глубине 2,13 м от дневной поверхности. На глубине 3,10 м раскоп коснулся древней поверхности останца. Какую-либо закономерность в расположении находок не удалось установить и в плане.

Южнее основного раскопа было заложено еще три шурфа и произведена зачистка. В результате был получен значительный археологический материал с различных уровней, в основном с верхних слоев суглинка.

Таким образом, исследования 1971—1972 гг. не подтвердили предположения о наличии двух горизонтов залегания находок. Наиболее достоверно мнение о том, что археологический материал был «выплеснут» селевым потоком на среднеплейстоценовый останец с располагавшейся где-то рядом, но уничтоженной селом, палеолитической стоянки.

Археологические исследования на стоянке Тосор уже закончены, однако найденный материал еще находится в стадии обработки, поэтому сделать окончательный вывод не представляется возможным.

Общее количество экземпляров коллекций с памятника — свыше 3000.

Древние жители Тосора, вероятно, для изготовления орудий труда использовали местные горные породы: серый кремнистый сланец, реже яшму, фельзит, роговик, порфирит.

Обращает внимание громадное количество сколов и осколков, свидетельствующих о том, что стоянка была и непосредственным местом производства.

Описание археологического материала мы начнем с нуклеусов. В их общем облике значительную роль сыграл первичный материал — обломки разрушившихся поблизости скал, они-то и явились предпосылкой для развития площа-

дочных нуклеусов в первую очередь. Нуклеусы Тосора отличаются большой вариабельностью размеров. Наиболее часто встречаются нуклеусы от 5 до 7 см в поперечнике. Типологически малым числом представлены нуклеусы полюсные, чаще одноплощадные (рис. 9, 14). Классический пример площадочного нуклеуса Тосора описан В. А. Рановым¹. Характерны и одностороннедисквидные нуклеусы неправильной формы с подправкой края тыльной стороны и уплощенной многочисленными сколами поверхностью. Эти две формы нуклеусов наиболее типичны для мустьерских стоянок Средней Азии. Однако для Тосора можно выделить еще один тип нуклеуса на плитке, который связан с определенной Р. Х. Сулеймановым² ортогональной техникой расщепления камня. Такую форму можно также назвать плитчатым площадочным нуклеусом.

Очень редко встречаются двухстороннедисквидные мустьерские нуклеусы, изготовленные не из плиток, а из речных галек. Общее число более или менее хорошо выраженных нуклеусов Тосора — около трех десятков.

Очень важным моментом в определении характера и возраста палеолитической культуры является изучение заготовок для изделий—пластин и отщепов³.

Пластины встречаются разных величин, есть и довольно крупные. Средняя длина их—6—7 см, некоторые достигают 9—11 см, величина в поперечнике отдельных экземпляров более 1 см (см. рис. 9, 3—10). Значительно меньшими размерами отличаются в массе отщепы.

При внимательном просмотре нетрудно заметить, что в подавляющем большинстве дистальный конец заготовки обработан сходящимися сколами, что в плане преобладает подпараллельная огранка спинки. Можно добавить также, что для Тосора характерны заготовки неправильной формы.

Среди ударных площадок можно выделить гладкие, двухгранные, фасетированные прямые, фасетированные выпуклые, мелкофасетированные, покрытые коркой (редко), удаленные вторичной обработкой (единично). Ударные площадки как правило, массивные и лишь немногие из них имеют типич-

¹ В. А. Ранов. К изучению мустьерской культуры в Средней Азии. МИА, 173, 1971, рис. 2, 11.

² Р. Х. Сулейманов. Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. Ташкент, 1972, стр. 78 и сл.

³ Технические показатели, а также тип-лист и индексы выведены М. Б. Юнусалиевым при 223 единиц Тосора в секторе археологии Института истории АН Таджикской ССР в 1972 г. Вполне вероятно, что после статистической обработки всего материала будут внесены значительные поправки.

ные очертания мустьерских площадок типа «шапо» и «скифского лука». В основном же они овальной или грубочетыреугольной формы. Индекс фасетирования низкий — 9,1, что свидетельствует о нефасетированном характере производства Тосора.

Индекс леваллуа технического, по М. Б. Юнусалиеву, достаточно высок — 41,7¹. Но в общей массе пластины атипичны, т. е. по технике изготовления они близки к леваллуазским, но в большинстве своем не имеют очертаний классических леваллуазских пластин.

Индекс пластин — 25,3, общий индекс подправки (фасетирования) — 14,9, индекс удлиненности — 18,6, индекс сечения — 37 (28 объектов), массивности — 19. М. Б. Юнусалиевым был произведен подсчет сколов различных типов по признаку наличия корки. Оказалось, что заготовки, спинки которых частично или целиком покрыты коркой, составили 24%.

Следует еще раз обратить внимание на несовершенство критериев, которыми пользуются при определении различных «эталонов» для тех или иных статистических подсчетов. Так, леваллуа технический, подсчитанный В. А. Рановым и М. Б. Юнусалиевым на одном и том же материале, имеет существенные различия. Орудия труда представлены мизерным количеством. Среди них есть хорошо выраженные скребла, остроконечники (рис. 9, 1). Ретушь пластинчатая, с заломами, типично мустьерская.

Из найденных скребел следует выделить двойное двояковыпуклое на тонкой леваллуазской пластине; боковое; с крутой ретушью на спинке; двойное прямо выпуклое с выемкой. Скребки — с боковым односторонним краем и двусторонние с противоположащей ретушью и др. Помимо указанных типов в инструментарии Тосора можно выделить угловатые скребла и выемчатые орудия.

Стоянка Тосор является памятником, датировка которого как и определение фацальной принадлежности, представляет исключительную трудность.

Прежде всего, мы не имеем достаточно уверенной геологической даты памятника; опираться в определении возраста Тосора только на археологические материалы рискованно, так как здесь не было найдено необходимого количества серий орудий и можно думать, что перед нами скорее, стоянка-мастерская, а не палеолитическая стоянка.

Однако следует указать на однородность найденного ма-

¹ По подсчетам В. А. Ранова (материалы 1965—1968 гг.), этот индекс должен быть меньше примерно в 3 раза.

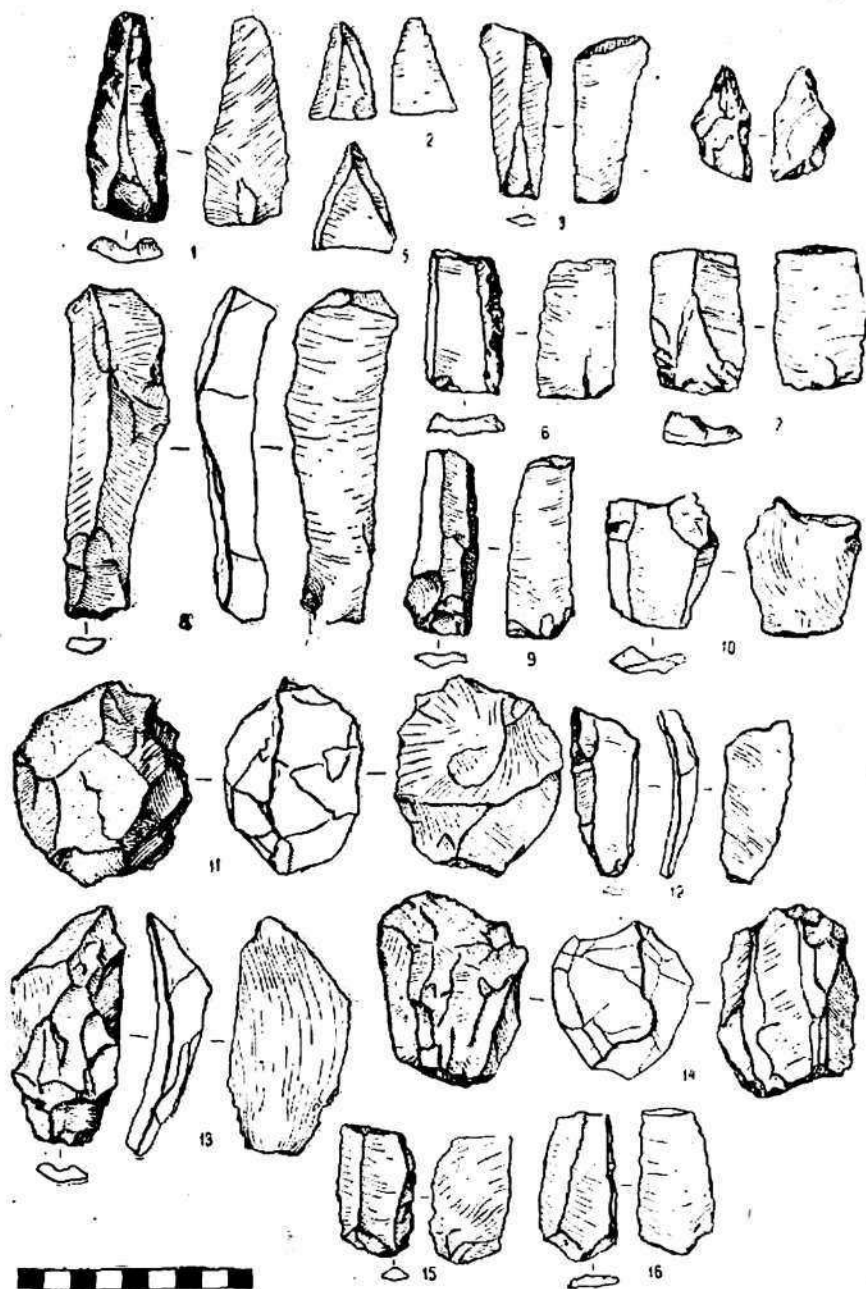

Рис. 9. Сводная таблица изделий мустьерской стоянки Тосор.

териала, хотя при описании мы определили его как переотложенный. Он, бесспорно, принадлежит одной культуре. У нас пока нет оснований отказываться от ранее предложенной датировки — финальное мустье, сопоставляемое с верхними

горизонтами Оби-Рахмата, мустье, стоящее на стадии перехода к верхнему палеолиту¹. Мы предполагали также леваллуа-мустьерскую принадлежность памятника. В свете указанных выше подсчетов и общей характеристики производства Тосора, скорее, можно говорить о крайнем характере леваллуазской техники Тосора. Очень может быть, что Тосор, Георгиевский Бугор и другие подобные памятники Северной Киргизии будут впоследствии объединены в какую-то новую, ранее неизвестную фацию мустье Средней Азии. Археологические исследования памятников каменного века котловины Иссык-Куля только начались. Открытие мустьерской мастерской Тосор, а также отдельные находки во многих точках на обоих берегах озера являются первыми сигналами, свидетельствующими о больших возможностях для работы археологов-первобытников в этом интереснейшем районе Киргизии.

---

¹ Н. П. Костенко, В. А. Ранов, Н. В. Макарова. К вопросу об использовании..., стр. 86.

III. КУРГАНЫ САКСКОГО ВРЕМЕНИ ДОЛИНЫ РЕКИ ТОН

Археологическое изучение погребений ранних кочевников в Прииссыккулье было начато в 1928—1929 гг. М. В. Воеводским и М. П. Грязновым, раскопавшими два могильника в юго-восточной части котловины, которые наряду с Буранипскими определены ими как усуньские и датированы III в. до н. э. — I в. н. э.¹ В 1937 г. в местности Кырчин на северном берегу озера были найдены уникальные «иссык-кульские жертвенники», относящиеся к сакскому времени².

После археологических изысканий в этом районе многими исследователями высказан ряд новых положений по вопросам датировки, историко-культурной принадлежности и этнической привязки курганов. Однако здесь отсутствует единство мнений³.

Большая заслуга в изучении раннекочевнических памятников принадлежит А. Н. Бернштаму, выделившему впервые на конкретном материале сакский период в истории Киргизии⁴. Им раскопаны курганы сакского времени в различных районах республики, привлечены письменные и другие источники для комплексной характеристики всего этого этапа.

В течение последних десятилетий сотрудниками Института истории АН Киргизской ССР А. К. Абетековым, Ю. Д. Баруз-

---

¹ М. В. Воеводский, М. П. Грязнов. У-суньские могильники на территории Киргизской ССР. (К истории у-суней). ВДИ, 3 (4), 1938.

² Б. М. Зима. Иссык-кульские жертвенники. Фрунзе, 1941; А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, 26. М.—Л., 1952, стр. 40—50.

³ А. И. Тереножкин. Рецензия на «у-суньские памятники...» Изв. Узб. ФАН СССР, 1941, № 2; Ю. А. Заднепровский. Об этнической принадлежности памятников кочевников усуньского периода II в. до н. э.—V в. н. э., СНВ, вып. X, 1971, стр. 27—36.

⁴ А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941, стр. 24—34; его же. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня. СА, 1949, т. XI; его же. Чуйская долина. МИА, 14. М.—Л., 1950, стр. 58—71; его же. Историко-археологические очерки..., стр. 22—60, 125—132, 186—190, 208—217 и др.

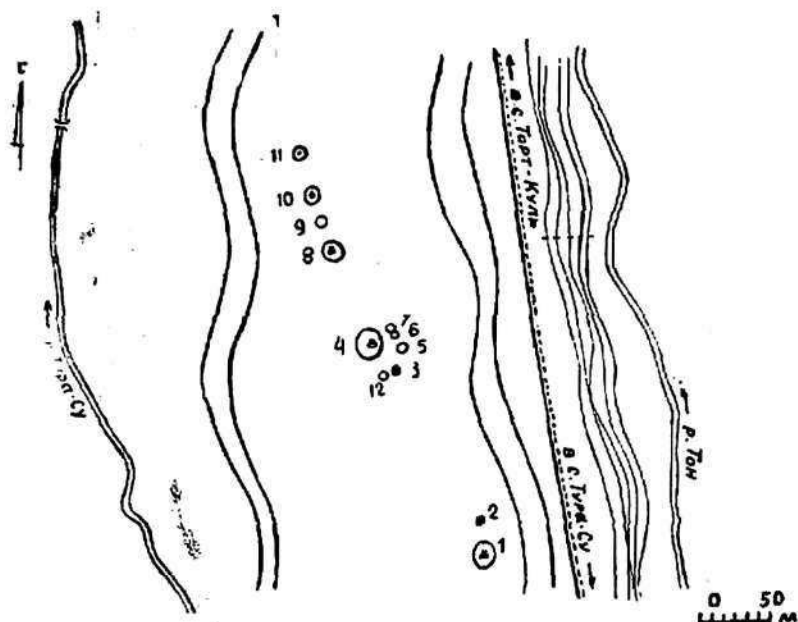

Рис. 10. План могильника Туура-Суу.

диным, Д. Ф. Винником, И. Кожомбердиевым обследованы многие комплексы ранних кочевников в Кетмень-Тюбе, Чуйской и Таласской долинах, на Алае, в Фергане и на Иссык-Куле¹.

Анализируя мнения ученых относительно курганов ранних кочевников, можно констатировать, что за сорок с лишним лет изучения их в археологической науке не сложилось единства взглядов на датировку и этническую принадлежность данных памятников. Тем больший интерес представляет введение в научный оборот новых фактических материалов по этой проблеме.

Могильник Туура-Суу расположен на плато водораздела рек Тон и Туура-Суу в 5 км к югу от с. Торт-Куль (южное побережье оз. Иссык-Куль) и состоит из 12 курганов разной величины. Восемь из них (1, 2, 4, 8, 9, 10, 11, 12), в том числе пять крупных (D до 30 м, h—до 2 м), вытянуты в цепочку по линии С—Ю. Остальные небольших размеров

¹ А. К. Абетеков, Ю. Д. Баруздин. Сако-усуньские памятники Таласской долины. Сб. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, стр. 17—31; А. К. Абетеков. Археологические памятники кочевых племен в западной части Чуйской долины. Сб. «Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана». Фрунзе, 1967; Д. Ф. Винник. Работы в Узгенском оазисе. АО 1969. М., 1970, стр. 433; И. Кожомбердиев, Н. Галочкина. Работы в долине Кетмень-Тюбе. АО 1968. М., 1969, стр. 449—450.

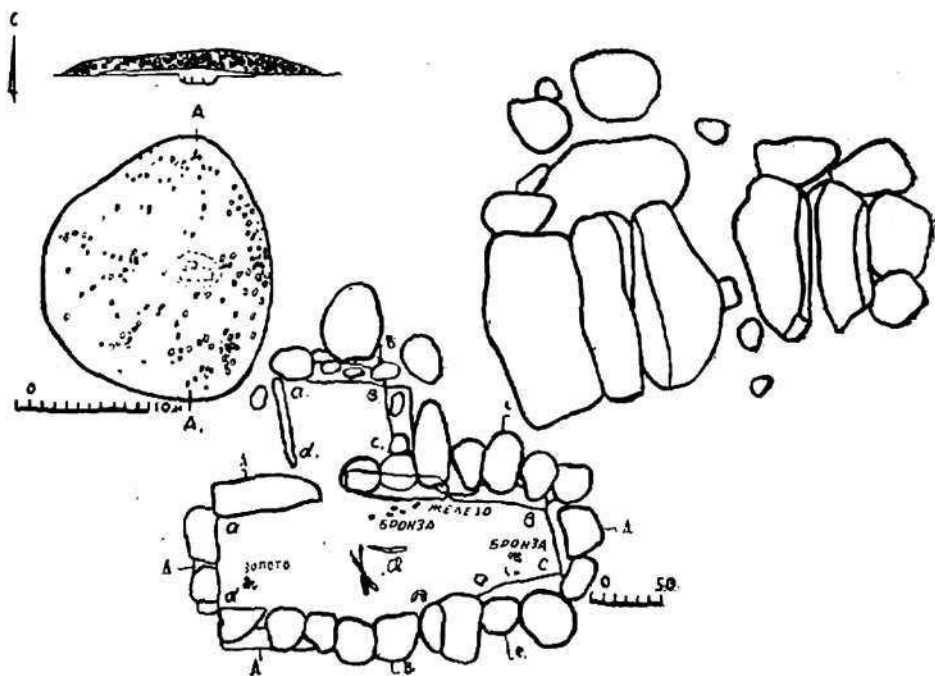

Рис. 11. Планы кургана 1 могильника Туура Суу.

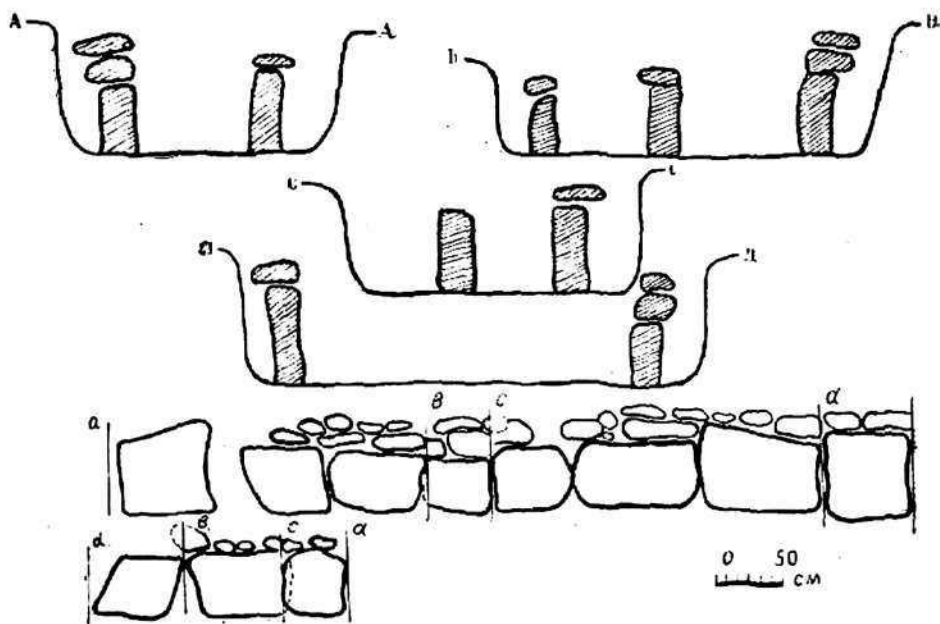

Рис. 12. Разрезы погребения 1 могильника Туура-Суу.

(D до 10 м, h — до 0,7 м) группируются около 4-го кургана таким образом, что три из них (5, 6, 7) образуют новую цепочку, параллельную первой, а курган 3 находится между ними (рис. 10). Насыпи полусферические, в плане близки к кругу и состоят из земли и камня с явным преобладанием последнего. Были вскрыты все погребения.

Курган 1 (рис. 11, 12). Насыпь неправильно овальной формы, диаметром 19—22 м и высотой 1,7 м. Восточная и северо-западная подошвы распаханы. Под насыпью в центре на уровне 1,9 м каменная наброска, скрывающая перекрытие погребальной камеры, от которого сохранилось пять каменных плит (середина открыта). Характерно, что каменная наброска здесь выражена слабее, чем в других курганах.

Каменный ящик длиной 2,6 и шириной 0,76 м, вытянут по линии З-В. В кладке прослеживается три ряда. Основание выложено мощными плитами, поставленными на ребро. Вверху плоские речные валуны и мелкий скальник. Проход в пристройку (ее размер 0,78×0,85 м) отмечен в северной стене.

Ящик заполнен 30-сантиметровым слоем натеков. Ниже идет мягкая засыпь. На различных уровнях обнаружены отдельные кости скелета человека. Найдены также бронзовые бусы, сделанные из гнутой прямоугольной пластины. Края пластин соединены таким образом, что они или находят друг на друга, или между ними имеются зазоры. Изделие грубой работы. Здесь же обнаружены золотые сферические нашивные бляшки с двумя отверстиями по диаметру. Найден обрывок золотой фольги. У входа в пристройку лежали фрагменты сильно окислившегося железа. На одном из них отпечатки ткаши. Кстати, бронзовые бусы также сохранили тлеи узких полосок кожи внутри каждой бусины.

Курган 4 (рис. 13, 14) находится в центральной части могильника и является одним из самых крупных в нем, достигая в поперечнике 24—27 м при высоте 2,5 м. Насыпь каменно-земляная. Камни, в основном валуны, хорошо задержаны. Южная и северная полы кургана прорезаны траншеями при каких-то хозяйственных работах (глубина их до 0,8 м). От вершины кургана на глубину до 2 м идет сплошная наброска валунов с очень небольшим количеством земли. В отдельных местах между камнями наблюдаются значительные пустоты. У дневной поверхности зафиксирован полуметровый слой лессовой насыпи, понижающийся к подошвам.

В восточной половине необычно длинной ямы (около 6 м, шириной 3,5 м) расчищена каменная наброска. В ней собраны мелкие кости человека (обломок ребра и шейный позвонок). После разборки наброски обозначились контуры ящика и его

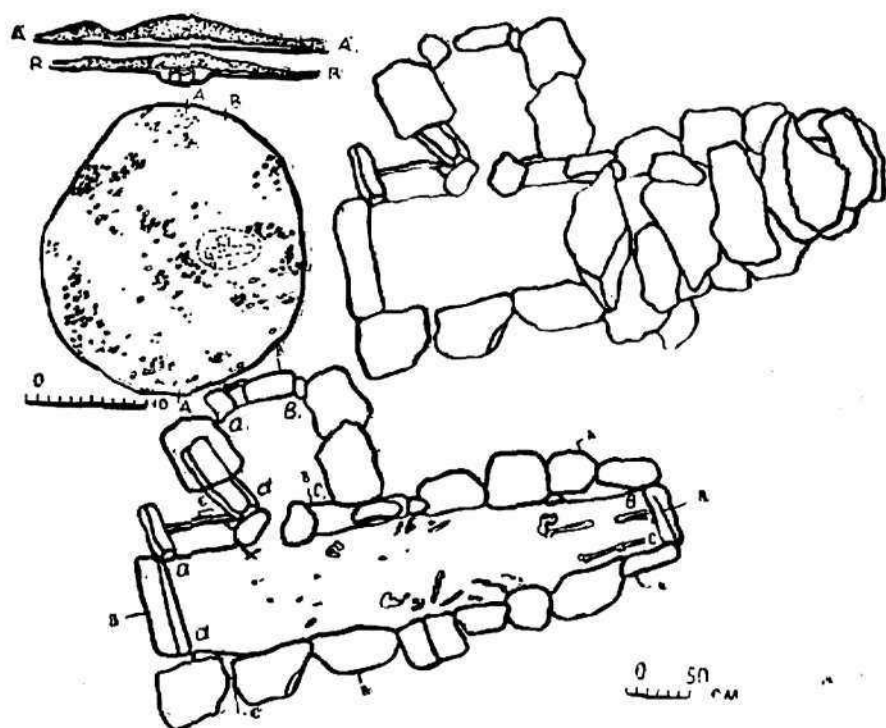

Рис. 13. Планы кургана 4 могильника Туура-Суу.

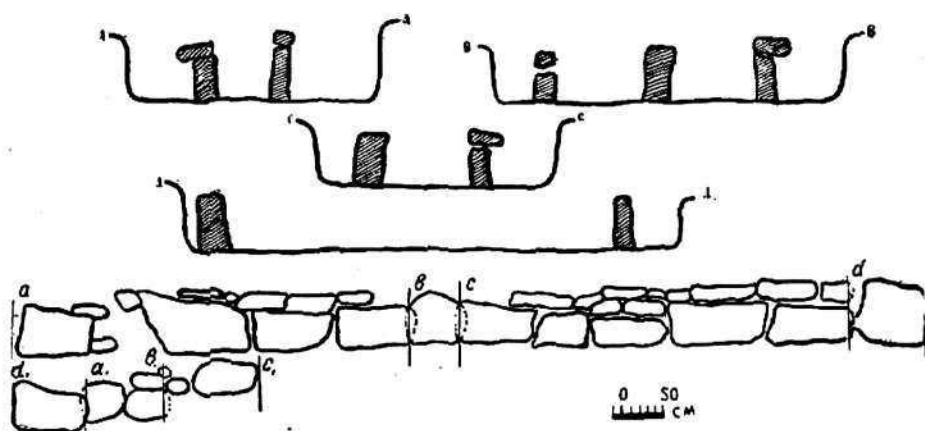

Рис. 14. Разрезы погребения 4 могильника Туура-Суу.

перекрытия, плиты которого уложены вплотную друг к другу. Швы в кладке заложены кусками скальной породы и валунами. Перекрыт только восточный участок ящика на протяжении 3 м пятью плитами.

Отличительной особенностью погребальной камеры является чрезмерная длина ее. Кроме того, она значительно смещена от центра насыпи к востоку. В западной стене ее уложен крупный монолит. Северная стена состоит из двух рядов кладки камней. Здесь же зачищен проход шириной 0,85 м в пристройку. Средний участок восточной стены выложен тремя рядами плит. При укладке плит и валунов соблюдался принцип рациональной подборки граней и перевязки швов. Пристройка сделана небрежно. Размеры ее 1,4×0,8 м, ящика — 4,5—0,7 м.

В ящике обнаружены разрозненные кости скелета, однако ноги погребенного находились в анатомическом порядке. Их положение говорит о западной ориентации покойника. Находки представлены двумя костяными изделиями, подобранными у восточной стены склепа. Это кольцо из рога, диаметром 1,3 см, и цилиндрическая поделка со сквозными продольными и поперечными отверстиями (дл. 1,7 см, толщина — 0,3 см).

Курган 5 (рис. 15). Насыпь круглая, диаметром 10 м и высотой до 0,5 м, с воронкой в центре. Под насыпью овальная яма (2,65×0,65 м) глубиной 0,5 м, вытянутая по ВВЮ-ЗЗС. По всей площади последней на разных уровнях засыпи встре-

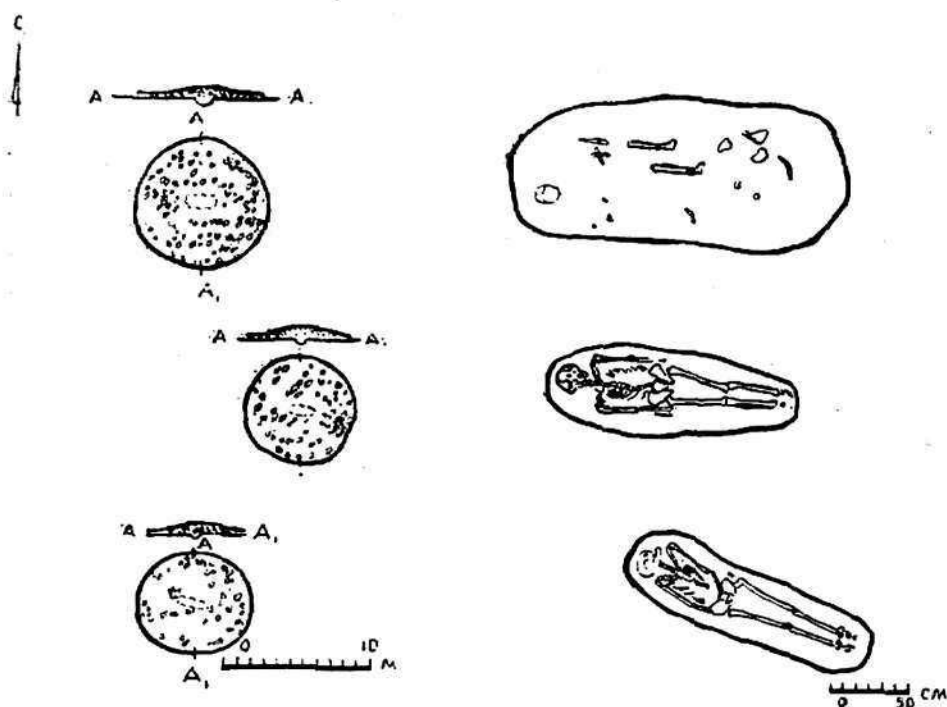

Рис. 15. Планы курганов 5, 6, 7 могильника Туура-Суу.

чены человеческие кости. Захоронение ограблено. У южной стенки ямы найдена глазчатая круглая бусина и обломок железного кольца.

Курган 6 (см. рис. 15) в плане овальный, с каменной насыпью, диаметром по СЮ — 8,1 м, по ЗВ — 8,4 м, высота до 0,7 м. По всей площади ее видны следы выборки камней. В центре — впадина. В середине под насыпью кургана овальная яма (1,9×0,65 м, глубиной 0,4 м), длинной осью своей расположенная по линии ВВЮ-ЗЗС. В ней покоился скелет мужчины (анатомический порядок не нарушен) на спине, в вытянутом положении, головой на ЗЗС. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Курган 7 (см. рис. 15) расположен к северу от вышеописанного. Полы их частично сливаются. Насыпь каменно-земляная, овальная (D — 7,3—8,8 м, h до 0,5 м). Под нею примерно в середине расчищена овальная узкая могильная яма длиной 1,9 м, шириной — 0,5 м и глубиной — 0,37 м. Она ориентирована в направлении ВВЮ—ЗЗС. Погребенный мужчина (скелет в полном анатомическом порядке) лежал на спине в вытянутом положении. Его голова обращена в сторону ЗЗС, левая рука слегка согнута в локте, а кисть покоится на локте. Правая рука — под тазовыми костями. Погребальный инвентарь не обнаружен, как будто отсутствуют и признаки ограбления.

Курган 8 (рис. 16, 17). Насыпь каменно-земляная с воронкой в северо-западной части. Диаметр кургана 20 м, высота — 2 м. В южной части под его полую открыт отрезок кромлеха, имевшего округлую форму и опоясывавшего, видимо, курган полностью. Он сооружен из трех рядов валунов (разм. около 0,75×0,42×0,30 м), которые в кладке вытянуты в длину. В центре под насыпью прослеживается наброска из валунов и крупных плит — следы перекрытия каменного ящика, находящегося на глубине 0,52 м. Последний сложен из крупных плит скальной породы и валунов, вытянут по З—В. Длина его 1,82 м, ширина в западной части — 0,67 м, в восточной — 0,55 м. В северной стене имеется узкий проход (около 25 см) в так называемую пристройку, выполненную аналогичным способом. Длина ее 1,21 м, ширина — 0,79 м.

В ящике, на глубине 0,76 м обнаружены остатки погребенного (анатомический порядок скелета нарушен грабителями), лежавшего в слое натека на левом боку, головой к востоку и лицом на юг. Левая рука согнута в локте, кисть под челюстью. Левая нога согнута в колене. Тазовая кость, кости правой руки и ноги лежали в восточной части камеры. На дне ее, выстланном мягкой галькой, вдавленной в сырую глину

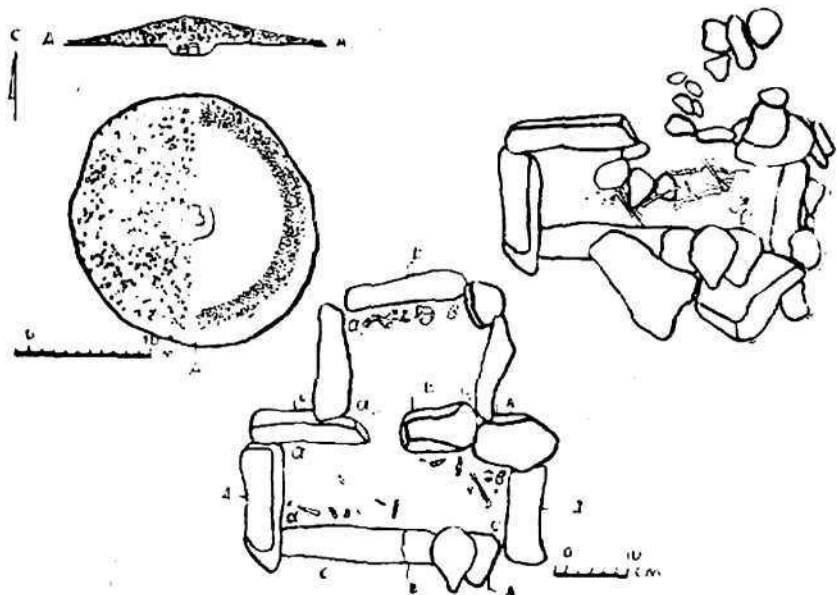

Рис. 16. Планы кургана 8 могильника Туура-Суу.

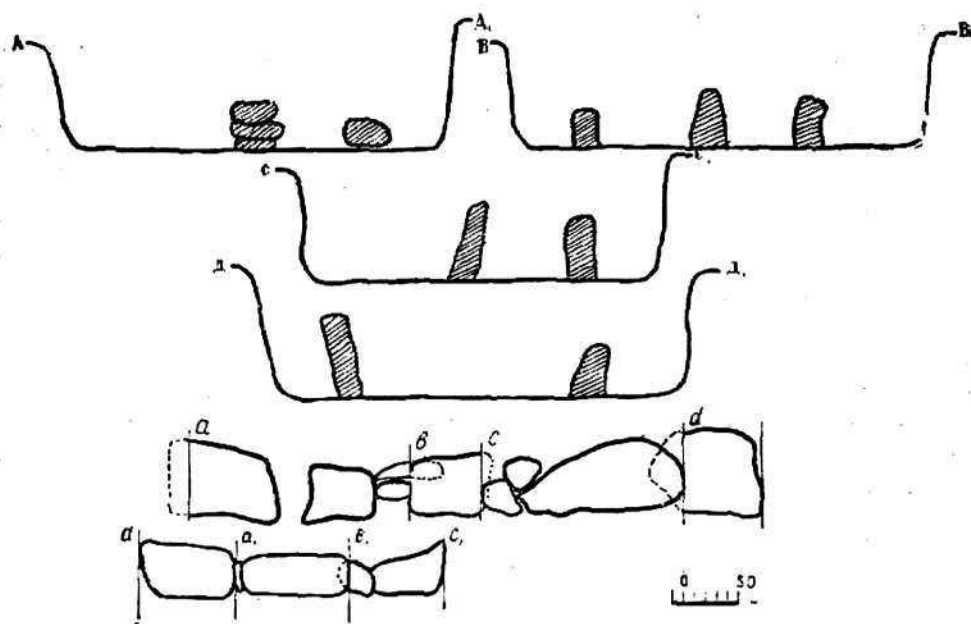

Рис. 17. Разрезы погребения 8 могильника Туура-Суу.

(на уровне 0,98 м), найдены отдельные кости погребенного из разграбленного основного захоронения. Здесь же обнаружен фрагмент костяной пластинки, орнаментированной резьбой.

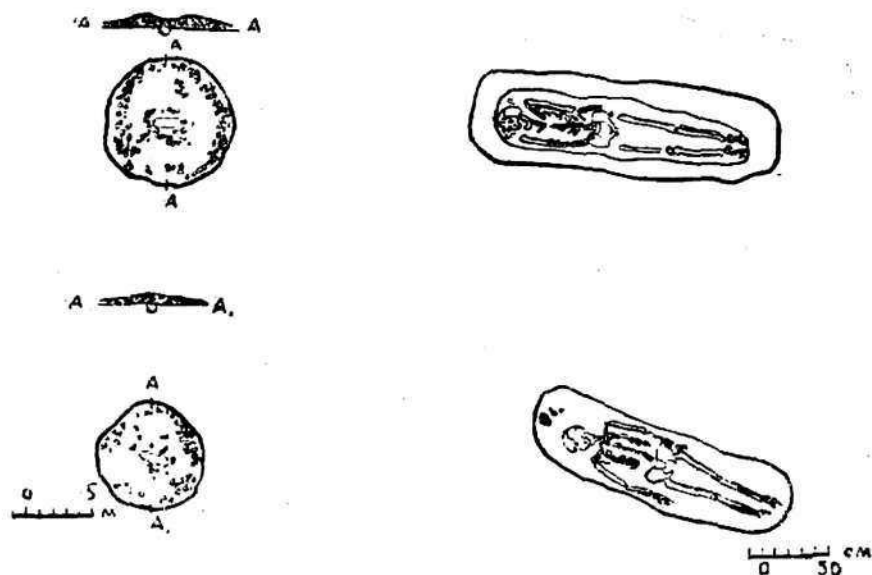

Рис. 18. Планы курганов 9, 12 могильника Туура-Суу.

В пристройке у северной стены покоился прах ребенка 3—4 лет. Он лежал на правом боку, головой на восток, лицом к северу. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте (кисть под головой). Ноги согнуты в коленях.

Курган 9 (рис. 18) имел овальную в плане D по СЮ — 13 по ЗВ—12 м) каменную наброску из валунов. Высота ее 0,6 м, в центре прослеживается значительное углубление. Могильная яма длиной 2,35 и шириной 0,73 м вытянута в направлении З—В. В засыпи ямы встречены мелкие обгорелые кости животных (барана — ?) и трубчатая кость птицы.

На глубине 0,97 м на спине лежал скелет погребенного в вытянутой позе, головой на запад. Анатомический порядок его не нарушен, кисть левой руки покоилась на лобке, правой — под тазом. На лобных костях (*in situ*) лежали в вертикальном положении на расстоянии 3 см друг от друга три сигмообразные золотые поделки. В разных местах (12 вокруг черепа и под ним, 1—на реберных костях и 1 — под правой лопаткой) собрано еще 14 таких предметов. Все они сделаны из золотой фольги на бронзовой основе. На тазовых костях лежала квадратная бляха с маленькими отверстиями по углам, также выполненная из листового золота на бронзовой основе. Поле бляхи разбито на 16 квадратиков, каждый из которых заполнен в шахматном порядке вертикальными или горизонтальными строеными гофрами.

Курган 10 (рис. 19, 20) имеет овальную в плане форму, так как восточная его пола отчасти разобрана. Размеры 13×16 м при высоте 1,75 м. Насыпь каменно-земляная. В западном секторе читаются следы грабительской воронки диаметром около 4 м. Каменную наброску на глубине 1,3—1,5 м сменила небольшая (до 0,5 м) земляная насыпь, ниже которой была еще одна каменная наброска, под ней четко прослеживалось плитчатое перекрытие каменного ящика, сохранившегося в восточной стороне. Он сложен из плит скальной породы и валунов. Северная стена его состоит из двух рядов плит, западная и южная—трех, восточная одного. Так же, как и во всех других курганах, в северной стене имеется проход в пристройку, выложенную тремя кусками скальной породы в виде неправильного четырехугольника. Размер погребальной камеры $2,60 \times 0,53 \times 0,73$ м, направление оси по З—В.

В склепе собраны разнообразные кости скелета человека, в пристройке — три позвонка и крестец барана.

Курган 11 (рис. 21, 22). Восточная сторона насыпи разобрана. Высота насыпи 1,2 м, длина 13 м. В северо-западном секторе видны следы грабительской воронки (D—2,5 м, глубина — 0,45 м). Под насыпью (в центре) расчищен каменный ящик из больших скальных плит и валунов, ориентированный в направлении З—В. Его размеры: длина 2,35 м, ширина у западного торца — 0,92 м, у восточного — 0,73 м, высота соответственно 0,81 и 0,59 м. К северной стене примыкает пристройка из того же материала. Она сообщается с ящиком с помощью отверстия — лаза. Все погребальное сооружение было перекрыто большими плоскими плитами. Камера заполнена натеками плотно сцементированной глины и песчаной засыпью.

Отдельные кости погребенного и животных вперемешку обнаружены на различных уровнях. На дне ящика к востоку от входа в пристройку найдена золотая фигурка бегущего джейрана, ноги которого прикреплены к двум горизонтальным пластинкам. Фигурка выполнена с большим мастерством и знанием натуры, сохранность ее хорошая, хотя, возможно, она и подвергалась переделке: передние конечности спаяны, а к правой задней ноге припаяна пластинка.

Вне ящика у западной стенки был подобран обломок костяной пластинки с круглым отверстием с одного края. На нем выгравировано изображение волка. Передняя часть туловища животного не сохранилась. В левом нижнем углу видны его задние конечности. По-видимому, это часть сцены нападения хищника на травоядное животное. На дне ящика, в середине

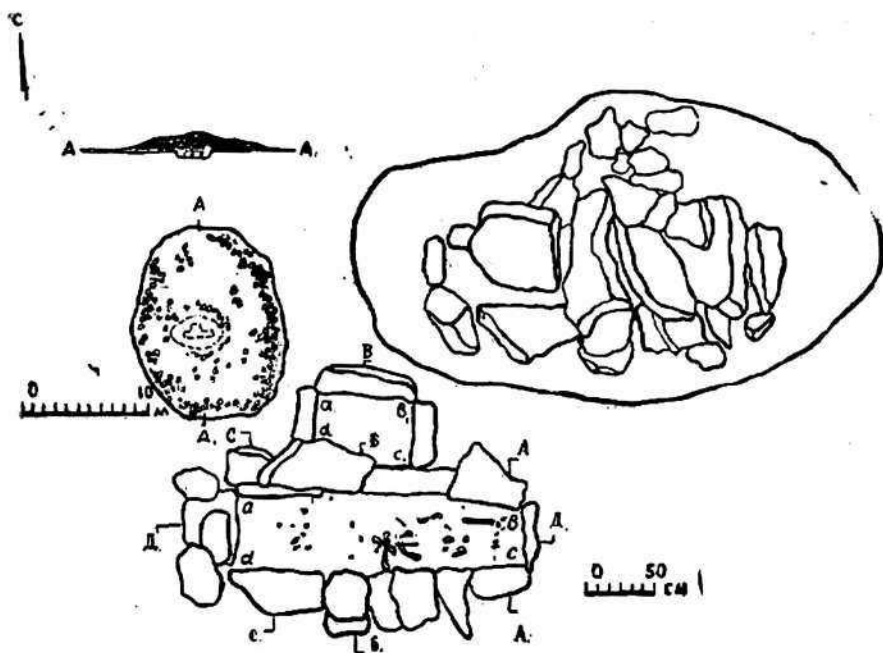

Рис. 19. Планы кургана 10 могильника Туура-Суу.

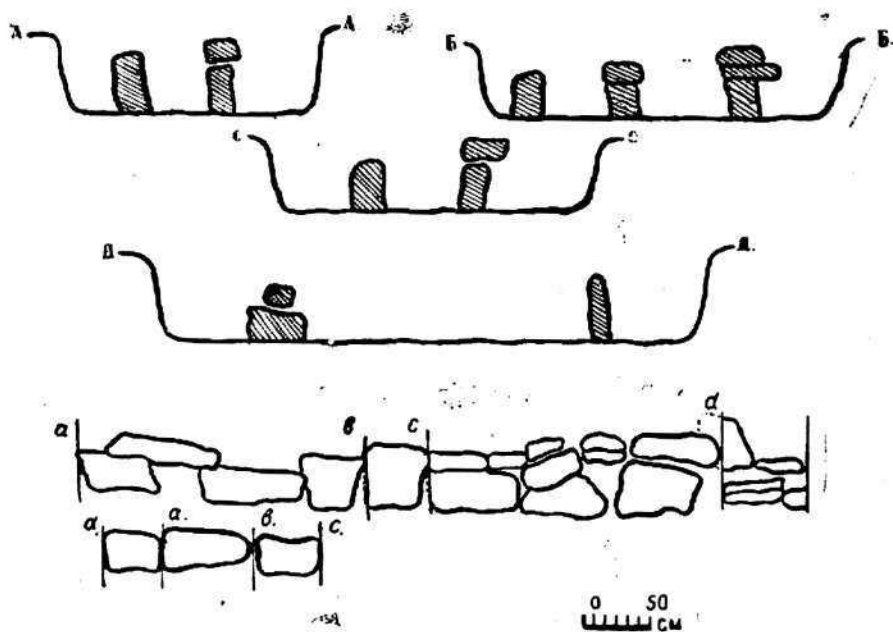

Рис. 20. Разрезы погребения 10 могильника Туура-Суу.

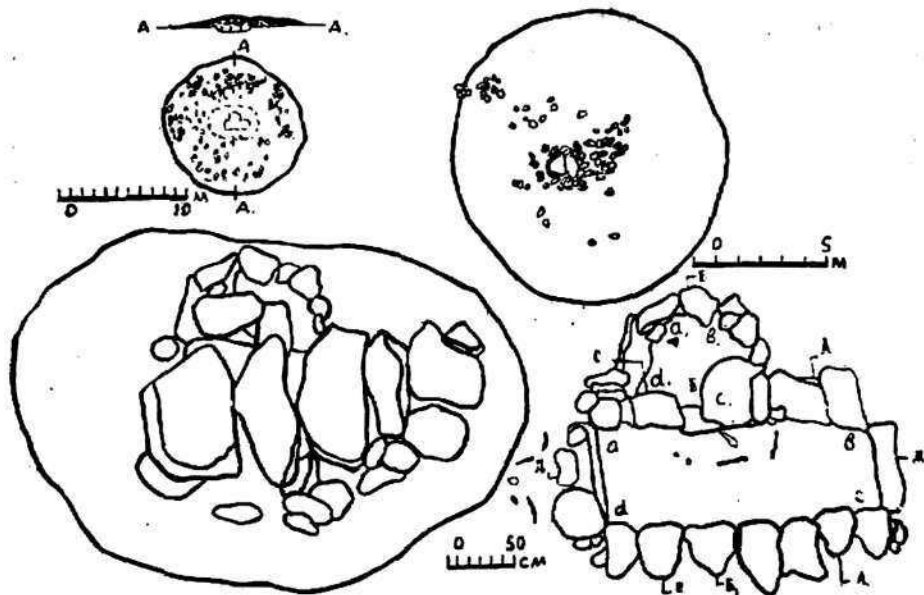

Рис. 21. Планы кургана 11 могильника Туура-Суу.

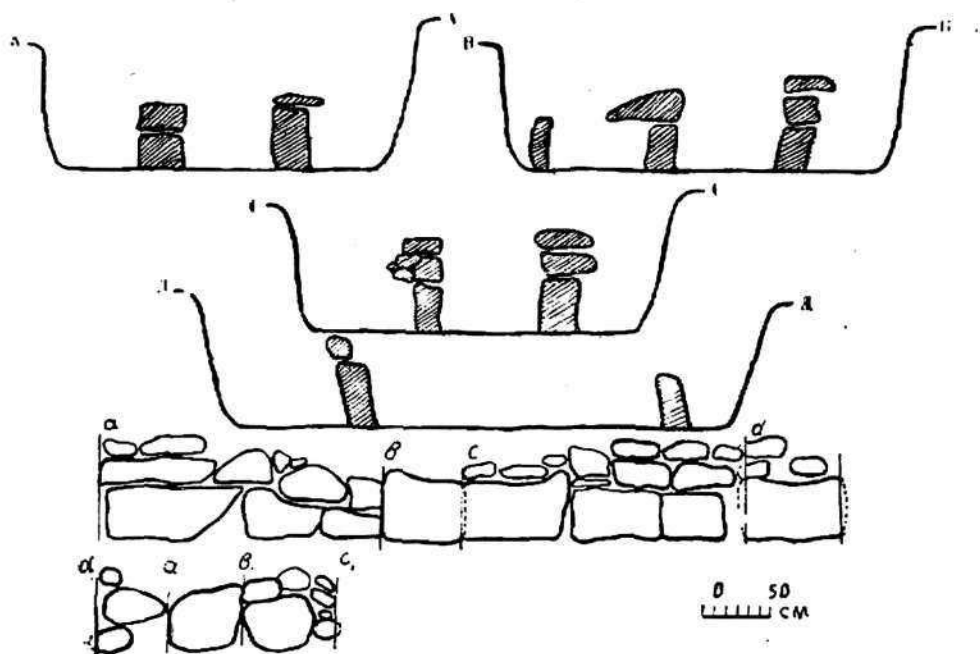

Рис. 22. Разрезы погребения 11 могильников Туура-Суу.

найден золотой перстень с ромбическим щитком, рисунок на котором не прослеживается. У северной стенки пристройки на крестце барана лежал длинный железный однолезвийный нож.

Курган 12 (см. рис. 18) находится в основной цепочке. Насыпь каменная, не задернована, в плане овальной формы. Размеры кургана с севера на юг 8,4 м, с запада на восток — 8,1 м. Высота — 0,7 м. Под насыпью, в центре, открыта овальная могильная яма 2,05×0,6 м, глубиной 0,4 м, длинной осью ориентированная по З—В. В ней обнаружен скелет женщины на спине в вытянутой позе, головой на запад. Между черепом и торцовой стенкой ямы лежали три шейных позвонка барана. Рядом обнаружена поделка из золотой фольги. Она разорвана, но поддается реконструкции. Фольгой был обернут какой-то предмет боченкообразной формы, возможно, деревянный, с двумя рельефными параллельными валиками у торцов.

Могильник Ачик-Таш расположен в 2,2 км к западу от Турасуйского, двумя километрами западнее строящейся плотины Торт-Кульского водоема в местности Кон-Дой. Могильник имеет два больших кургана, составляющих цепочку, направленную по С—Ю. Оба кургана носят следы явного ограбления. Вокруг на расстоянии до 25 м выявляются бессистемная каменная наброска и ящики из вертикально поставленных плит, грани которых выступают над поверхностью земли до 0,3 м.

Курган 1 (рис. 23, 24) круглый в плане, диаметром 23 м, высотой 1,6 м. В центре очень большая грабительская воронка (D—9 м). Насыпь каменная, с небольшим количеством земли. Между камнями прослеживаются пустоты. Под насыпью на глубине 1,7—1,8 м — беспорядочная каменная наброска. Ниже вскрыт каменный ящик. В верхней части его, в засыпи, лежала необработанная жердь длиной 0,7 м и толщиной 7 см. Другие следы дерева и здесь и в других захоронениях отсутствовали. Это позволяет предположить, что дерево не играло существенной роли в погребальном обряде, а найденная жердь занесена, быть может, грабителями. Перекрытия ящика не сохранилось.

Погребальная камера выложена крупными плитами, поставленными на ребро. Длина ее 2,1 м, ширина — 0,70 м. Ориентирована по ВВС—ЗЗЮ. В северной стене зачищен проход в пристройку, ограниченную с западной и восточной сторон. Северная стена отсутствует. В засыпи склепа обнаружены разрозненные части скелета человека, а у восточной стены — цилиндрический обломок железа.

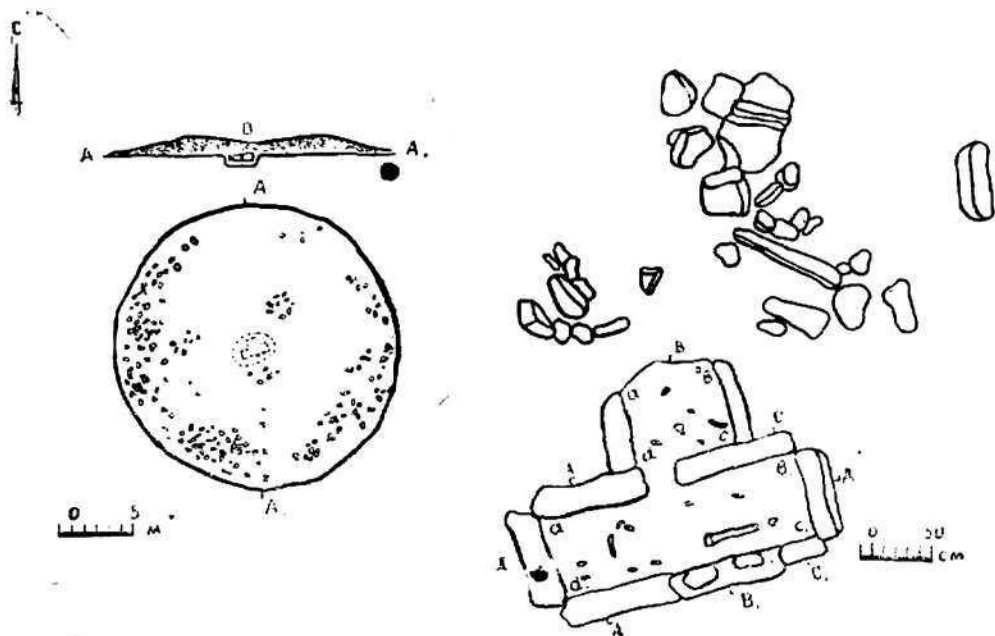

Рис. 23. Планы кургана I могильника Ачик-Таш.

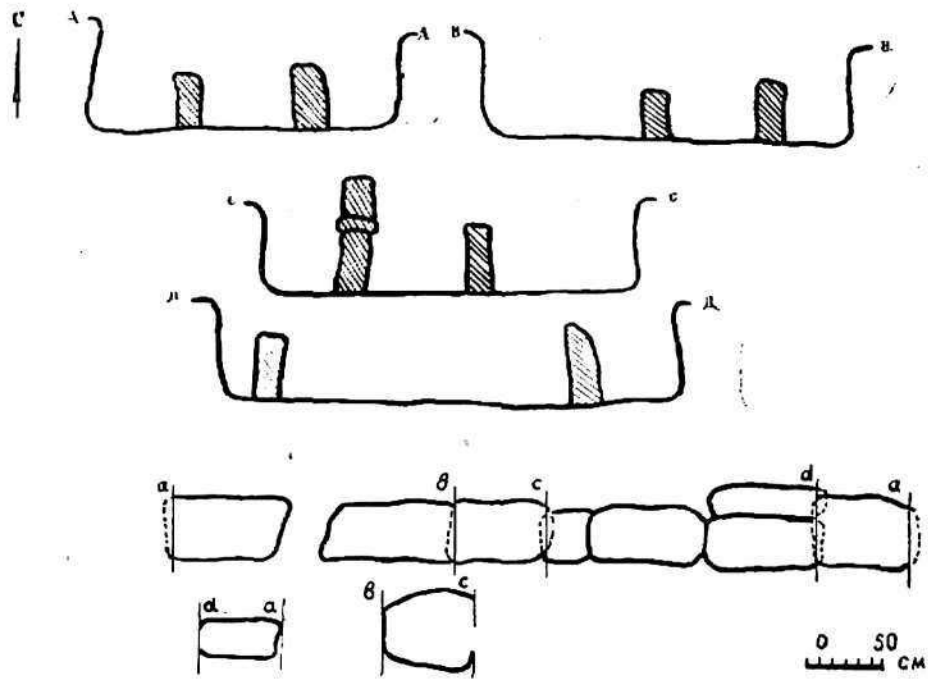

Рис. 24. Разрезы погребения I могильника Ачик-Таш.

Курган 2. (рис. 25, 26). Насыпь земляная — чистый лёсс желтого цвета. Ее покрывает панцирная кладка в три-четыре ряда камней, в основном куски скальной породы. Вершина всего сооружения уплощена, что придает кургану облик усеченного конуса. Видимо, это следы грабительской воронки. Насыпь круглая в плане, диаметром 19 м и высотой 2,08 м. Под нею (в середине) открыта наброска камней, в плане овальной формы. Под нею лежало пять плит перекрытия, которое было нарушено. Ящик построен исключительно из плит скальной породы и вытянут в направлении З—В. Размеры его: 3,5×0,5×0,63 м. Прослеживается до двух рядов каменной кладки.

В северной стене оставлен проход. Однако характерная для других курганов пристройка отсутствует. Она могла быть, но не сохранилась (разрушена грабителями).

Склеп заполнен мягкой лёссовой засыпью. В разных местах обнаружены отдельные кости погребенного. У западной стенки лежал кусочек железа, а к северу от камеры (на месте предполагаемой пристройки) — круглодонный сосуд плохого обжига, в изломе черного цвета.

Погребение на трассе строительства водопровода в с. Торт-Куль наводит на мысль, что в этой местности на правом берегу р. Туура-Суу существовал еще один аналогичный могильник. Количество курганов в нем остается неизвестным, так как они полностью уничтожены. По этой причине нельзя установить и конструкцию насыпи.

В одном из бортов водопроводной траншеи удалось обнаружить каменный ящик, подобный описанным. Он так же, как и остальные, выложен из плит скальной породы, поставленных на ребро. Восточная стенка ящика уничтожена строительными работами. Длина сохранившейся части 2,1 м, ширина — 0,4 м. В ящике головой на запад лежал скелет женщины на спине. У черепа найден кусочек железа. Пристройка и в этом погребении оказалась полностью разрушенной. Однако проход шириной 0,4 м в северной стене ящика позволяет говорить о ее существовании. В створе прохода на месте предполагаемой пристройки стояло два круглодонных керамических сосуда — кувшин и чаша.

Таким образом, в общей сложности вскрыто 15 курганов, в двух из которых (2, 3 — могильник Туура-Суу) ввиду их разрушенности трудно сказать что-либо определенное. Все курганы принадлежат трем могильникам: Туура-Суу—12, Ачик-Таш—2 и плохо сохранившийся могильник, одно из погребений которого зачищено на трассе строительства линии водопровода в Торт-Куль. По конструкции погребальных

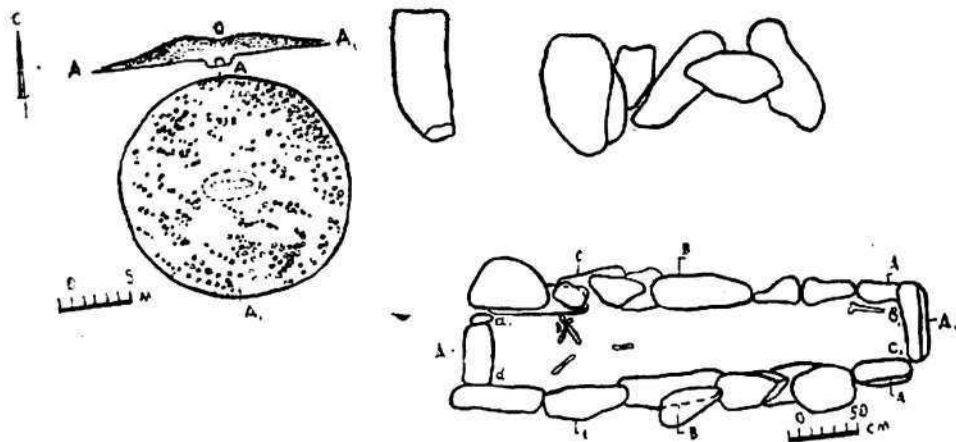

Рис. 25. Планы кургана 2 могильника Ачик-Таш.

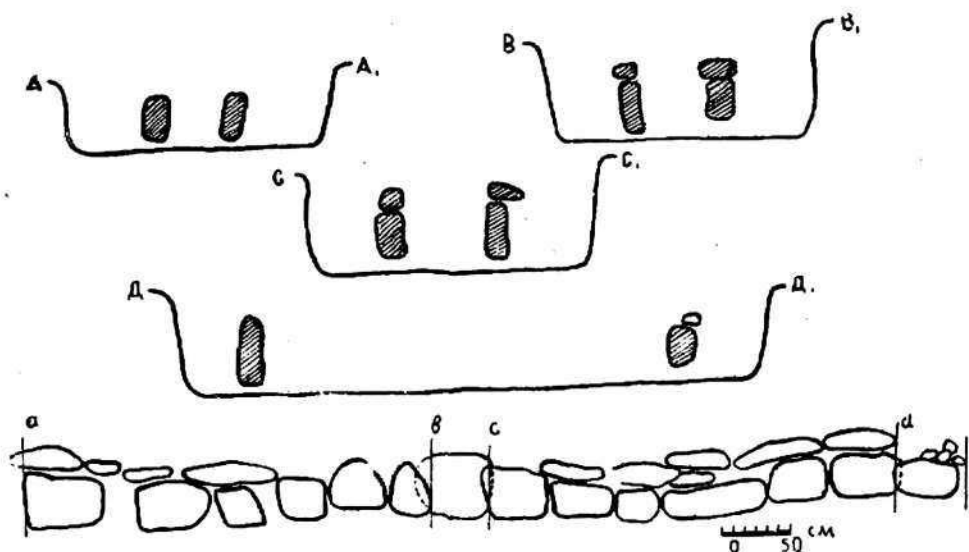

Рис. 26. Разрезы погребения 2 могильника Ачик-Таш.

сооружений данные захоронения можно разделить на два типа: I — в каменных ящиках и II — в грунтовых ямах.

I тип. Монументальный ящик, как правило, вытянут в направлении З—В, иногда с небольшим отклонением влево. Камеры прямоугольной формы, часто незначительно сужаются к востоку. Они выложены крупными плитами и валунами (реже). Нижний ряд плит чаще всего поставлен на длинное ребро. В некоторых склепах прослеживается еще один-два

ряда меньших по величине плит и валунов, которые были уложены с соблюдением перевязки швов.

К северу от основного сооружения имеется в плане близкая к квадрату или неправильной формы пристройка, соединенная с ящиком узким проходом, или лазом. Нами зафиксированы дополнительные камеры — пристройки в шести случаях. В двух остальных они не сохранились, однако целый ряд признаков говорит о том, что они были и здесь. Пристройки возведены из того же материала и аналогичным методом, что и ящики.

Сейчас трудно высказать окончательное суждение о назначении пристроек. В связи с этим хотелось бы отметить, что керамические сосуды были найдены только в двух курганах. И оба раза они стояли на месте пристройки.

В культуре ранних кочевников нам еще неизвестны подобные пристройки к каменным ящикам. Подобием их, на наш взгляд, являются ниши в северных стенках ямных погребений того времени, где устанавливались сосуды. Один из таких курганов был вскрыт в могильнике Четинди (курган № 8) в Таласской долине¹, а также в Центральном Тянь-Шане². В Казахстане могильные ямы с нишами в южной стенке раскопаны А. Г. Максимовой в могильниках Караша-I и Кызыл-Кайнар у северных предгорий Киргизского Ала-Тоо³. Могильные ямы с нишами известны в Фергане⁴. Надо отметить, что курганы с могильными ямами и нишами представляют собой небольшие могильные сооружения.

Можно предположить, что пристройки служили для хранения сосудов с ритуальной пищей и других вещей. В боковой камере кургана 8 могильника Туура-Суу зачищен детский скелет, так что можно говорить и о другом назначении этих дополнительных камер.

Склепы перекрыты большими каменными плитами. Описанные склепы были установлены в специально вырытых углублениях таким образом, что перекрытия находились где-то

---

¹ А. К. Абетекоев, Ю. Д. Баруздин. Сако-усуньские памятники... стр. 27, рис. 5.

² А. К. Кибиров. Археологические работы в Центральном Тянь-Шане (1953—1955 гг.), Тр. КАЭЭ, т. II. М., 1959, стр. 85—86, рис. 8, 2, 5; стр. 88, рис. 10, 2 и др.

³ А. Г. Максимова. Цепочка курганов из могильника Караша-I. Сб. «По следам древних культур Казахстана». Алма-Ата, 1970, стр. 121—128, рис. 2; ее же. Курганный могильник в урочище Кызыл-Кайнар. Сб. «Поиски и раскопки в Казахстане». Алма-Ата, 1971, стр. 123—133, рис. 2, табл. I, 9; II, 4, 9, 10.

⁴ Н. Г. Горбунова. Культура Ферганы в эпоху раннего железа. АСГЭ, 1962, № 5, стр. 97.

на уровне дневной поверхности или несколько ниже. Погребальные сооружения расположены под центром насыпи, а иногда чуть смещены.

II тип. Узкие грунтовые ямы вытянутой подпрямоугольной или овальной формы, ориентированы по линии З—В. Некоторые с отклонением вправо. Ямы расположены точно по центру под насыпью и вырыты очень экономно.

Кости зачастую плохой сохранности. Однако положение многих скелетов и некоторых их частей с убедительностью свидетельствуют об ориентации погребенных по линии З—В, головой на запад. Скелеты лежат вытянуто на спине, голова повернута к северу или югу. Руки (или одна из них) иногда согнуты в локтях. Кисти в этом случае находятся на лобке или под тазом.

В кургане 8 (I тип) могильника Туура-Суу погребенный лежал в другой позе. Так, в ящике находился в скорченном положении скелет взрослого человека, а в пристройке — ребенка.

Конструкция насыпей неодинакова. Так, в могильнике Туура-Суу курганы каменно-земляные. Небольшой слой лёсса прослеживается здесь непосредственно над могильным сооружением. Курганы же могильника Ачик-Таш имеют лёссовую насыпь, покрытую панцирной кладкой из кусков скальной породы. В некоторых конструкциях прослеживаются кромлехи или основания крипиды из нескольких рядов валунов. Сами насыпи различной величины. Здесь как будто вырисовывается определенная закономерность. Погребения в ящиках вскрыты под более крупными курганами: высота их 1,2 — 2,08 м, диаметр — 19—27 м. Исключение по диаметру составляли 10 и 11 курганы (13—16 м), однако они были частично разрушены. В то же время высота насыпей в захоронениях над грунтовыми ямами достигает лишь 0,5—0,7 м при диаметре 8—13 м.

Идентичность погребального обряда могильников Туура-Суу, Ачик-Таш и погребения у ручья, расположение их в одной долине на небольшом пространстве позволяет относить их к близкородственным этносам и рассматривать полученные при раскопках материалы и наблюдения в едином комплексе. Ниже приводится таблица, вскрывающая соотношение типов погребальных сооружений.

Установление хронологии изучаемых курганов сопряжено с большими трудностями. Это обусловлено тем, что раскопано сравнительно малое число памятников, количество вещественных находок ограничено и, самое главное, среди них мало

Могильник	Всего курганов	Из них вскрыто	В том числе I тип	В том числе II тип
Туура-Суу	12	12 ¹	5	5
Ачик-Таш	2	2	2	—
На трассе водопровода	?	1	1	—
Всего	—	15	8	5
Итого, %	—	—	60,9	38,1

сколько-нибудь точно датированных. Последнее вынуждает прибегнуть к сопоставительному методу.

Одну из особенностей данного комплекса составляют погребения в каменных ящиках. Такие захоронения широко распространены территориально и охватывают большой хронологический период. Во многих районах Евразии они бытовали в эпоху бронзы и раннего железа.

Погребения в каменных ящиках характерны для различных культур эпохи бронзы в Фергане, Ташкентском оазисе и, возможно, на Памиро-Алае. Здесь можно назвать такие могильники, как Дахлинский, Кайрак-Кумский, Вуадильский, Карамкульский и др.² Подобные погребальные сооружения известны в Киргизии. Они раскопаны в Кетмень-Тюбе (могильник Джазы-Кечу)³ и в Таласской долине⁴.

Сходные конструкции могильных сооружений наблюдаются на памятниках различных этапов бронзы (Замараевский и др.) Казахстана и Сибири. Число этих параллелей значительно, достаточно отметить могильник близ курорта Боровое⁵ и т. д. Нельзя не назвать в этой связи могильники Артау-II, Карасай, Аксу-I (бронза), Толгой, Корабие, Талды-II (раннее

¹ Как указывалось выше, о конструкции могильных сооружений двух курганов (2 и 3) судить пока нет возможности.

² См.: Б. А. Литвинский. Дахлинский могильник эпохи бронзы в Западной Фергане. КСИИМК, вып. 80, 1960; Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине. КСИИМК, вып. 63, 1956; они же. Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины. СА, 1957, № 3; Ю. А. Заднепровский. Памятники андроновской культуры. В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.—Л., 1966, стр. 221—223.

³ И. Кожомбердиев, Н. Г. Галочкина. Работы в долине Кетмень-Тюбе. АО 1968. М., 1969, стр. 449; И. К. Кожомбердиев, Н. Г. Галочкина. Памятники эпохи бронзы в долине Кетмень-Тюбе. Сб. «Успехи среднеазиатской археологии», вып. I. Л., 1972, стр. 40.

⁴ П. Н. Кожемьяко. Погребения эпохи бронзы в Киргизии. Изв. АН Киргиз. ССР, серия обществ. наук, т. II, вып. 3. Фрунзе, 1960.

⁵ А. М. Орובהев. Северный Казахстан в эпоху бронзы. ИИАЭ АН Каз. ССР, т. 5, археология, 1958, стр. 216, 294.

железо)¹. М. К. Кадырбаев сравнивает позднесалакульские и замараевские курганы эпохи бронзы и погребения ранних кочевников. Исходя из аналогичного устройства каменных склепов и сходства инвентаря, он находит элементы преемственности в погребальном обряде и керамике сопоставляемых культур². Кстати, здесь в качестве дефинитивных признаков выступают именно те особенности устройства могил, которые в целом сближают их с турасуйскими склепами.

Чрезвычайно важным для сравнения представляется могильник Каргалы-I (в 55 км к западу от г. Алма-Аты в одноименном ущелье). Насыпи каменные, сферические. Скелеты в каменных склепах вытунуты головой на С—З. Датированы первоначально переходным периодом от эпохи бронзы к сакскому времени³. А. Н. Бернштам уже тогда полагал, что карагалинская культура каменных ящиков может быть типичным переходом от культуры бронзы к сакской культуре⁴.

В 1957 г. на перевале Алтын-Эмель (Чулакские горы) вскрыты погребения в камерах из камня⁵. Их образуют поставленные на ребро плиты, края которых выступают над дневной поверхностью на 20—25 см. Они достигали величины 0,8×1,6 м и были вытянуты по линии З—В с небольшим отклонением. Судя по фотографии⁶, могила была перекрыта каменной наброской и имела пристройку. Подобный ящик обнаружен нами к западу от первого кургана могильника Ачик-Таш. Погребальные сооружения, включающие каменную обкладку, известны в Кунгайском, Суфанском, Ак-Тамском и других могильниках Ферганы⁷.

К. А. Акишев считает данный тип погребений пережиточным явлением эпохи бронзы⁸. Вообще он полагает, что «могилы с каменными ящиками чаще встречаются в погребениях ранних саков (могильники Алтын-Эмель, Каргалы-I), где они

---

¹ М. К. Кадырбаев. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана. Сб. «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, стр. 21—36.

² Там же, стр. 32—33.

³ А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии, стр. 24—25. Ср.: К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, стр. 88—89, где они отнесены к VI—IV вв. до н. э.

⁴ А. Н. Бернштам. Археологический очерк..., стр. 25.

⁵ К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней..., стр. 88—89.

⁶ Там же, рис. 71, 72.

⁷ Н. Г. Горбунова. Культура Ферганы..., стр. 95—98.

⁸ К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней..., стр. 89.

бытуют, по-видимому, как пережиток андроновской культуры»¹. По его мнению, склепы под курганной насыпью на дне грунтовой ямы встречаются в поздне-сакское и усуньское время².

Каменные ящики могильников Туура-Суу и Ачик-Таш сооружались в овальной яме, иногда почти круглой. Такая форма могильных ям, выявленная в захоронениях савроматов и саков Приаралья квалифицируется исследователями как переходный тип и датируется VIII—VII вв. до н. э. в первом случае и VII—IV вв. до н. э. (возможно, только VII в. до н. э.) — во втором³.

Мы имеем два типа могильных конструкций — каменный ящик и грунтовая яма, которые хронологически одновременны. Так, например, в одну и ту же цепочку курганов часто входят один и другой типы. Устройство насыпи ничем не отличается — каменная наброска и небольшая сферической формы лёссовая подушка под нею. Погребальный обряд единый. Все скелеты, когда их удавалось зачистить *in situ*, лежали на спине, вытянуто, головой на запад (бывают значительные отклонения). Узкие подпрямоугольные ямы с округлыми углами, в ряде случаев почти овальные (все это характерно и для открытых нами могил), отмечаются в раннесакском могильнике Уйгарак⁴.

Существование каменных склепов и грунтовых ям отмечено и другими исследователями. Так, в могильнике Быстрянского (Алтай) наряду с ящиками, перекрытыми плитами (курганы 2, 4, 10, 12), имели место могильные конструкции второго типа. Ориентация в основном западная. Погребенные вытянуты, на спине. Реже оба типа погребальных сооружений обнаружены под одной насыпью⁵.

Особенности устройства насыпи, наблюдаемые в Туура-Суу и Ачик-Таше, трудно считать твердо датирующими признаками по той простой причине, что они в других пунктах известны хронологически широко. Более достоверным показателем в этом отношении является ориентация покойников в обследованных курганах. Она совпадает с преобладающей

¹ К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней..., стр. 89.

² Там же.

³ К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 81—82; О. А. Вишневская, М. А. Итина. Ранние саки Приаралья. Сб. «Проблемы скифской археологии», МИА, 177. М., 1971, стр. 198.

⁴ О. А. Вишневская, М. А. Итина. Ранние саки Приаралья, стр. 198—199.

⁵ Могилы датированы V—IV вв. до н. э. М. П. Завитухина. Курганы села Быстрянского. АСГЭ, вып. 8, Л.—М., 1966, стр. 65, 72.

направленностью савроматских и раннесакских погребений, которая сама по себе служит одним из оснований для установления генетического родства между культурами поры бронзы и саков¹. Такая («сакская») ориентация (за малым исключением западная) крайне редко прослеживается в областях распространения иного раннекочевнического этноса. Например, в Причерноморской Скифии она изредка выявляется в курганах VII—V вв. до н. э.²

Таким образом, хотя прямых аналогий-повторов описанным могильным конструкциям среди известных материалов встретить не удалось, приведенная краткая сводка с достаточной убедительностью показывает, что погребения в каменных ящиках бытовали от эпохи бронзы до усуньского времени и даже позднее³. Уже сейчас достаточно последовательной представляется линия эволюции этого типа сооружений от поры бронзы к сакам и т. д. Детали конструкции, внешний облик, приемы строительства сближают вскрытые могилы с захоронениями эпохи бронзы и раннесакского времени. Показательными в этом отношении являются склепы с пристройками VII—VI вв. до н. э. на перевале Алтын-Эмель. И правы А. Н. Бернштам и К. А. Акишев, которые считали курганы с каменными ящиками наиболее характерными для раннесакского времени. Однако анализ сопроводительного инвентаря раскопанных нами могильщиков не дает веских оснований для узкой датировки рассматриваемых комплексов.

Погребальный инвентарь обследованных курганов представлен изделиями из бронзы, железа, золота, стекла, кости, керамическими сосудами. Среди них встречены изделия, которые могут быть причислены к предметам искусства. Чрезвычайно выразительной и высокохудожественной представляется скульптурная фигурка джейрана с рожками, концы которых загнуты вверх (см. рис. 27, 28). Зафиксирован момент, когда животное припало на вытянутые передние ноги, готовясь к новому толчку задними.

Прямые аналогии этой скульптурке нам неизвестны. Очень близки ей по стилю и технике выполнения фигурки козликов

---

¹ К. Ф. Смирнов, Савроматы, стр. 91, О. А. Вишневецкая, М. А. Итина. Ранние саки Приаралья, стр. 199—200.

² См.: И. В. Яценко. Скифия VII—V вв. до нашей эры. М., 1959, стр. 15.

³ Из более поздних параллелей можно привести погребения Чаткала, Таласской долины и др. См.: А. К. Кибиров. Археологические памятники Чаткала. Тр. КАЭЭ, т. II. М., 1959, стр. 35—36, 43; Д. Ф. Винник. Тюркские памятники Таласской долины. Сб. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, стр. 82—83, рис. 3 и др.

Рис. 27. Фигурка джейрана из могильника Туура-Суу.

из так называемого «амударьинского клада» и из уникального кургана, раскопанного К. А. Акишевым у оз. Иссык (близ Алма-Аты)¹. Поза турасуйского джейрана (стремительный бег) близка к деталям татуировки Пазырыкского кургана². Однако эти сопоставления не дают возможности для узкой датировки. Было бы преждевременным считать, что в вопросе о хронологическом определении «амударьинского клада» и пазырыкских курганов существует достаточная ясность. О. М. Дальтон относит весь «клад» к V—III вв. до н. э.³ Нет определенности и в установлении времени Пазырыкских курганов. С. И. Руденко и М. П. Грязновым они датируются V—III вв. до н. э.⁴ Джейран с загнутыми вверх концами рогов воспроизведен на золотой оббивке ритона из Семибратских

¹ Доклад К. А. Акишева на совещании по проблеме средневековых городов Средней Азии и Казахстана (24—29 ноября 1970 г., г. Фрунзе). Предварительная датировка К. А. Акишева иссыкских находок VI—V вв. до н. э. См. также: К. А. Акишев. Раскопки Иссыкского кургана, АО, 1970 года. М., 1971, стр. 408.

² С. И. Руденко. Искусство Алтая и Передней Азии. М., 1961, стр. 33, рис. 22; его же. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953, стр. 294, рис. 172.

³ М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобаднана) (1950—1951), МИА. 37. М.—Л., 1954—1955, стр. 254; Т. Н. Зеймаль, Е. В. Зеймаль. Еще раз о месте находки аму-дарьинского клада. «Изв. АН Тадж. ССР», отд. обществ. наук, I (28). Душанбе, 1962, стр. 40—45.

⁴ Подробности полемики и развернутую аргументацию см.: С. И. Руденко. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.—Л., 1960, стр. 162—172.

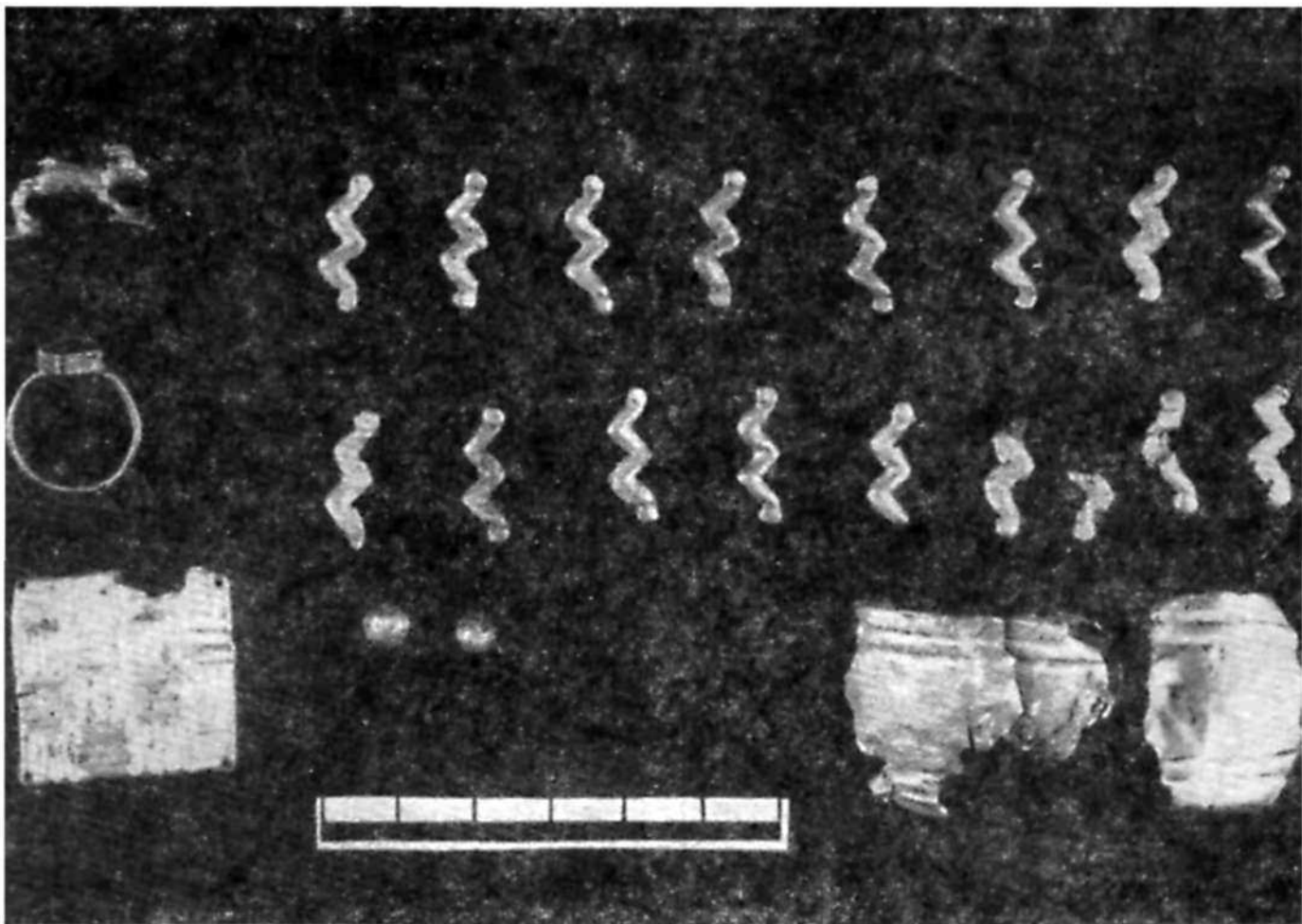

Рис. 28. Золотые изделия могильника Туура-Суу.

курганов¹. Аналогичные мотивы козликов с загнутыми вверх рогами приводятся и другими исследователями². Стилистически эти изображения отличны от турасуйских.

На наш взгляд, вышеупомянутые турасуйские сигмообразные бляшки (см. рис. 28) могут быть изделиями, воспроизводящими «скифский» лук. Подобного рода имитации известны в археологической литературе. Они найдены у пос. Благовещенского близ Оренбурга, в Приаралье и в Хакасии³. Близка к ним трактовка лука «скифского» типа на мидийских рельефах, художественных изделиях и каменных изваяниях Северного Причерноморья и ритонах Нисы, а также на парфянских монетах⁴. Если наши предположения верны, то, судя по имитации, саки Тянь-Шаня обладали луком, принципиально не отличающимся оригинальностью формы и конструкции.

Напрашивается и другое сопоставление. Не могла ли квадратная гофрированная бляшка (см. рис. 28), найденная в том же комплексе, имитировать плетеный щит? Щиты квадратной формы, плетенные из прутьев, обтянутых кожей, обнаружены в первом Пазырыкском кургане (5 экз.)⁵. Территориально более близкой аналогией служит находка остатков подобного щита в могильнике Чильхона на Памире⁶.

В Тулхарском могильнике (Бишкентская долина) в кургане V А. М. Мандельштамом обнаружена диадема, составными частями которой являются «сигмообразные» золотые бляшки, напоминающие звенья головного убора, найденного в кургане 9 могильника Туура-Суу. Тулхарский могильник отличается от других погребальных комплексов тем, что датируется очень точно — последняя треть II в. до н. э. — начало I в. н. э. (± 30 лет)⁷.

¹ Б. Н. Граков. Скифы. М., 1971, табл. XXVI.

² Н. А. Членова. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, табл. 29, 41, 42; табл. 32, 25, 27.

³ А. В. Збруева. История населения Прикамья в аваньшскую эпоху. МИА, 1952, 30, стр. 52, табл. IX; М. А. Дэвлет. Бронзовые бляшки в форме сложного лука из Хакасии. КСИИМК, 1966, вып. 107, стр. 70, рис. 21.

⁴ E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. London—New York, 1941, p. 203—205, fig. 313; М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова. Парфянские ритоны Нисы. Тр. ЮТАКЭ, т. IV, стр. 170; Б. А. Литвинский. Сложносоставной лук в древней Средней Азии. СА, 1966, 4, рис. 3.

⁵ С. И. Руденко. Культура населения Центрального Алтая... стр. 122—123, рис. 74, табл. XI, 1—4, СХХVII, 1—4, 4.

⁶ А. Д. Бабаев. Могильник Чильхона—памятник сакской культуры в Западном Памире. «Изв. АН Тадж. ССР», отд. обществ. наук, в. 3(53), 1968, стр. 26, табл. 3—8.

⁷ А. М. Мандельштам. Кочевники на пути в Индию. МИА, 136. М.—Л., 1966, стр. 39—40, 127—128, 158, рис. 19, табл. LX, 1—3.

Однако, если это сопоставление может указать лишь на один из пунктов, откуда кочевники начали движение в Индию, то едва ли оно может служить для определения узкой даты могильника Туура-Суу уже по той причине, что погребальные сооружения и обряды сопоставляемых комплексов разные. Если учесть, что тулхарские захоронения, как показал А. М. Мандельштам, не принадлежали автохтонному населению, то можно предположить, что аналогичные головные уборы существовали в северных районах Средней Азии (откуда могли переселиться кочевники в Бишкентскую долину) раньше II в. до н. э.

Не менее интересным оказывается сюжет: хищник (вероятно, волк) терзает свою добычу — какое-то копытное животное, — переданный техникой гравировки на костяной пластине (см. рис. 29). К сожалению, сцена сохранилась неполностью. Трактовка реалистична. Волк в качестве персонажа встречается в материалах скифо-сарматского круга (Алтай, Памир, Поволжье) уже с VII—VI вв. до н. э.¹ Прямые и полные аналогии как будто отсутствуют. Здесь переданы главным образом изображения головы волков, позы «скребущегося» зверя или «на короточках».

Этот мотив не является характерным для подобных находок Причерноморья, но, как указывалось, бытует в Южной Сибири, Поволжье и на Алтае². На территории Минусинской котловины отмечено более десятка предметов с изображениями волка. По мнению Н. Л. Членовой, они носят следы «алтайского стиля» (Алтай, Казахстан и Средняя Азия)³. Судя по трактовке задних ног копытного животного на турасуйской пластине, его тело было «вывернуто». Такая своеобразная деталь повторяется в находках некоторых других памятников. Можно вспомнить сцену нападения барса на горного барана из украшения седельной покрывки (2-й Пазырыкский курган). Поза хищника с поджатым хвостом, откинутые задние ноги жертвы сходны с турасуйскими изображениями⁴.

¹ М. П. Грязнов. Памятники майэмирского этапа на Алтае. КСИММК, вып. XVIII, стр. 12, рис. 5; А. И. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, 26, М.—Л., 1952, стр. 298, рис. 128—2; В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. МИА, 60, 1959, рис. 38—13.

² С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, МИА, 9, 1949, табл. XXI; С. И. Руденко. Культура населения Центрального Алтая..., стр. 279, рис. 143-а, б, табл. L; К. Ф. Смирнов. Савроматы, рис. 27, 7; 28, 4, 29, 4а; 32, 13; 73, 4, 5; 78, 11; 80, 6.

³ Н. Л. Членова. Происхождение и ранняя история..., стр. 162—163.

⁴ С. И. Руденко. Культура населения горного Алтая..., стр. 275, рис. 159; его же. Искусство Алтая и Передней Азии, стр. 34, рис. 23.

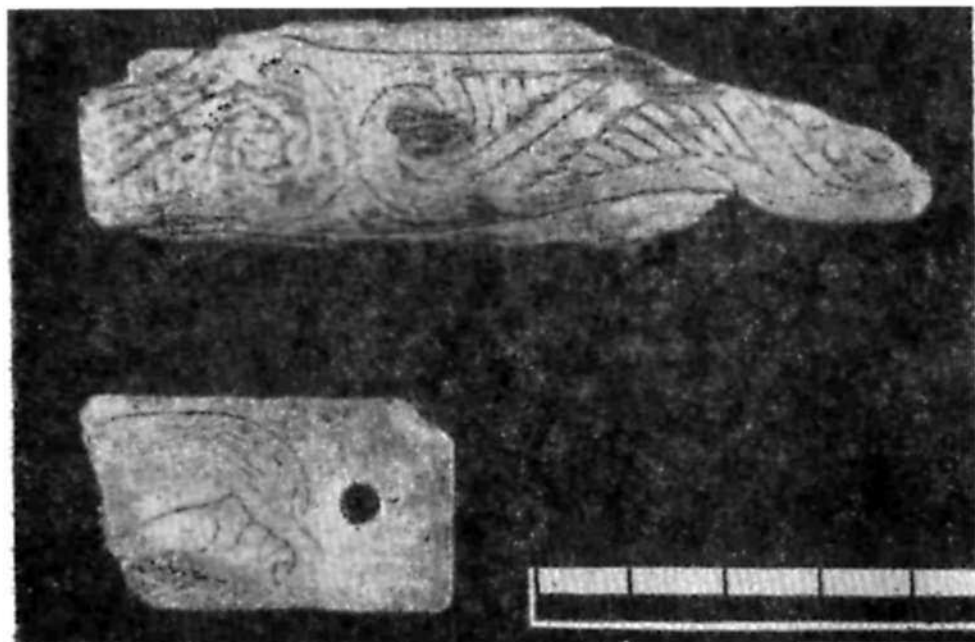

Рис. 29. Костяные пластины из могильника Туура-Суу.

На другой пластине из кости вырезан богатый орнамент, элементами которого служат спиральные волюты, спаренные и закрученные в одну сторону (рис. 29). Они следовали одна за другой. Для скифо-сибирского искусства гравировку по кости нельзя считать распространенной техникой¹. Она сочетается с глубокой резьбой — чаще не на костяных пластинках, а на кабаньих клыках².

Бусы представлены двумя типами — глазчатые, шаровидные, стеклянные (1 шт.) и бронзовые гнутые (рис. 30). Последние выполнены из небольших пластиночек, согнутых в трубочку таким образом, что один край ее находит на другой. Их собрано значительное число — 20 целых и 27 сломанных. Аналогичные бронзовые бусы известны для памятников эпохи бронзы, например, могильника близ курорта Боровое (Федоровский этап) и др.³ Гнутые бусы из золота встречаются и позднее⁴.

¹ К. Ф. Смирнов. Савроматы, стр. 342, рис. 48, 26.

² Там же, стр. 342, рис. 10—13, 11в; 78, 6; 11, 12.

³ А. М. Орозбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы..., стр. 216—294, табл. IV, рис. 16; П. Н. Кожемяко. Погребения эпохи бронзы в Киргизии, стр. 86—105, рис. 9, 3, рис. 13, 3, рис. 18, 3.

⁴ М. П. Завитухина. Курганы у села Быстрьянского..., стр. 68, рис. 7, 16.

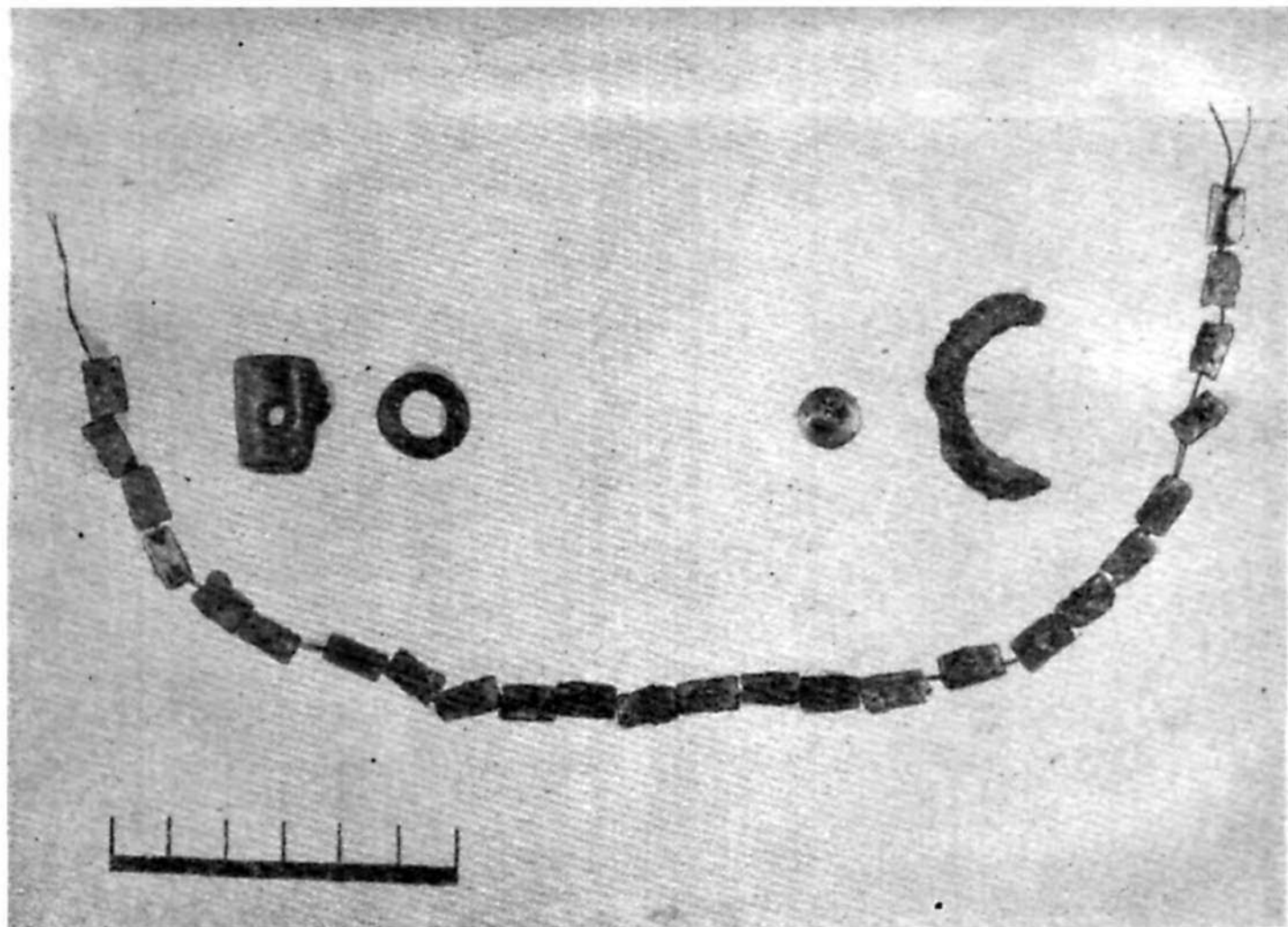

Рис. 30. Бусы и другие предметы.

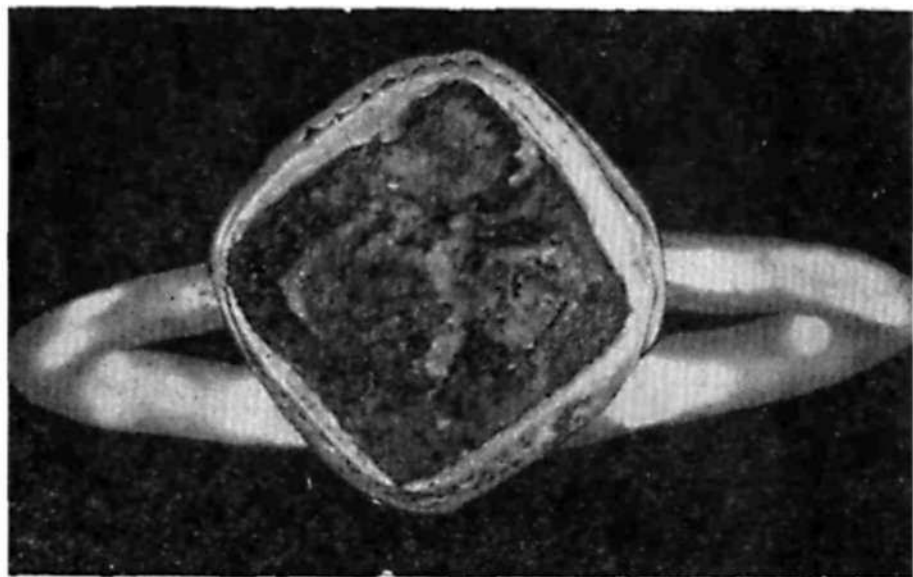

Рис. 31. Золотой перстень

В числе украшений имеются мелкие полусферические нашивные бляхи из золота (см. рис. 28). На каждой из них два отверстия. Подобные бронзовые нашивки (иногда больших размеров и менее выпуклые) часто находят в погребениях поры бронзы—могильник у курорта Боровое и др.¹

К украшениям относится также диадема из 17 звеньев и поясная пряжка. Все это сделано из листового золота на бронзовой основе. Техника покрытия бронзы и серебра листовым золотом известна в Средней Азии и Казахстане с эпохи бронзы и вплоть до первых веков н. э.²

Примечателен золотой перстень с ромбовидным щитком и вставкой, на которой сохранились неясные следы какого-то изображения. Не исключено, что он относится к кругу предметов, именуемых печатками (см. рис. 28, 31).

Остальные вещи менее выразительны. К ним относятся: часть железного кольца (см. рис. 30), обломок железа, куски листового золота (см. рис. 28), трубчатые кости и т. п. Выде-

¹ А. М. Орозбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы, стр. 216—244, табл. IV, 10, 11; V, 25—27. О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, вып. XVII, стр. 112, рис. 35, 5.

² М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. Сб. «Казахи» Л, 1927, стр. 209, рис. 25, 7; А. М. Орозбаев, Северный Казахстан в эпоху бронзы, стр. 226, 229—233, 254, табл. IV, 1—7; V, 14—14а, 20, 32; П. Н. Кожемяко. Погребения эпохи бронзы в Киргизии, стр. 85—95, рис. 5, 2; А. М. Мандельштам. Кочевники на пути в Индию, стр. 136 и др.

ляется из этого перечня железный однолезвийный нож, который находит прямую аналогию с предметами из могильника Колай¹.

Видимо, особенностью проанализированного комплекса погребального инвентаря является небольшое число керамики. Однако почти полное отсутствие керамических материалов в могильнике Туура-Суу не должно вызывать недоумения. Они не обнаружены в раннесакском (рубеж VII—VI вв. до н. э.) кургане 5 Чиликтинского могильника². Их почти нет на Алтае и в могильниках Приаралья (Тагискен и Уйгарак — VII—VI вв. до н. э.). Посуда, как установили исследователи, «не является обязательным элементом погребального инвентаря»³. Редко находят ее и в могилах на юге Причерноморских степей⁴.

Три сосуда, найденные в раннекочевнических захоронениях долины р. Тон (рис. 32), относятся к трем типам—чаши, миски, горшки. Аналогичные формы распространены довольно

Рис. 32. Керамика.

¹ С. С. Сорокин. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы. АСГЭ, вып. 8. М.—Л., 1966, стр. 58, рис. 12.

² С. С. Черников. Загадка золотого кургана. М., 1965, стр. 24.

³ О. А. Вишневская, М. А. Итина. Ранние саки Приаралья. стр. 200

⁴ С. С. Черников. Загадка золотого кургана, стр. 142.

широко территориально и хронологически. Суммарно они датируются «сако-усуньским временем».

Таким образом, весь круг рассмотренных аналогий делает возможным отнесение исследуемых могильников ко времени ранних кочевников. Не следует забывать при этом вышеуказанное сходство с курганами раннесакского времени, а также параллели в сопроводительном инвентаре, например, в бронзовых бусах и сферических нашивках архаического облика. Вместе с тем, совокупность данных свидетельствует в пользу широкой датировки могильников Туура-Суу и Ачик-Таш. Последние могут быть предварительно отнесены к VI—V вв. до н. э. Они были оставлены какой-то неизвестной этнографической группой сакских племен.

IV. НАХОДКА МЕДНОЙ РИМСКОЙ МОНЕТЫ

Осенью 1971 г. студент I курса исторического факультета Киргизского государственного университета А. З. Усубалиев нашел на берегу озера Иссык-Куль вблизи пристани Тон медную римскую монету III в. н. э.

До сих пор в Киргизии встречались лишь редкие единичные находки серебряных римских денариев I—II вв. н. э. Так, по сообщению М. Е. Массона, в селениях на побережье Иссык-Куля были найдены денарии императоров Веспасиана (69—78 гг.) и Адриана (118—138 гг.). Кроме того, в Средней Азии были также найдены денарии Домициана (81—96 гг.), Траяна (98—117 гг.), Антонина Пия (138—161 гг.) и Марка Аврелия (161—180 гг.)¹.

Единичные находки римских монет встречаются в Средней Азии не так уж часто, кладов таких монет до 1947 г., как отмечает М. Е. Массон, не было обнаружено². Римские монеты III в. н. э. встречаются в Средней Азии еще реже, что обусловлено более низкой их пробой, т. е. меньшим содержанием серебра. Известно лишь о находке в Алма-Ате денария Аврелиана Августа (270—275 гг.)³.

Вплоть до находки А. З. Усубалиева в Средней Азии была обнаружена всего лишь одна медная римская монета. Это—сестерций императора Нерона (54—68 гг.), найденный весной 1954 г. в Узбекистане во время раскопок на городище Хайрабад-тепе, расположенном в 30 км к северу от Термеза⁴.

В 1962 г. в научной литературе появилось сообщение о находке в Средней Азии клада римских денариев (62—192 гг.). Клад был обнаружен в г. Ура-Тюбе, в Таджикистане,

---

¹ М. Е. Массон. Неопубликованные монетные находки, зарегистрированные на территории Киргизской ССР до 1947 г. Тр. ИЯЛИ Киргиз. ФАН СССР, вып. II. Фрунзе, 1948, стр. 136.

² Там же, стр. 135.

³ Там же, стр. 136.

⁴ В. Д. Жуков. Находка сестерция Нерона в кушанском слое в Южном Узбекистане. «Эпиграфика Востока», XIII, 1960, стр. 124.

Рис. 33. Монета, найденная около пристани Тон.

в начале 30-х годов и состоял по меньшей мере из 300 серебряных монет¹.

Найденная около пристани Тон монета (рис. 33) была выбита в Александрии во времена правления императора Диоклетяна (284—305 гг.). Вес ее — 8,45 г; диаметр — 27 — 28 мм. Аверс: в поле, в линейном ободке, изображен задрاپированный бюст Диоклетяна в лавровом венке, обращенный вправо.

Круговая легенда: IMPCDIOCLETIANVSPPAVG (imperator Caius Diocletianus Pater Patriae Augustus). Реверс: стоящая в рост обнаженная фигура в римском военном шлеме с венком (?) в правой руке и рогом изобилия (?) — в левой. Слева римская цифра XX, справа цифра I и греческая буква «дельта». Под ногами фигуры сокращенное название города, в котором выпущена монета: ALE (Александрия). В круговой легенде посвятительная надпись: GENIO POPVLI ROMANI.

Греческая буква «дельта» обозначает порядковый номер мастерской александрийского монетного двора (т. е. монета выпущена в четвертой мастерской). Обозначение номера мастерской греческой буквой—явление типичное для монетных дворов провинциальных городов Римской империи².

Что касается цифры «XX», помещенной на реверсе, то это

¹ Е. В. Зеймаль. Клад римских денариев из Таджикистана. «Нумизматика и эпиграфика», т. III. М., 1962, стр. 141.

² А. Н. Казамянова. Введение в античную нумизматику. М., 1960, стр. 70.

не год правления Диоклетиана, как можно было бы предположить, а обозначение знака стоимости монеты¹.

К началу III в. содержание серебра в римских денариях упало до 50%. Чтобы поднять пошатнувшуюся стоимость серебряной монеты, император Каракалла в 214 г. н. э. выпускает монеты той же пробы, но повышенного веса (до 5,3 г). Новые монеты получили название «антонинианов». Постепенно «антониниан» вытеснил денарий, однако уже в начале второй половины III в. он превратился в медную монету с небольшим содержанием серебра (всего 2—4%), которое покрывало поверхность тонким слоем². Теперь эти монеты были по существу денежным знаком, ходившим по принудительному курсу. В таких условиях при императоре Аврелиане (270—275 гг.) и появился впервые на них знак стоимости «XX». В состоянии тяжелого кризиса римское денежное хозяйство пребывало и во времена правления Диоклетиана (284—305 гг.), несмотря на ряд проведенных им реформ, направленных на улучшение и стабилизацию денежного хозяйства империи³.

Таким образом, перед нами «антониниан», выпущенный в правление императора Диоклетиана между 284 и 305 гг. в Александрии, или, иначе говоря, медная, первоначально посеребренная монета, обращающаяся по принудительному курсу. До настоящего времени тонкая пленка серебра не сохранилась, но это весьма характерно для такого рода государственных фальсификатов, предназначенных для замены серебряной монеты.

А. Н. Зограф считает, что крупные медные монеты, «еще носящие при Диоклетиане унаследованные от «антонинианов» знаки XXI и имеющие поверхностный слой серебра», можно отождествить с «фоллисами», упоминаемыми в письменных источниках того времени⁴.

Возможно, перед нами «фоллис» Диоклетиана. Однако суть не в названии, а в том, что медный посеребренный государственный фальсификат, предназначен был для замены исчезнувшей из обращения серебряной монеты.

Теперь нам становится понятным почему «антониниан», или «фоллис» Диоклетиана, оказался так далеко за пределами Римской империи. Ведь медь обычно почти не участвовала в международной торговле. Иначе относятся к «сереброподоб-

---

¹ А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16. М.—Л., 1951, стр. 54.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 55.

ным» государственным фальсификатам. Ареал распространения их мог быть значительно шире, чем ареал распространения чисто медных денег.

Появление монеты Диоклетиана на Иссык-Куле, возможно, связано с торговыми операциями на Семиреченском международном торговом пути, который, по данным М. Е. Массона, функционировал в первых веках нашей эры¹.

---

¹ М. Е. М а с с о н. Неопубликованные монетные находки . . . , стр. 135.

V. К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ПРИИССЫККУЛЬЯ¹

Петроглифы составляют едва ли не самую многочисленную группу археологических памятников Киргизии. Практически они встречаются повсюду — в горных, предгорных и долинных районах, там, где имеются более или менее удобные пастбища, а также поблизости от таковых. Исключения иногда представляют святилища, расположенные в местах, непригодных для выпаса скота.

География распространения наскальных изображений наиболее четко прослеживается в Иссык-Кульской котловине. Характерная особенность ее следующая. Рисунки находятся в районах скопления валунов или крупных камней в прибрежной и предгорной частях котловины. Иногда скопления валунов тянутся непрерывно на несколько километров. В горных районах Прииссыккулья петроглифы встречаются в ущельях, урочищах межгорных долин и на многих перевалах, через которые проходили караванные и скотогонные пути на джайляо.

Рисунки в большинстве случаев находятся на загарной части валунов и скал — западной, южной и восточной сторонах. Степень загара очень различна. Конечно, нельзя акцентировать внимание только на патинизации изображений при определении их датировки (что практикуется в последнее время), но учитывать эту особенность, как вспомогательный фактор, совершенно необходимо. Разумеется, при этом нужно иметь в виду локальные условия местоположения валунов и рисунков по отношению к солнцу, ветрам и прочим явлениям природы, а также структуру камня.

Многие рисунки видны издалека. Они выделяются своей светлой тональностью на темном фоне камня. Есть изображения с совершенно белыми, как бы свежими линиями, есть более темные, но еще сохранившие светлый тон. Можно выделить и переходные моменты степени загара: рисунки со значительным потемнением линий с более и все более усиливаю-

---

¹ Статья написана на материалах многолетних работ Д. Ф. Винника на Иссык-Куле.

щимся загаром и, наконец, изображения, которые по цвету ничем не отличаются от загарного фона камня.

Основная часть петроглифов Иссык-Кульской котловины выполнена весьма распространенной, так называемой точечной техникой. Глубина скола 0,1—0,3 см. Встречаются и выбитые более глубокими точками — 0,5—0,8 см — с четкими ровными краями, но большая часть рисунков отличается сильной степенью загара и стертыми почти незаметными контурами. Имеются изображения с грубыми, неровными, как бы рваными краями и светлой тонировкой камня в местах скола. Последнее обстоятельство отмечается некоторыми исследователями как признак поздних по времени рисунков¹. Иногда встречается довольно глубокая гравировка, произведенная металлическим предметом, или рисунок, процарапанный острием ножа.

Как и в других группах наскальных изображений Тянь-Шаня, среди иссык-кульских петроглифов можно отметить три основных стилистических приема, выделенных для Средней Азии А. Н. Бернштамом, то есть, теневой, контурный и скелетный². Сами по себе стилистические приемы не могут быть хронологическим обоснованием наскальных рисунков. Для их возрастного определения необходимо привлечение и других данных и в первую очередь аналогий.

Вопрос о периодизации петроглифов, как известно, один из наиболее сложных в археологии Средней Азии, Казахстана, Сибири и других территорий. Все авторы, так или иначе затрагивающие этот вид памятников, время их возникновения относят к различным историческим эпохам. Не останавливаясь на всей сложности данной проблемы, что сделано другими исследователями³, обратимся лишь к рассмотрению датировки петроглифов Киргизии.

Наскальные изображения Айырмач-Тоо и Аравана М. Е. Массон датирует I тыс. до н. э. или серединой его⁴. А. Н. Бернштам (араванские) — III — II вв. до н. э.⁵,

---

¹ М. Э. Воронец. Наскальные изображения Южной Киргизии. Тр. КГПИ, серия историч., вып. 2. Фрунзе, 1950, стр. 78, 79.

² А. Н. Бернштам. Наскальные изображения Саймалы-Таш. СЭ, М., 1952, № 2, стр. 56—58.

³ См.: А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству. М., 1969, стр. 5—23, где обстоятельно рассмотрена историография вопроса.

⁴ М. Е. Массон. Древние наскальные изображения домашних лошадей в Южном Киргизстане. Тр. ИЯЛИ Киргиз. ФАН СССР, вып. II. Фрунзе, 1948, стр. 133.

⁵ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26. М.—Л., 1952, стр. 224.

Ю. А. Заднепровский (Араван и Айырмач-Тоо) — второй половиной I тыс. до н. э.¹

М. Е. Воронец в группе Сураты (Баткенский район) выделяет ранние рисунки, относящиеся к развитому бронзовому веку, затем близкие по стилю к сакским изображениям, которые он относит ко второй половине I тыс. до н. э. и более позднему времени².

Б. М. Зима считает, что основная масса наскальных изображений Киргизстана относится к стадии неолита и бронзы. Однако среди них есть рисунки и более позднего происхождения³.

В противоположность этому мнению нам представляется, что большинство петроглифов Киргизии сако-тюркского времени⁴. Из общей массы наскальных изображений, выявленных на территории Киргизии, только незначительное число их датируется неолитом⁵ и бронзовым веком⁶.

Отдельные группы петроглифов Чумышских гор (долина р. Чу) — сцены с бумерангами (?) — Н. Д. Черкасов, сопоставляя с австралийскими типами этого времени метательных орудий, датирует второй половиной II тыс. до н. э.⁷.

---

¹ Ю. А. Заднепровский. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА, № 118, М.—Л., 1962, стр. 179.

² М. Э. Воронец. Указ. соч., стр. 78, 79.

³ Б. М. Зима. Из истории изучения наскальных изображений Киргизии. Тр. Ин-та истории АН Киргиз. ССР, вып. IV. Фрунзе, 1957, стр. 120. Это же положение повторяется со ссылкой на других авторов на стр. 124.

⁴ Одним из авторов настоящей статьи — Д. Ф. Винником — обследованы наскальные изображения кроме Иссык-Куля в Кемине, Кочкорке, Джумгале, Сусамыре, Кара-Куджуре, Таласе, Чаткале и некоторых районах Ферганского хребта. Везде преобладающим типом являются изображения животных и сцен, характерных для сако-тюркского времени. Кроме того, эти рисунки в большинстве случаев привязываются к памятникам, оставленным сако-усуньскими и тюркскими племенами.

⁵ А. П. Окладников, В. И. Рацек. Следы древнейшей культуры в пещерах Тянь-Шаня. Изв. ВГО, т. 86, вып. 5, М., 1954, стр. 452. Однако авторы склонны датировать изображения пещеры Ак-Чонкур концом неолита и началом бронзового века. Эта пещера пока единственное место в Киргизии, где рисунки нанесены охрой. В. М. Массон, опираясь на предположение А. Н. Бернштама о сопоставлении рисунков предсакского и сакского периодов с крашеной керамикой Сузы I и II, полагает, что древнейший пласт наскальных изображений Саймалы-Таша может быть датирован IV—III тыс. до н. э. См.: В. М. Массон. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, № 73, М., 1959, стр. 116.

⁶ К эпохе бронзы, без сомнения, может быть отнесена только часть петроглифов Саймалы-Таша, Сураты и Таласской долины.

⁷ Н. Д. Черкасов. Бумеранг в наскальных рисунках древнего Киргизстана. Изв. АН Киргиз. ССР, серия обществ. наук, т. II, вып. 3. Фрунзе, 1960, стр. 12. Вместе с тем следует отметить, что изображения

В. М. Гапоненко наскальные рисунки Таласской долины, по аналогии с петроглифами Саймалы-Таша и на основании периодизации А. Н. Бернштама делит на три этапа: предсакский (II—I тыс. до н. э.), сако-усуньский (VIII—I вв. до н. э.) и тюркский (VI—VIII вв. н. э.)¹.

Все датировки наскальных изображений, предложенные вышеназванными авторами, основаны главным образом на аналогиях с подобными памятниками как самой Киргизии, так и других районов нашей страны. Классификация петроглифов, исключая лишь араванские, проведена без увязки с другими видами археологических памятников и данными этнографии.

Наиболее обоснованная периодизация, хотя и в качестве рабочей схемы, была предложена А. Н. Бернштамом на примере наскальных изображений урочища Саймалы-Таш. Автор на основе многочисленных признаков и привлечения широкого круга аналогий, разделил рисунки этого района на четыре основные хронологические группы — предсакскую, сакскую, гуннскую и тюркскую (VI—VIII вв.), часть рисунков отнес к более позднему периоду². Вместе с тем А. Н. Бернштам считает Саймалы-Таш святилищем «племен в основном сако-усуньского (VIII—I вв. н. э.) и гунно-тюркского (I—VIII вв.) времени древних жителей Тянь-Шаня, проникших прежде всего в Фергану и там культурно обогатившихся»³. Предложенная им схема приемлема для классификации петроглифов не только Киргизии, но и других районов Средней Азии и Казахстана. Конечно, она требует уточнения, конкретизации и т. д., на что указывает и сам автор⁴. Однако, как

козлов, лошадей, хищников, сцен охоты характерны для раннежелезного века (см. рис. 4—6, 8—10) и эпохой бронзы не могут быть датированы.

¹ В. М. Гапоненко. Наскальные изображения Таласской долины. В кн.: Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963, стр. 110.

² А. Н. Бернштам. Наскальные изображения Саймалы-Таша, стр. 59—60.

³ Там же, стр. 65.

⁴ Там же. Вместе с тем тщательное обследование всего комплекса наскальных изображений Саймалы-Таша, проведенное авторами статьи в 1973 г., показало, что рисунки «гуннского» времени ничем не отличаются от рисунков сако-усуньского периода. На трудность их выделения указывает и сам автор. Поэтому сако-усуньский период, на наш взгляд, следовало бы рассматривать в хронологических рамках VII в. до н. э. — первые века н. э. В последнее время появилась статья Ю. Н. Голендухиной, в которой он предлагает новую классификацию Саймалы-Таша. К сожалению, его периодизация ничем не обоснована, а выводы о происхождении рисунков, назначении урочища и т. д. вообще не выдерживают никакой критики. См.: Ю. Н. Голендухин. Вопросы классификации и духов-

показывает обследование, часть рисунков урочища Саймалы-Таш по технике исполнения, реалистичности изображения, разнообразию сюжетов отличается от рисунков других территорий Киргизии. Но как деталь при этом следует учитывать и необычность самого материала — базальта, на который наносились рисунки. Такие породы камня с петроглифами пока в других районах зарегистрированы в единичных случаях.

Не лишним будет остановиться на методике датировки наскальных рисунков некоторых районов Средней Азии и Казахстана, сопредельных с Киргизией, что дает право на хронологическое обоснование их другими видами археологических памятников.

Наиболее аргументированно, на наш взгляд, изложены вопросы датировки петроглифов для отдельных районов Средней Азии, Казахстана, в том числе и Киргизии (Саймалы-Таш), А. А. Формозовым¹. Привлечение широкого круга аналогий, сопоставление рисунков различных территорий, использование археологического материала позволяют согласиться с предложенными им выводами.

Рисунки, сходные по стилю с тянь-шаньскими, обследованы А. М. Мандельштамом в верховьях Зеравшана. Автор, обстоятельно изучая различные особенности этого вида памятников, датирует их второй половиной I тыс. до н. э.² с переживанием традиций, в частности линейных изображений, вплоть до позднейшего времени. Причем весьма существенным подспорьем в датировке петроглифов служат материалы из раскопанного кургана, в насыпи которого находился камень с изображением горного козла.

В Чу-Илийских горах в урочище Тамгалы А. Г. Максимова обследовала комплекс наскальных рисунков, которые она датирует предсакским, сакским и тюркским временем³. Значительную часть этого комплекса составляют рисунки сакского периода. Аналогичные изображения широко распространены и на территории Киргизии. Предложенная А. Г. Максимовой периодизация подтверждается и наличием в урочище Тамгалы могильников бронзового века, ранних и поздних кочевников.

ный мир древнего земледельца по петроглифам Саймалы-Таша. В кн.: Первобытное искусство. Новосибирск, 1971, стр. 181—202.

¹ А. А. Ф о р м о з о в. Указ. соч., стр. 60—81.

² А. М. М а н д е л ь ш т а м. Несколько замечаний о наскальных изображениях бассейна верхнего Зеравшана. Тр. ИИАЭ АН Тадж. ССР, вып. XLII, 1956, стр. 200—201.

³ А. Г. М а к с и м о в а. Наскальные изображения ущелья Тамгалы. Вестн. АН Каз. ССР. Алма-Ата, 1958, № 9, стр. 109—110.

Аргументирована датировка отдельных видов наскальных изображений Каратау (а на их основе, возможно, и всего комплекса) эпохой бронзы и частично раннежелезным веком М. К. Кадырбаева и А. Н. Марьяшева¹. Причем здесь также зарегистрированы погребения этих двух этапов.

Как видно из приведенного краткого обзора, авторы, привлекая различные данные, хронологические рамки наскальных изображений определяют в основном пределами II тыс. до н. э.—I тыс. н. э.

Разумеется, что датировка рисунков Иссык-Кульской котловины, как и вообще всех наскальных изображений, затруднена, тем более, что она никем не проводилась. Поэтому на первом этапе разрешения данного вопроса нами сделана попытка сопоставления петроглифов с другими видами археологических памятников и в первую очередь с курганными могильниками.

При исследовании наскальных рисунков Иссык-Куля удалось установить следующее. Все пункты петроглифов обязательно привязаны к могильникам, которые датируются сакоусуньским и тюркским временем. Более узкой датировки предложить пока нет возможности, ввиду недостаточной изученности памятников кочевого населения этого региона. А визуально по внешнему виду, курганы для столь большой хронологической протяженности (от начала I тыс. до н. э. и до конца I тыс. н. э.) трудно отличить друг от друга. Необходимо сразу оговориться, что обратной взаимосвязи, то есть привязки могильников к рисункам, не наблюдается. Этому можно найти ряд объяснений. Могильники встречаются по всей Иссык-Кульской котловине во множестве, а также в предгорных и горных ее районах. Обычно они находятся в местах зимовок скотоводов и занимают в большинстве случаев территории, непригодные для пастбищ. Вообще-то трудно проследить какую-либо закономерность в расположении самих могильников. Что же касается наскальных рисунков, то они привязаны к захоронениям только в тех местах, где есть материал (валуны или крупные камни) для их нанесения.

Конечно, наши предположения относительно совмещаемости наскальных рисунков с могильниками кочевников могут вызвать некоторые возражения: во-первых, рисунки могут не совпадать по времени с могильниками (они могли

---

¹ М. К. Кадырбаев, А. Н. Марьяшев. Каратауские колесницы. В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973, стр. 128—145.

быть нанесены раньше или позже); во-вторых, такая территориальная взаимосвязь рисунков с захоронениями может быть случайной. Разрешить эти сомнения нам поможет карта археологических памятников Иссык-Куля вообще и наскальных рисунков — в частности. При совмещении их полностью подтверждаются наши предположения о связи петроглифов с могильниками. Ни с какими другими памятниками или современными поселениями наскальные рисунки территориально повсеместно не совпадают. Более того, огромное количество загарных камней, разбросанных близ современных сел или древних поселений и вполне пригодных для наскальной живописи, остаются по-прежнему чистыми, то есть не заполненными рисунками. Помещенные таким образом в определенный временной промежуток (VII в. до н. э. — X в. н. э.) наскальные изображения вместе с погребальным инвентарем, или как часть погребального инвентаря, могут служить объектом выявления некоторых религиозных воззрений кочевого населения Иссык-Куля.

С представлением об обязательности погребений связан обычай насыпать кенотафы, создавать видимость погребений в том случае, когда похоронить умершего по каким-либо причинам не было возможности. Одна из особенностей иссык-кульских курганов — ограды из валунов в виде кольца. Такие ограды характерны для погребений племен сако-усуньского времени. Более того, в сако-усуньской культуре кольцевые ограды сооружались иногда не вокруг кургана с захоронением, а вокруг кенотафа, а то и на ровной площадке.

Известно, что такие каменные кольца бывают связаны с культом солнца¹. Мы знаем из письменных источников, что ранние кочевники поклонялись солнцу. Геродот, описывая поход Кира на массагетов, приводит такие слова царицы Томирис: «Клянусь солнцем владыкою массагетов я утолю твою жажду в крови»². В другом месте, характеризуя массагетские обычаи, Геродот отмечает, что «из богов чтут только солнце, которому приносят в жертву лошадей»³.

Таким образом, захоронения и письменные источники подтверждают существование культа солнца у саков. Традиция сооружения кромлехов сохраняется и в усуньское время и частично переходит в обычаи тюрков.

Большое количество солнечных знаков в наскальных ри-

---

¹ С. А. Токарев. Религия в истории народов мира. М., 1964, стр. 18.

² Геродот. История в девяти книгах, т. 1. М., 1888, стр. 212.

³ Там же, стр. 216

сунках, привязанных к сако-усуньским могильникам, убеждает в том, что поклонение солнцу у иссык-кульских кочевников было ведущей формой религии. В Приссыккулье мы находим рядом с могильниками наскальные рисунки с самыми различными обозначениями солярного культа — от простых кругов до солнца-символа: солнце-бык, солнце-олень, солнце-козел, солнце-человек.

Каменные оградки на ровной площадке убеждают нас в том, что могильники кочевников были не только местом захоронения соплеменников, но и культовым местом, где отправлялись обряды, посвященные солнечному божеству, условно связанному каким-то образом с родовой аристократией.

Перейдем к краткой характеристике географии курганных могильников и наскальных изображений, расположенных в котловинной части бассейна оз. Иссык-Куль.

Могильник Байламтал. На левом берегу р. Чу у выхода из Боомского ущелья в Иссык-Кульскую котловину — около 150 каменных насыпей. Вокруг отдельных прослеживаются кромлехи. Могильник зарегистрирован в 1959 г. Иссык-Кульским археологическим отрядом под руководством Д. Ф. Винника (далее ИКАО). Раскопки не производились. Около двух курганов сохранились вертикально стоящие камни из песчаника с сильно разрушенной поверхностью. В верхних частях камней едва заметны очертания лиц. Как на территории могильника, так и прилегающей к нему площади, на камнях обнаружено несколько десятков изображений человека, козлов, верблюдов. Рисунки маловыразительны и слабо покрыты загаром. Предварительная датировка могильника I—VIII вв.

Могильник Кок-Булак. Занимает широкую полосу вдоль южного склона Кунгей Ала-Тоо и дороги Фрунзе—Пржевальск. Протяженность его с запада на восток 16 км. Он объединяет свыше двух десятков групп курганов, насчитывающих около 1200 каменных насыпей. Могильник обследован в 1949 г. А. Н. Бернштамом¹. Им же раскопано несколько погребений древних тюрков. В 1961 г. ИКАО вскрыты курганы, относящиеся к сако-усуньскому времени. Скопление наскальных рисунков различных животных и сцен из жизни древнего населения отмечено в ущелье Калмак-Ашу, которое, по-видимому, являлось святилищем племен оставив-

---

¹ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, М.—Л., 1952, стр. 75—76.

ших могильник. Изредка изображения козлов, лошадей и верблюдов встречаются на камнях среди курганов.

Могильник Кок-Мойнок. Курганы находятся в окрестностях одноименного поселка. Крупные курганы с земляными насыпями, с примесью камней и щебенки расположены в цепочке по линии север — юг, мелкие — с каменными насыпями — разбросаны в беспорядке. Могильник впервые упомянут А. Н. Бернштамом, он датирует его усуньским временем¹. В 1959 г. обследован ИКАО, наскальные изображения не обнаружены.

Могильник Кызыл-Омпол. Расположен между р. Чу и подножием горы Кызыл-Омпол. Протяженность могильника с севера на юг около 6 км. Курганы с земляными и каменными насыпями. Крупные курганы составляют цепочки. Вокруг отдельных насыпей прослеживаются кольцевые выкладки. Петроглифы встречаются на скалах горы Кызыл-Омпол. Могильник обследован в 1965 г. Д. Ф. Винником. Датировка его — рубеж и первые века новой эры.

Могильник Талды-Булак. Состоит из нескольких групп курганов, находящихся по берегам рек Талды-Булак и Чон-Талды-Булак. Зафиксирован в 1961 г. ИКАО. Раскопки не производились. Датировка — рубеж н. э. Наскальные изображения встречаются к северу от могильника в ущельях Кунгей Ала-Тоо.

Могильник Сары-Камыш. К северу от одноименного села цепочка из шести крупных курганов с земляными насыпями. Здесь же мелкие курганы с насыпями из камней. Вокруг многих из них имеются кольцевые выкладки. Обследован в 1961 г. ИКАО. Раскопано три кургана. Могильник датируется рубежом и первыми веками новой эры. Рисунки не обнаружены.

Могильник Тору-Айгыр. Представлен пятью отдельными группами курганов, расположенных в пойме реки и на террасе между хребтом Кунгей Ала-Тоо и пос. Тору-Айгыр. Здесь же встречаются на крупных камнях рисунки различного вида козлов и изредка оленей. Раскопки курганов производились в 1961 г. ИКАО. Могильник датируется сакоусуньским и тюркским временем.

Могильник Чырпыкты. Расположен между реками Культор и Кабырга. Насчитывает около 200 курганов. Насыпи каменные и каменно-земляные. Обследован в 1959 и 1961 гг. ИКАО. Раскопано три кургана. Рисунки людей, козлов, оленей, верблюдов, лошадей встречаются на многих

¹ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 74.

валунах на пространстве между с. Чырпыкты и хребтом Кунгей Ала-Тоо. Могильник и наскальные изображения оставлены сако-усуньскими племенами.

Могильник Дюресу. Находится в верхнем течении одноименной реки. Насчитывает около 100 курганов, насыпи каменные, многие имеют кольцевые выкладки. Зарегистрирован в 1961 г. ИКАО. Раскопки не производились. В 1957 г. в пойме р. Дюресу, по сведениям местных жителей, был найден бронзовый котел. Изображения животных и сцен охоты встречаются на крупных камнях. Датировка могильника — сако-усуньское время.

Далее на восток от с. Чырпыкты до пос. Чолпон-Ата курганные могильники и валуны отмечены повсеместно. В отдельных группах курганов зарегистрированы и каменные изваяния. Особенно выделяются скопления валунов и крупных камней у селений Тамчи, Чоктал, Орнок, Чон-Сары-Ой, Курское, Чон-Кой-Су, Долинка и Чолпон-Ата. В этих местах сосредоточено наибольшее количество рисунков разнообразных видов животных и сцен из жизни древних племен. Среди многих сотен рисунков часто встречаются изображения животных, представленных лучшими образцами сакского «зверинного» стиля, особенно козлов и оленей. Раскопки курганов в период 1959—1972 гг. в различных могильниках позволяют датировать их серединой I тыс. до н. э. — VI—X вв. н. э. Могильники Кой-Су, Долинка I и Долинка II, исследованные Л. П. Зяблиным в 1954—1955 гг., отнесены к IX—XIII вв.¹

Могильник Боз-Тери I. К северо-западу от одноименного села — около 100 курганов с каменными насыпями и кольцевыми выкладками. На множестве валунов среди могильника и вокруг него встречаются изображения козлов, оленей, верблюдов и сцен охоты. Обследован в 1959 г. ИКАО. Раскопки не производились. Предварительная датировка всего комплекса VI—I вв. до н. э.

Могильник Боз-Тери II. С южной стороны села цепочка из 8 курганов с земляными насыпями высотой 2—4 м и диаметром до 40 м. Вокруг них мелкие курганы. Обследован в 1959 г. ИКАО. Раскопки не производились. Рисунков не обнаружено. Предварительная датировка III—I вв. до н. э.

Могильник Доланту. К востоку от с. Боз-Тери. Насчитывает около 200 курганов с земляными, каменно-земляными и каменными насыпями. Вокруг отдельных из них — кольцевые выкладки. В могильнике выделяется 6 крупных

---

¹ Л. П. Зяблин. Средневековые курганы на Иссык-Куле. Тр. КАЭЭ, т. II, М., 1959, стр. 139—154.

курганов. На скалах и камнях у подножья отрогов Кунгей Ала-Тоо рисунки животных и людей. Могильник осмотрен ИКАО в 1959 г. Датируется сако-усуньским временем.

От р. Сюгеты и до р. Чон-Ак-Су вдоль подножья хребта Кунгей Ала-Тоо зарегистрировано несколько групп курганов сако-усуньского и тюркского периодов, которые сопровождаются наскальными рисунками. Но основное скопление их находится в местности Корумды, где сосредоточено огромное количество камней.

Группы курганов в окрестностях с. Григорьевка представлены земляными, каменно-земляными и каменными насыпями. Среди них выделяется цепочка крупных курганов на левом берегу р. Чон-Ак-Су. К северо-западу от села обнаружено 3 каменных изваяния. Могильники датируются сако-усуньским и тюркским временем. Обследовались в 1959—1962 и 1972 гг.: ИКАО.

Могильник Ак-Су. Находится к северу от с. Семеновка. Курганы расположены у входа в ущелье и к востоку от него. Вблизи могильника в 1938 г. были обнаружены культовые предметы саков¹. Наскальные изображения немногочисленны. Как могильник, так и рисунки были осмотрены ИКАО в 1959 г. Весь комплекс можно датировать сако-усуньским временем.

Незначительное число наскальных изображений встречается вблизи могильников Кок-Дюбе, Карал-Дюбе, Иглик, Чет-Байсоорун Каменка, Чон-Урюкты, Орто-Урюкты, Кичи-Урюкты, Ой-Тал, Кутурга. Рисунки маловыразительны и в основном однотипны, преобладают изображения козлов. На основе наличия крупных курганов и каменных изваяний в могильниках наскальные изображения предварительно датируются рубежом н. э. и VI—X вв.

К раннеусуньскому времени (III—I вв. до н. э.) можно отнести наскальные изображения, находящиеся в урочище Дженаты. Здесь расположены цепочки курганов с огромными земляными насыпями.

Могильник Курменты. Находится в окрестностях одноименного поселка. Насыпи курганов земляные и каменно-земляные. Первые оставлены усуньскими племенами, вторые — тюркскими. Последняя датировка подтверждается наличием каменных изваяний. Наскальные рисунки не обнаружены.

Начиная от с. Сары-Булак и до входа в долину Сан-Таш многочисленные группы курганов сохранились в основном у

¹ Б. М. Зимма. Иссык-кульские жертвенники. Фрунзе, 1941.

подножья Кунгей Ала-Тоо. Долинная часть этого района (нижнее течение р. Тюп) почти сплошь распахана. В результате этого многие памятники уничтожены. Большинство оставшихся могильников рассматриваемой территории сопровождается каменными изваяниями, которые дают основание датировать курганы древнетюркским временем. Наскальные рисунки встречаются редко. Они маловыразительны и схематичны, скорее всего, относятся к раннесредневековому периоду.

Разновременны могильники долины р. Джергалан. Однако в самой долине наскальные изображения почти не зарегистрированы. Здесь нет подходящего материала для их нанесения. Но в ущельях Терской Ала-Тоо на отрезке от пос. Джергалан до р. Ак-Су рисунки животных многочисленны. По аналогии с петроглифами других мест они могут быть датированы сако-усуньским периодом.

Маловыразительны наскальные рисунки Каракольского ущелья. Здесь же зарегистрированы разновременные курганы и каменные изваяния. У входа в ущелье находятся курганы усуньской родо-племенной знати. В 1929 г. могильник раскапывался М. В. Воеводским и М. П. Грязновым¹.

Многочисленны группы курганов в предгорной части на участке от с. Чильпек до р. Джеты-Огуз. Они датируются рубежом н. э. и VI—VIII вв. Наскальные изображения встречаются изредка.

Большое количество фамильных кладбищ усуньской аристократии паходится между реками Джеты-Огуз и Чичкан. Но наскальные изображения в районе их распространения почти не зарегистрированы.

Далее на запад от с. Чичкан курганы сако-усуньских и тюркских племен расположены в основном в поймах и на террасах рек Ак-Терек, Кичи-Джергалчак, Сарыбулак, Чон-Джергалчак, Барскаун, Тамга, Тосор, Чукурчак, Каджи-Сай. Рисунки малочисленны. Выгравированы главным образом на загарных камнях и валунах.

Деятнадцать разновременных могильников зарегистрировано в Тонской долине и здесь же — наскальные рисунки.²

Особенно высокой техникой исполнения и реалистичностью изображения козлов, оленей, хищников отличаются

---

¹ М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. Усуньские могильники на территории Киргизской ССР. ВДИ, 1938, № 3, стр. 170—174.

² См. раздел «Археологическая карта Тонской долины» настоящего издания.

рисунки ущелья Ак-Терек. Они даны в наиболее выразительной манере сакского «звериного» стиля.

В Барбулакской долине могильники, относящиеся к сако-усуньскому периоду, расположены на вершине адыра, отделяющего долину от озера. Но здесь рисунки зафиксированы в единичных случаях. Чаще встречаются они на северном склоне горы Тегерек от перевала Думана до р. Тура-Су. На этом же участке выявлено 8 могильников. Насыпи каменные, вокруг некоторых из них — кромлехи. В районе Барбулакской долины встречаются и каменные изваяния.

Около 20 могильников с различным числом курганов в каждом из них зарегистрировано на участке от с. Шор-Булак до р. Чу. Эта местность представлена относительно узкой полосой, заключенной между озером и горами, значительные площади которой усеяны камнями и скалистыми осыпями. Рисунки единичны и невыразительны.

Как видно из вышеприведенного, Иссык-Кульская котловина чрезвычайно богата курганными могильниками, которые свидетельствуют о густой заселенности ее территории кочевыми племенами в далеком прошлом. Но раскопано лишь незначительное число курганов. Однако полученные из них материалы, а также совокупность внешних признаков древних захоронений позволяют разделить памятники кочевого населения на две большие группы — сако-усуньскую и тюркскую. В количественном отношении преобладает первая группа памятников.

Объединение понятий двух разновременных, хотя и родственных племенных союзов — сакского и усуньского — в один термин «сако-усуни» или «сако-усуньское» время не должно настораживать. При недостаточной изученности памятников этих племен такое условное объединение вполне допустимо, но с подразделением их на два этапа: VII—III вв. до н. э. и III в. до н. э. — VI в. н. э. Это сделано потому, что мы пока не можем четко выделить признаки наскальных рисунков усуней, особенно для первых веков н. э., когда число изображений заметно уменьшается. При объединении петроглифов в «сако-усуньское» время за основу взяты общие признаки «звериного» стиля, роднящие их на протяжении тысячелетнего периода. Для этого стиля характерны наскальные рисунки, изображающие горных козлов различных видов, оленей, собак, лошадей, верблюдов, хищников. Эти рисунки отличаются высокой техникой гравировки и реалистичностью изображения. Многочисленны рисунки солнца — это солнце-олень, солнце-козел, солнце-человек. Часто встречаются сце-

ны охоты — конной, пешей и загонной. Большинство рисунков покрыто густым коричневым загаром.

Прямым доказательством пребывания саков на территории Иссык-Кульской котловины служат материалы раскопок А. Н. Бернштама¹ (Кырчин), Д. Ф. Винника (Чон-Кой-Су, Чолпон-Ата, Джеты-Огуз, Барскаун, Тон). Кроме того, надо учитывать большое количество случайных находок — котлов, наконечников копий, кинжалов и других предметов, собранных как на дне озера, так и в прибрежной части различными исследователями в дореволюционное и советское время². Совокупность всех материалов и погребальный обряд при сопоставлении их с аналогичными данными других территорий позволяет датировать памятники сакских племен на Иссык-Куле VII—III вв. до н. э.

Гораздо легче обстоит дело с памятниками усуней. На большей части территории Иссык-Кульской котловины могильники усуней характеризуются наличием цепочек крупных курганов родоплеменной знати, вокруг которых расположены захоронения рядовых кочевников. Погребения усуней раскапывались М. В. Воеводским и М. П. Грязновым³ (Каракол, Чильпек), А. Н. Бернштамом⁴ (Соколовка, Джергес), Л. П. Зяблиным⁵ (Кара-Шаар), Д. Ф. Винником (Кок-Булак, Сары-Камыш, Тору-Айгыр, Чырпыкты, Чон-Сары-Ой, Чон-Кой-Су, Карал-Дюбе, Дженаты, Курменты, Сары-Булак, Шаты, Джоон-Булак, Сару, Дархан, Тон, Кара-Шаар и др.).

Отличительной особенностью могильников усуньского времени является разнообразие насыпей курганов. Захоронения представлены грунтовыми ямами или каменными ящиками. Костяки ориентированы на запад, северо-запад и север. Инвентарь — разнообразная посуда ручной лепки, предметы украшения и оружие. Погребальный обряд и материал характерны для периода III в. до н. э.—VI в. н. э.

¹ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 31—33.

² В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893—1894 гг. Соч., т. IV. М., 1966, стр. 63—76; П. П. Иванов. Материалы по археологии котловины Иссык-Куля. Тр. Ин-та истории АН Киргиз. ССР, вып. III, Фрунзе, 1957, стр. 65—107; Д. Ф. Винник. Работы Иссык-Кульского археологического отряда в 1959 г. Изв. АН Киргиз. ССР, серия обществ. наук, т. III, вып. 3, Фрунзе, 1961, стр. 83—102; Л. Р. Кызласов. Сакская коллекция с Иссык-Куля. Сб.: Новое в археологии. Изд-во Москов. ун-та, 1972, стр. 102—107.

³ М. В. Воеводский и М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 170—177.

⁴ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 50—52, 55—60.

⁵ Л. П. Зяблин. Археологические работы на Иссык-Куле. КСИМК, вып. 69. М., 1957, стр. 94—96.

Могильники тюрков на Иссык-Куле, так же как и саков, мало исследованы. До сих пор раскопано небольшое число курганов А. Н. Бернштамом¹ (Кык-Булак, Кок-Мойнок, Карой, Кырчин, Ой-Булак, Джергалан), Л. П. Зяблиным² (Кой-Су, Долинка I, Долинка II), Д. Ф. Винником (Тору-Айгыр, Чет-Кой-Су, Чон-Сары-Ой, Григорьевка, Чет-Байсоорун, Ичке-Су, Талды-Су, Кочп, Жеты-Огуз и др.). Датировка перечисленных и других могильников древнетюрским временем облегчается еще и наличием каменных изваяний, которые отмечались в различных частях Иссык-Кульской котловины, начиная с посещения ее Ч. Валихановым и до настоящего времени.

Наскальные рисунки тюрков по сравнению с рисунками предшествующего периода характеризуются стилизацией и схематизацией изображений, меньшим разнообразием сюжетов и видов животных и значительно меньшим числом их вообще.

Предложенное выше деление памятников кочевого населения Иссык-Кульской котловины не претендует на всестороннее обоснование их хронологических рамок. Эта периодизация памятников кочевников, принятая в археологии Киргизии, позволяет на современном этапе их изученности сделать лишь попытку обоснования предварительной датировки наскальных изображений Иссык-Куля другими видами археологических памятников.

---

¹ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 74—88.

² Л. П. Зяблин. Средневековые курганы на Иссык-Куле, стр. 139—154.

VI. ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ ПАМЯТНИКИ ДОЛИНЫ РЕКИ ТОН

Торт-кульский отряд кроме осуществления программных раскопочных работ занимался сбором опросных сведений и «случайных» археологических находок. Так было выявлено несколько каменных изваяний. Некоторые из них найдены на территории средневекового городища Хан-Дюбе, другие — подобраны вблизи него. Сосредоточены эти памятники сейчас в школах близлежащих сел (Туура-Суу, Торт-Куль, Боконбаевское и др.). Кроме того, вскрыты два погребения с конем.

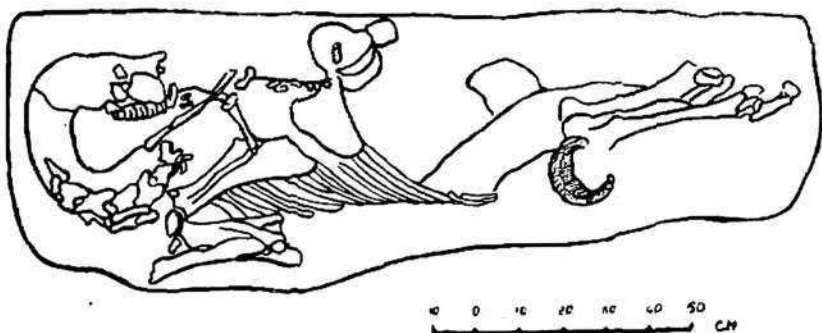

Рис. 34. Погребение 1 с конем.

Погребение 1 (рис. 34) обнаружено при земляных работах по подготовке основания плотины (на левом берегу р. Туура-Суу) в южной стенке траншеи на глубине 0,95 м от современной поверхности. Длина ямы 1,9 м, ширину установить не удалось. Кости человека почти полностью уничтожены бульдозером. Непотронуемыми остались лишь фаланги стопы, пяточная и берцовая кости левой ноги. На небольшом уступе, в 10 см от ямы, с человеческим захоронением находился скелет коня, ориентированный грудью на запад. Ноги животного подогнуты, шея повернута назад так, что череп коня оказывается у правой лопатки. На спине прослеживаются остатки

основы деревянного седла с высокой лукой арочного типа. Дерево сохранилось плохо. Под седлом заметны куски войлока, а у задних ног — оплывшее железное стремя с широкой плоской подножкой. Рядом с черепом лежали фрагменты железных удил. Следы их коррозии отмечаются на обеих челюстях коня. У задних ног найдена костяная застежка от пут. (рис. 35).

Погребение 2 отмечено в 300 м северо-западнее описанного. Оно также разрушено при прокладке водопровода в с. Торт-Куль. В западной стенке водопроводной траншеи на глубине 0,3 м были расчищены *in situ* шейные позвонки и остатки черепа коня. Судя по положению костей, обряд этого захоронения аналогичен вышеупомянутому. Нами собраны

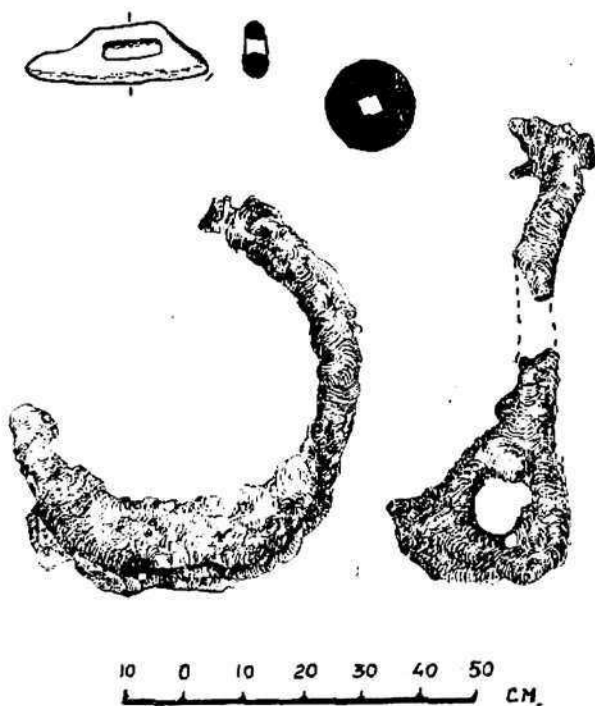

Рис. 35. Металлический материал.

многочисленные устные сообщения строителей и местных жителей о том, что во время сооружения отмеченного водопровода здесь неоднократно встречались погребения с конем и различным металлический и другой сопроводительный инвентарь, который, к сожалению, утрачен¹.

¹ Очевидцы упоминают по меньшей мере пять разрушенных погребений с конем.

Западнее первого захоронения в выбросах из траншей находилось большое количество разрозненных человеческих, конских и бараньих костей. Некоторые из них покрыты характерным зеленым налетом, оставленным, очевидно, бронзовыми изделиями.

Все эти факты могут свидетельствовать о том, что здесь располагался могильник. Внешние его признаки сейчас отсутствуют, так как сами курганы, видимо, были разрушены во время возникновения средневекового некрополя и при более поздних строительных работах. Характерно, что на этой же территории встречаются различные находки, описание некоторых из них дается ниже.

Это прежде всего две бронзовые литые пряжки с овальной рамкой, прямоугольным щитком и подвижным язычком. Крепление их к ремню осуществлено с помощью двух заклепок (рис. 36). Сюда же относится тройник из бронзы от сбруи коня. Центральная часть предмета сферическая, отростки плоские. Они крепились к ремню заклепками. Под сферической частью сохранился ременной узел.

Интерес представляет и бронзовая фигурная накладка с частью двойного ремня, ширина которого 2 см, толщина 4 мм. Последний прикреплен заклепкой, на конце которой имеется маленькая пластинка.

Среди украшений надо отметить разомкнутый бронзовый перстень, концы его находят друг на друга и скреплены. Щиток фигурный со сложным орнаментом. Найдены также бусы, бисер (стекло голубого и белого цвета), обломок железной пластинки с бронзовой заклепкой, плоская мраморная галька с отверстием в центре (см. рис. 36).

Нам удалось осмотреть часть золотой массивной серьги с шестигранной подвеской из белого нефрита и круглой голубой стеклянной. По словам видевших эту серьгу целой, подвеска первоначально была больше. Она нанизывалась на стержень, который был загнут кольцом в нижней части.

Вышеописанные археологические предметы и прежде всего бронзовые пряжки с овальной рамкой и подвижным язычком находят аналогии в памятниках, принадлежащих кочевникам VI—XII вв. обширных степных пространств от Южной Сибири до Венгрии¹. Примерно для этого же времени известны они

---

¹ Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции 1935 г. Тр. ГИМ, вып. XVI. М., 1941, рис. 15, табл. III; С. И. Вайнштейн. Археологические раскопки в Туве в 1953 г. Уч. зап. Тувинского НИИЯЛИ, вып. II. Кызыл, 1954, стр. 148—151; А. Д. Грач. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве (полевой сезон 1957 г.). Тр. ТКАЭЭ Ин-та эт-

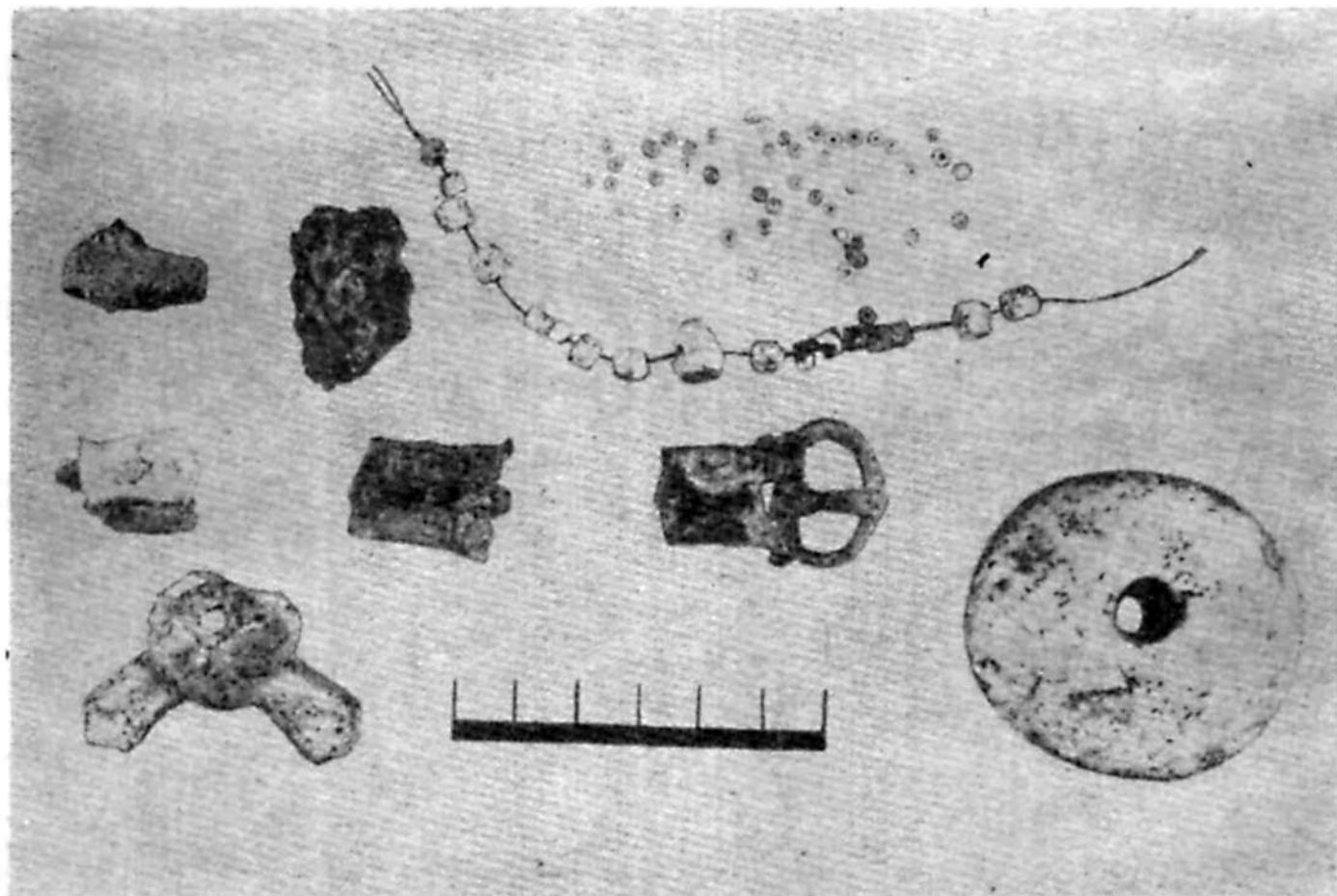

Рис. 36. Бусы, изделия из бронзы и камня.

и в Чуйской долине¹. К сожалению, предложить более узкую датировку для всего комплекса вещей пока затруднительно.

Точнее датируется погребение с конем. Здесь, правда, едва ли можно полностью положиться на сопровождающий инвентарь (стремена, удила, остатки седла), так как он отчасти из-за плохой сохранности маловыразителен и имеет широкий хронологический диапазон — VI—XII вв. Наиболее же точное время захоронения, на наш взгляд, может дать погребальный обряд. Несмотря на то, что захоронение сохранилось лишь частично, обряд его вырисовывается довольно отчетливо. Погребение было совершено в прямоугольной яме, вытянутой с запада на восток. В северной ее части на спине, головой на восток лежал человек. Конь же находился на уступе в южной части ямы (ориентация обратная). Подобный погребальный обряд был присущ алтайско-орхонским тюркам в VIII—IX вв. и отличался от более раннего (VI—VIII вв.), когда яма имела меридиональную ориентацию².

Несмотря на довольно широко проводившиеся археологические исследования в Киргизии, захоронений с конем пока обнаружено сравнительно мало³. Рассматриваемые нами объекты — еще один пункт характерных древнетюрских погребений.

Каменные изваяния долины рек Тон и Туура-Суу уже привлекали внимание исследователей. Так, два аналогичных памятника обнаружено и опубликовано Я. А. Шером⁴. Нами найдено еще восемь.

1. Фигура объемная (рис. 37). Лицо монголоидное со стилизованными бровями, длинными манерно изогнутыми усами и небольшой бородкой. Голова выделена из монолита, шея и

нографии АН СССР, т. 1. М.—Л., 1960, стр. 32; Л. Р. Кызласов. История Тувы в средние века, изд. МГУ, 1969, рис., 36, 1, 3; рис. 39, 3, 15; рис. 40, 1, 2 и др.; Ф. Х. Арсланова. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII—XII вв.). В кн.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968, табл. между стр. 100—101, рис. 180, 189.

¹ А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина». МИА, 14. М.—Л., 1950, табл. XLIV, 1, 3, 5, 6.

² Обоснование датировки и библиографию см.: А. А. Гаврилова. Могильник Кундыргэ как исторический источник. М.—Л., 1965, стр. 59—61, рис. 7 и др.; Л. Р. Кызласов. История Тувы..., стр. 18—23, 78—79.

³ Библиографию вопроса см. в трудах: Я. А. Шер. Памятники алтайско-орхонских тюрков на Тянь-Шане. СА, 1963, 4, стр. 158—166; Д. Ф. Винник. Тюркские памятники Таласской долины. Сб. «Археологические памятники Таласской долины». Фрунзе, 1963, стр. 88—89, 92—93; А. К. Абе-теков. Археологические памятники кочевых племен в западной части Чуйской долины. В кн.: Древняя и ранне-средневековая культура Киргизстана. Фрунзе, 1967, стр. 44—48.

⁴ Я. А. Шер. Каменные изваяния Семиречья. М.—Л., 1966, стр. 122, табл. XXVIII, 139, 140.

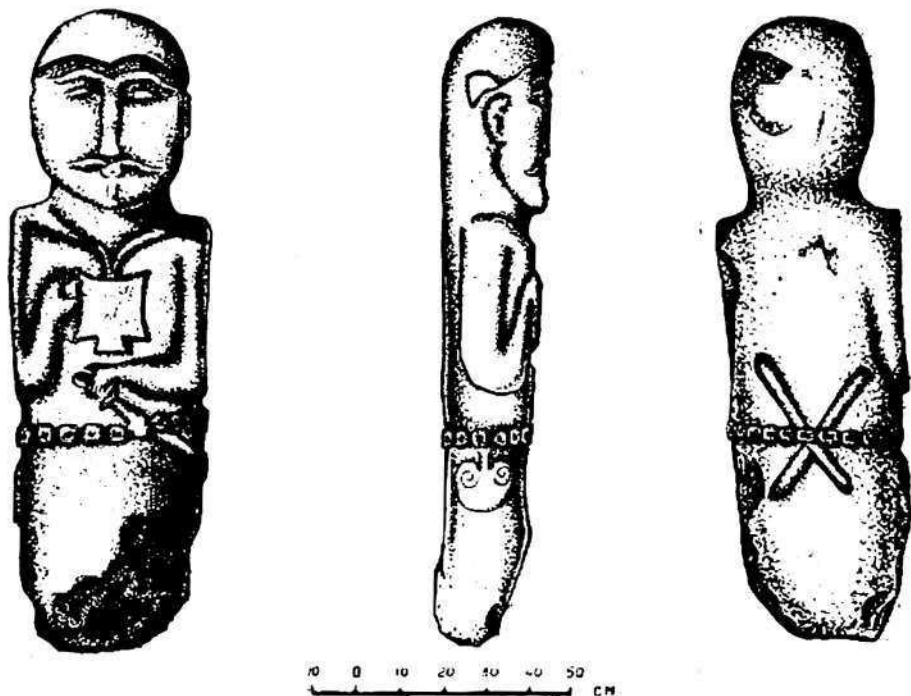

Рис. 37. Каменное изваяние 1.

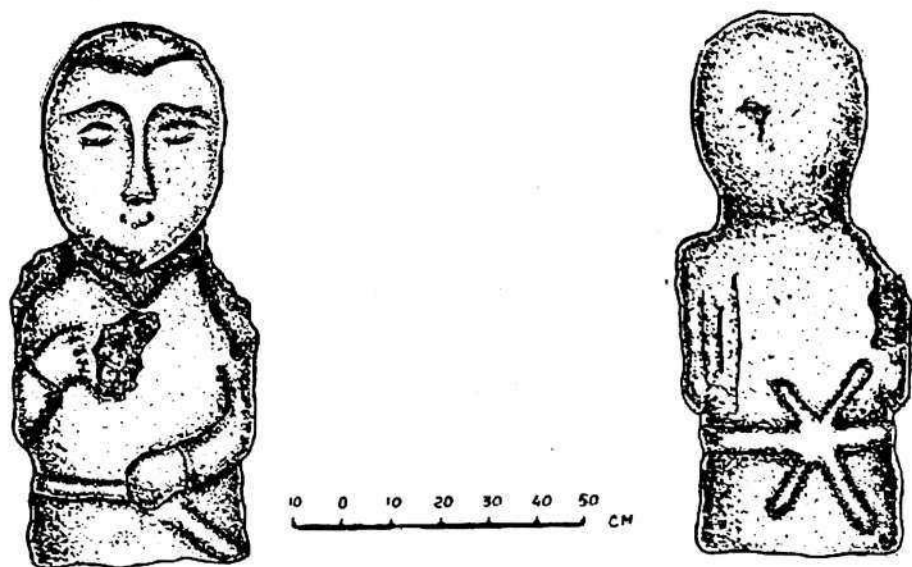

Рис. 38. Каменное изваяние 2.

плечи обрисованы четко. Головной убор с мысиком над переносицей и с загнутыми вверх наушниками. Правая рука согнута и держит перед грудью за петлевидную ручку кубок, судя по конфигурации, металлический. Левая рука согнута под прямым углом, кисть ее поконится на эфесе сабли, имеющей прямое перекрестие. Сабля заткнута за пояс, украшенный квадратными и подпрямоугольными накладками с прорезью посередине. На поясе справа (на боку) висит «каптаргак» (бляха?), орнаментированный спиралями. Сзади изображены два продолговатых предмета. Они заложены за пояс. Четко выделены отвороты кафтана. Техника исполнения точечная, детали достаточно рельефны.

Памятник хранится во дворе средней школы им. Боконбаева в с. Боконбаевском, а обнаружен на правом берегу р. Туура-Суу около старой мельницы (в 2 км севернее плотины).

2. Физический тип неясен (см. рис. 38). Голова выделена из монолита. Брови стилизованы. Над переносицей — мысик головного убора. Правая рука согнута в локте под острым углом, держит за ручку сосуд, форму которого уловить трудно из-за скола. Левая рука поконится на рукоятки холодного оружия. Одежда с ярко выраженными отворотами и манжетами, перетянута узким поясом. Сзади за поясом отмечены такие

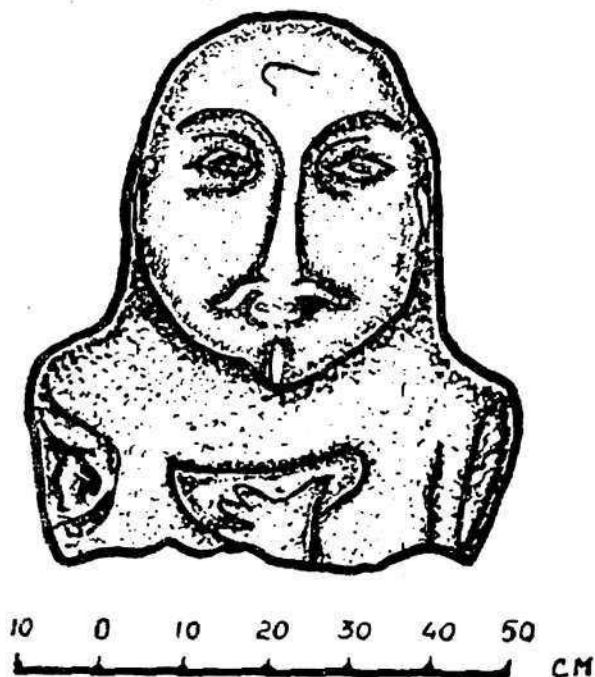

Рис. 39. Каменное изваяние 3.

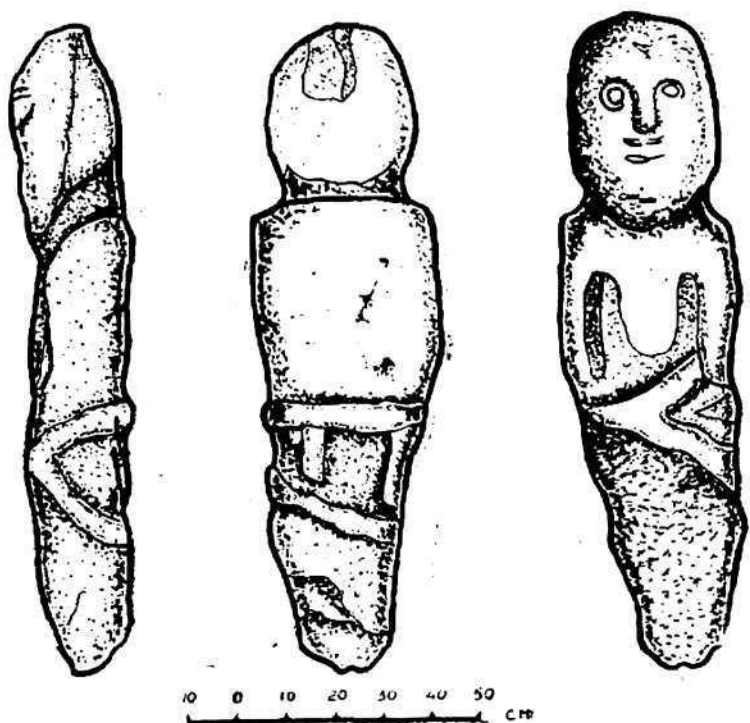

Рис. 40. Каменное изваяние 4.

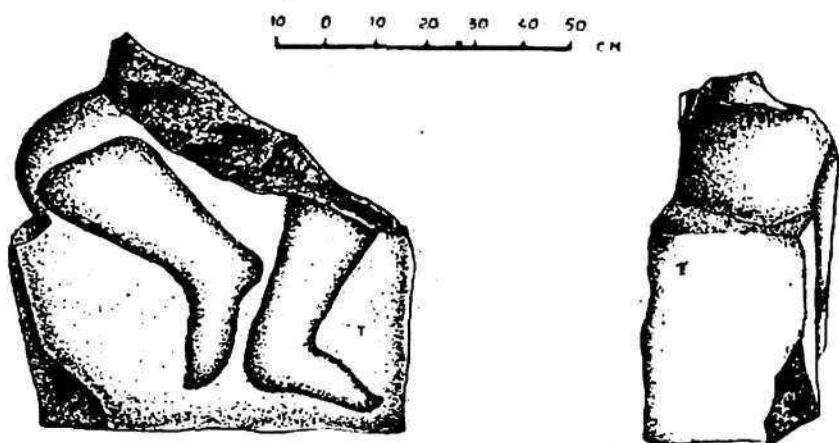

Рис. 41. Фрагмент каменного изваяния 6.

же продолговатые предметы, как и в предыдущем случае. По технике и манере исполнения, многим деталям данное изваяние близко к вышеописанному. Оно найдено на территории центральных развалин средневекового городища Хан-Дюбе и перенесено во двор школы с. Туура-Суу.

3. Лицо монголоидное (рис. 39). Так же, как и в предыдущих случаях, голова выделена из монолита. Неплохо проработаны шея и плечи. На лице изображены тонкие загнутые усы и борода. Слегка обозначены зрачки глаз. Эта деталь является особенностью данной фигуры. Изображаемый обычно в правой, здесь сосуд находится в левой руке — момент очень редкий. Скульптура подобрана в районе Тонского рыбзавода и хранится в средней школе с. Торт-Куль.

4. Черты лица и многие детали плохо различимы из-за эрозии поверхностного слоя (рис. 40). Шея и плечи обозначены хорошо. Талия перетянута поясом, с которого свисают два подпрямоугольных предмета. Слева на боку длинный меч (сабля?). Памятник найден на левом берегу р. Туура-Суу в 200—250 м к северу от плотины Торткульского водоема.

5. Тип лица монголоидный. Брови стилизованы. Шея и плечи проработаны слабо. В правой руке, согнутой в локте под прямым углом, поднят (видимо за ручку) кубок, аналогичный сосуду первого изваяния. Левая рука на поясе, который обозначен только впереди. Изваяние обнаружено на правом берегу р. Туура-Суу у старой мельницы.

6. Фигура изображена сидящей (рис. 41). Сохранился только пьедестал и ноги, согнутые «калачиком». Тщательно выполнены остроносые сапоги на мягкой подошве. Фрагмент подобран на левом берегу р. Туура-Суу и передан в школу с. Туура-Суу.

7. Голова отбита (рис. 42). В правой руке сосуд, очевидно, с вертикальной ручкой. Кисть левой руки, согнутой под прямым углом, лежит на животе. На плечи накинута верхняя длиннополая одежда без рукавов в виде мантии. У шеи обозначен овальный вырез нижнего платья. Торс обнаружен на правом берегу р. Туура-Суу у кладбища и хранится в школе с. Туура-Суу.

8. Сохранилась лишь голова изваяния с поврежденной верхней частью (рис. 43). Она принадлежала скульптуре, выполненной с большим мастерством. Среди известных памятников этого рода на Тянь-Шане ей трудно отыскать эталон. Физический тип неясен. Весьма тщательно исполнен головной убор типа малахая с высокой тульей. Над переносицей ясно виден острый мысик. Наушники стянуты на голове завязкой

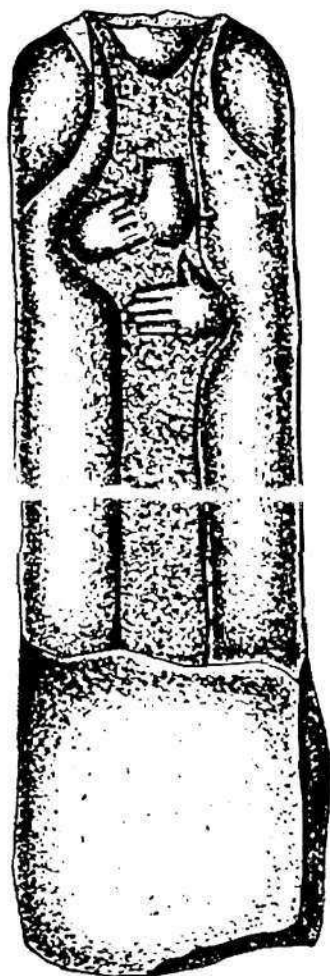

Рис. 42. Торс каменного изваяния 7.

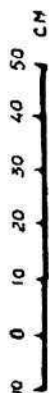

Рис. 43. Фрагменты каменного изваяния 8.

со свободно ниспадающими широкими концами. В ушах кольцевидные серьги. Зрачки глаз обозначены углублениями, все детали выполнены рельефно. Памятник находится в школе с. Туура-Суу¹. Найден на территории того же села.

Показательно то, что все изваяния долины р. Туура-Суу выполнены скульптурно. Четко выделены голова, шея, плечи.

¹ Пользуясь случаем, приносим искреннюю благодарность завучу школы с. Туура-Суу Д. Элебесову, который сохранил несколько каменных изваяний.

Детали, даже мелкие, даны рельефно. Особенностью скульптурных изображений следует считать характерные фигурные кубки (изв. 1 и 5), а также вставленные за пояс перекрещивающиеся продолговатые предметы (изв. 1 и 2). Аналогий им отыскать не удалось. Определенный интерес с точки зрения исторической этнографии представляют головные уборы типа малахая (изв. 1 и 8). Надо сказать, что среди 145 аналогичных памятников Семиречья, опубликованных Я. А. Шером, ни на одном нет подобного головного убора. В то же время они встречаются на изваяниях Алтая¹.

Представляется, что для описанных каменных изваяний можно предложить дату VI—VIII вв.²

Значительное же скопление памятников древнетюрского времени (в действительности их, несомненно, было больше) на сравнительно ограниченном пространстве позволяет заключить, что данный район был густо заселен тюрками в VI—IX вв.

---

¹ Л. А. Евтюхова: Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. МИА, 24. М., 1952, стр. 104, рис. 57.

² Я. А. Ш е р. Каменные изваяния..., стр. 38—40.

VII. О ЖЕНСКИХ КАМЕННЫХ ИЗВАЯНИЯХ ТЯНЬ-ШАНЯ И ИХ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Все известные каменные изваяния древнетюрского времени Южной Сибири и Монголии изображают мужчин. Особенностью подобных памятников в Семиречье является наличие женских скульптур. Последние были отмечены исследователями древностей еще во второй половине XIX — начале XX вв.¹ Принцип, по которому различались мужские и женские каменные изваяния, оставался, однако, неясным. В своей монографии Я. А. Шер выделил женские изваяния в особую группу. Критерием для дифференциации явилось наличие на отдельных экземплярах скульптур изображений некоторых признаков женского пола. Таких изваяний насчитывалось одиннадцать из ста сорока пяти изученных².

Есть основание полагать, что женских изваяний было больше. Дело в том, что пол сорока трех фигур, т. е. около 30% от общего числа, не был определен исследователем. Объединяющими чертами «бесполох» скульптур является отсутствие изображений растительности на лице и оружия. Осторожный подход Я. А. Шера к этому вопросу оправдан, так как отсутствие указанных признаков явно недостаточно для того, чтобы все «безусые» и «безбородые» изваяния были признаны женскими. Судя по скульптуре, лицо знаменитого Кюльтегина не имело никаких следов растительности³. Очевидно, для выделения женских скульптур нужны поиски дополнительных критериев. На наш взгляд, одним из них может быть различие в покрое мужской и женской одежды.

В Северной Киргизии на территории восточной части Чуйской долины, Малого Кемина, района озера Сон-Куль и глав-

¹ См.: Б. В. Лунин. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Ташкент, 1958, стр. 192—195.

² Я. А. Шер. Каменные изваяния Семиречья. М.—Л., 1966, стр. 26, 118—124; табл. XXV, 122, 123; табл. XXVI, XXVII, 134; табл. XXIX, 144, 145.

³ L. Jisl. Vyzkum Kulteeginova pamatniki v. Mongolské Lidove Republice. «Archeologické rozhledy», 1960, XII, 1, f. 49—51.

ным образом в Иссык-Кульской котловине были обнаружены каменные изваяния, которые, несмотря на различную степень сохранности и детализации, можно выделить в особую группу. Для них характерно изображение верхнего одеяния в виде мантии-накидки без рукавов. Группа насчитывает шесть изваяний. Из них голову двух венчает «трехрогий» убор. У остальных голова отбита или повреждена. Возможно, что к выделяемой группе следует отнести еще пять фигур с «трехрогими» головными уборами. Детали покроя одежды отсутствуют. Девять из отмеченных изваяний обнаружено и опубликовано Я. А. Шером, что избавляет нас от их описания¹. После изысканий этого автора были найдены еще две фигуры с вышеуказанными признаками.

1. Лицо монголоидное. Головной убор «трехрогий», нижняя часть его окантована, задняя — углом прикрывает шею и часть спины. За ушами из-под канта головного убора свисают широкие округлые снизу подвески. На шее рельефная полоска, обозначающая гривну, либо ворот нижнего платья. Ниже ее — гривна с подвеской (амулетом) в виде соединенных прямоугольника и ромба. Правая рука не прослеживается. Левая — согнута под прямым углом, манерно изогнутые пальцы, кисти прижаты к животу. Длиннополоый кафтан оторочен по полам и подолу, на груди широкие отвороты. В талии он стянут узким поясом. Правая пола кафтана наверху, рукав узкий. На левой поле украшение, представляющее собой ромб со свободно ниспадающими концами лент. Один из них с тремя зубцами. На плечи накинута мантия (плащ) без рукавов. Детали рельефны.

Найдена в 1967 г. в одном из ущелий Кунгей Ала-Тоо, севернее с. Долинка на Иссык-Куле. Хранится в средней школе № 10 г. Фрунзе.

2. Обнаружена в бассейне р. Туура-Суу на южном берегу озера Иссык-Куль².

Аналогии верхним одеяниям в виде мантии-накидки мы находим прежде всего в регионах Согда и Тохаристана. Терракотовые женские статуэтки кушанского времени из Афрасиаба изображены в мантиях, накинутых на плечи. Таких фигурок подавляющее большинство³. Следует отметить, что

¹ Я. А. Шер. Каменные изваяния..., табл. XVI, 67, 71; табл. XVII, 74; табл. XIX, 83; табл. XXI, 90; табл. XXII, 99, 103; табл. XXVIII, 139, 140.

² Описание ее см. в разделе «Древнетюркские памятники долины р. Тон» настоящего издания.

³ В. А. Мешкерис. Терракоты самаркандского музея. Л., 1962, стр. 23, рис. 4, 5; табл. III—V.

в одеяниях женщин. Тогда того времени нет однообразия. Встречаются костюмы иного покроя¹. Однако мантия без рукавов отсутствует на всех статуэтках, изображающих мужчин того же времени.

В мантии без рукавов одеты все женские персонажи росписей замка Балалык-тепе в Тохаристане. Сходство деталей их костюма с одеяниями изваяний выделяемой нами группы иногда превращается в тождество: полы накидок женских персонажей Балалык-тепе украшены свободно ниспадающими лентами², подобными выбитым на скульптуре, найденной в Кунгей Ала-Тоо. Заметим, что мужские персонажи росписей, в отличие от женских, одеты в кафтаны с рукавами. Это различие настолько устойчиво, что становилось решающим при определении пола фигур, если были повреждены или уничтожены другие признаки³. Живопись Балалык-тепе датируется V — началом VI вв.⁴ Следует отметить, что накидки женских персонажей, написанных на стенах этого замка, отличаются от таковых на каменных изваяниях наличием широкого треугольного отворота с правой стороны.

Резкое отличие женского платья-накидки от мужского с рукавами можно проследить и на серебряном блюде со «свадебной сценой». Мантия-накидка женщины также имеет правосторонний лацкан⁵.

В VI — начале VIII вв. богатые мантии-накидки с двусторонними отворотами надевали женщины Пянджикента. Они четко видны в сцене помещения № 8. Возможно, такая же мантия была накидана на плечи арфистки⁶. Женщины Пянджикента наряжались в платья разного покроя, но не было случая, чтобы в плаще-накидке был изображен мужчина.

Единственную аналогию интересующему нас покрою верхнего платья на каменных изваяниях территории восточнее Тянь-Шаня находим на известном кудыргинском валуне из Алтая со сценой коленопреклонения. Центральные фигуры сцены — женщина и ребенок — одеты в мантии-накидки. Го-

¹ Там же, стр. 24.

² Л. И. Альбаум. Балалык-тепе. Ташкент, 1960, рис. 97—102.

³ Сопоставление мужских персонажей монументальной живописи Балалык-тепе с каменными изваяниями Киргизии было сделано Л. И. Альбаумом (Л. И. Альбаум. Балалык-тепе, стр. 190—196; его же. Об этнической принадлежности некоторых «балбалов». КСИИМК, 80. М.—Л., 1960). По мнению Я. А. Шера, оно неудачно. (Я. А. Шер. Каменные изваяния..., стр. 68—69.

⁴ Л. И. Альбаум. Балалык-тепе, стр. 209—215.

⁵ Там же, стр. 177, рис. 131.

⁶ Скульптура и живопись древнего Пянджикента. М., 1959, табл. IX, X, XIX.

лову женщины, как и на некоторых киргизских изваяниях, венчает «трехрогая тиара». Этот памятник датируется первой четвертью VII в.¹

Итак, на территории Согда и Тохаристана в I—VIII вв. бытовала специфическая женская верхняя одежда в виде мантии-накидки без рукавов. Этим она резко отличалась от мужского одеяния с рукавами. На мужском верхнем платье, если оно и изображалось накинутым на плечи, обязательно обозначались рукава или их имитация². В Киргизии и на Алтае изображение накидки без рукавов появляется на памятниках, начиная с VI в. Здесь оно сочетается с «трехрогим головным убором, который в средневековье носили, видимо, только женщины. Уместно вспомнить, что в тюменском музее хранится миниатюрный удлинненный камень, на котором, судя по очертаниям, изображена женщина в «трехрогой» короне³. Такой же убор стал решающим при трактовке поклоняющейся фигуры как женской на кудыргинском валуне⁴.

Таким образом, мы имеем некоторые основания считать каменные изваяния Северной Киргизии, на которых нет изображений признаков мужского пола и оружия, но одетых в мантию-накидку без рукавов или увенчанных «трехрогим» головным убором, женскими скульптурами. Наличие женских изваяний является еще одним доводом против гипотезы, что каменные скульптуры древнетюркского времени изображают врагов тюрков.

Едва ли есть возможность с убедительностью определить этническую принадлежность женских изваяний в мантиях-накидках. Но постановка этого вопроса кажется нам уже правомерной.

Большинство исследователей, изучавших каменные скульптуры древнетюркского времени (Семиречья, Южной Сибири и Монголии), справедливо считают их основную массу изображениями алтайско-орхонских тюрков. Однако в исторической науке предпринимались более или менее успешные и с разными целями попытки выделить из множества памятников этого рода изображения представителей других племен и народов. В специальной литературе применительно к каменным изваяниям фигурируют многие этнонимы, в частности,

---

¹ А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.—Л., 1965, стр. 18—21, табл. VI.

² Л. Р. Кызласов. История Тувы в средние века. Изд. МГУ, 1969, стр. 31, рис. 6.

³ Я. А. Шер. Каменные изваяния..., стр. 60, рис. 18.

⁴ А. А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ..., стр. 20.

тюргеши, уйгуры, кыргыз-хягасы, люди «входившие в эфталитское политическое объединение», и другие¹.

Известно, что фасон и покрой одежды является важным этническим признаком. Было бы заманчиво на основании сравнения с фресками Балалык-тепе сделать вывод, что выделенные нами женские изваяния изображают представительниц, если не эфталитов, то племен, входивших в их державу. Для этого имеется, казалось бы, много данных. Источники отмечают некоторые детали костюма эфталитских женщин. В разделе об эфталитах Бейши повествует: «Братья имеют одну жену. Жена мужа, не имеющего братьев, т. е. одномужняя, носит шляпу с одним углом; многомужняя же умножает число углов по числу братьев; на одеяние нашивает такое же число кистей»². Подобное сообщение с некоторыми сокращениями находим и в Суйшу³.

Путешественник VII в., побывавший в областях, занятых эфталитами, отмечал, что эфталитские женщины носят головные уборы, увенчанные деревянными рогами. Последние будто бы символизируют их свекра и свекровь⁴.

Таким образом, не касаясь вопроса семейно-брачных отношений в эфталитской среде, укажем лишь на наличие женских «рогатых» головных уборов и кистей на одеяниях. Возможно, что кисти, нашитые на женские платья, о которых упоминают источники, были близки к лентам или кистям женских персонажей Балалык-тепе и Тянь-Шаня. На фресках Балалык-тепе головные уборы отсутствуют вообще. Едва ли отмеченные в источниках женские шапки походили на «трехрогие» уборы, выбитые на каменных изваяниях Тянь-Шаня, ибо первые могли иметь самое различное число «рогов».

Это и упомянутые различия в покроях мантий-накидок из Балалык-тепе и Киргизии вынуждают отказаться от заключения, что интересующая нас группа изваяний изображает эфталитских женщин. Не следует забывать и то, что прямые аналогии тянь-шаньским мантиям мы находим в Кушанской терракоте. Кушанские женские фигурки в мантиях и с трилистником в левой руке настолько схожи с каменными

¹ Л. И. Евтухова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. МИА, 24. М.—Л., 1952, стр. 117. Л. Р. Кызласов. История Тувы..... стр. 82; А. Д. Грач. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961, стр. 79; Л. И. Альбаум. Балалык-тепе, стр. 196; Я. А. Шер. Каменные изваяния....., стр. 64.

² Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л., 1960, стр. 268.

³ Там же, стр. 286.

⁴ А. М. Мандельштам. Материалы к историко-географическому обзору Памира и Припамирских областей. Душанбе, 1957, стр. 110—111.

изваяниями из с. Талды-Су на Иссык-Куле, что, несмотря на разрыв по утвердившимся ныне датировкам и полтысячи лет, напрашивается мысль о прямой семантической связи между ними. Этот вопрос требует специального исследования. Тем не менее уместно предположить, что группа каменных изваяний в мантиях может изображать представительниц племен, входивших в эфталитское политическое объединение. В нем было много различных этнических групп. Кроме эфталитов источники называют хионитов, кидаритов, «белых гуннов» и др.¹ Как установил Я. Харматта, одна из групп хионитов — кермихиониты — входили в западно-тюркское объединение нушиби и обитали на территории Чуйской долины². В это же время в Иссык-Кульской котловине и Чуйской долине кочевали огузы³. Допустимо предположить, что они вместе с кермихионитами входили в эфталитское политическое объединение в конце V — начале VI вв. Источники умалчивают о покрое одежд огузских женщин в это время. Но позже, в IX—XIII вв., когда огузы были вытеснены в казахские степи, их женщины одевали накидку без рукавов⁴.

В этом плане весьма интересную деталь привел Константин Багрянородный, который отмечал длительную и упорную борьбу между огузами и печенегами. В итоге ее победили первые. Большая часть печенегов откочевала в Причерноморье, другая — осталась жить среди огузов. Оставшиеся были подвергнуты унижительной процедуре: их одежда была укорочена по колено, и рукава отрезаны до плеч⁵. Этим актом огузы, видимо, желали нанести оскорбление повергнутым печенежским алпам, ибо теперь их кафтаны стали походять на верхнюю одежду огузских матрон. Заслуживает внимания факт, что кроме Семиречья, для которого женские каменные изваяния характерны, одна женская скульптура древнетюркского времени была найдена в Западном Казахстане, т. е. в месте нового расселения огузов⁶.

---

¹ См.: К. В. Тревер. Кушаны, хиониты и эфталиты по армянским источникам IV—VII вв. СА, XXI. М., 1954; R. Chirshman. Les Chionites-Heptalites, Le Caire, 1948; Б. И. Маршак. К вопросу о восточных противниках Ирана в V в., СНВ, вып. X. М., 1971, и др.

² J. Harmatta. Byzantinoturcika, — «Acta Antiqua», X. Budapest, 1962, s. 141—142.

³ А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хаши хивинского. М.—Л., 1958, стр. 39.

⁴ С. Г. Агаджанов. Огузские племена Средней Азии IX—XIII вв. (историко-этнографический очерк). СНВ, вып. X. М., 1971, стр. 189.

⁵ Сочинение Константина Багрянородного, перев. Г. Л. Ласкина. М., 1899, стр. 141.

⁶ Я. А. Шер. Каменные изваяния..., стр. 120, табл. XXVI, 128.

В порядке первого приближения к определению этнической принадлежности некоторых древнетюркских каменных изваяний можно высказать предположение, что женские изваяния, на которых выбиты одежды без рукавов в виде мантии-накидки, могли изображать представительниц племен, обитавших на территории Тянь-Шаня еще до образования каганата алтайско-орхонских тюрков и впоследствии вошедших в упомянутый каганат. Не исключено, что прототипами этих изваяний были женщины огузских племен. Вопросы, поставленные в статье, далеки от окончательного решения и требуют дополнительных исследований.

VIII. НЕКРОПОЛИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ТОНА И ГОРОДИЩА БЕЙШЕКЕ

Во время археологического надзора на строительстве Торткульского водоема было вскрыто около 70 средневековых погребений. Все они представляют собой лишь небольшую часть кладбища, расположенного примерно в 700 м к северу от цитадели городища Кан-Дюбе (за пределами второго кольца мощных крепостных стен).

Конструктивно расчищенные погребения не были одинаковыми. Довольно четко среди них можно выделить по крайней мере два типа: I — сырцовые склепы, II — могильные ямы с бревенчатым перекрытием. Среди раскопанных могил около 90% приходилось на склепы, которые имели плоские и двускатные перекрытия.

Тип II по многим признакам отличается от типа I. Как правило, это могильная яма глубиной несколько более полуметра, со стенками, обмазанными глиной. Камера перекрыта поперечным бревенчатым настилом толщиной около 10 см.

Оба типа могильных сооружений зафиксированы в пределах одного кладбища. Поэтому их, видимо, следует считать синхронными.

На поверхности некоторые могилы отмечены четырехугольными оградками (размер около 2×2 м) из валунов. Может быть первоначально оградки имели все погребения или большинство их, являясь остатками мавзолеев либо имитацией последних. Захоронения в пределах кладбища были расположены рядами. Сами склепы в зависимости, главным образом, от возраста погребенного были различной высоты: от 20 см до 1 м. Кладка кирпичей произведена без раствора.

Для восстановления погребального обряда кроме конструкции могильных сооружений большое значение имеют следующие признаки. Расчищенные могилы характеризуются северной ориентацией. Костяки лежат в однообразных позах — на спине, в вытянутом положении, лицом вверх, к западу и редко к востоку. Руки вытянуты вдоль туловища, часто согнуты в локтях, а кисти сложены на груди у шеи, одна выше, другая—ниже. В ходе раскопок удалось выяснить, что мо-

гильные сооружения принадлежали взрослым и несколько—детям.

При вскрытии кладбища городища Кан-Дюбе встречались случаи частичной мумификации. Так, в погребении 15 в сырцовом ящике костяк лежал на спине в вытянутом положении, головой на север с поворотом влево на 15°. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая — согнута в локте и лежит в области живота. Здесь также отмечается частичная мумификация. Сохранились остатки одежды почти повсеместно и под ними — кожа. Одежда — покрывало, состоящее из шелковой одноличной ткани с набойкой (рис. 46)¹. Основа — шелковая пряжа без крутки, неравномерная, по толщине 22—24 пр/см, уток из основы 18—20 пр/см, плотность — 22—24×18—20 пр/см, переплетение — полотняное. Из-за неравномерности пряжи по толщине и слоев плотности по утку ткань приобрела полосатый вид. Набойка выполнена зеленой краской по красному фону. Узор растительного характера.

В 1969 г. на городище Бейшеке (Таласская долина неподалеку от одноименного села) были осуществлены раскопки средневекового некрополя. Здесь было вскрыто 32 захоронения, которые по конструкции, ориентации погребенных напоминают вышеописанные. Они включают два типа: I — погребения в сырцовом ящике-склепе; II — захоронения в грунтовой яме. Ориентация погребенных в абсолютном большинстве выдержана головой на северо-запад.

Типологически вскрытые погребения аналогичны синхронным могилам, раскопанным в различных районах Киргизии².

Ниже дана краткая справка добытого во время раскопок антропологического материала. Изучено 59 черепов удовлетворительной сохранности из Кан-Дюбе и 26 — из Бейшеке. Палеоантропология Киргизии занимает важное место в трудах советских антропологов. В их работах содержится большой фактический материал, на основании которого установлено, что антропологический состав киргизского народа складывается в результате смешения более древнего европеоидного

---

¹ Анализ сделан ст. научным сотрудником Института художественной промышленности Н. Т. Климовой.

² А. Н. Бернштам. Чуйская долина. Тр. Семиреченской археологической экспедиции. МИА СССР, № 14. М.—Л., 1951, стр. 34—35; П. Н. Кожемяко. Раскопки жилищ горожан X—XII вв. на Краснореченском городище. В сб.: Древняя и ранне-средневековая культура Киргизстана. Фрунзе, 1967, стр. 82; М. А. Бубнова. Средневековые мастерские рабада. (По материалам Орловского городища). Изв. АН Киргиз. ССР, серия обществ. наук, т. I, вып. 1, стр. 50—52, рис. 1.

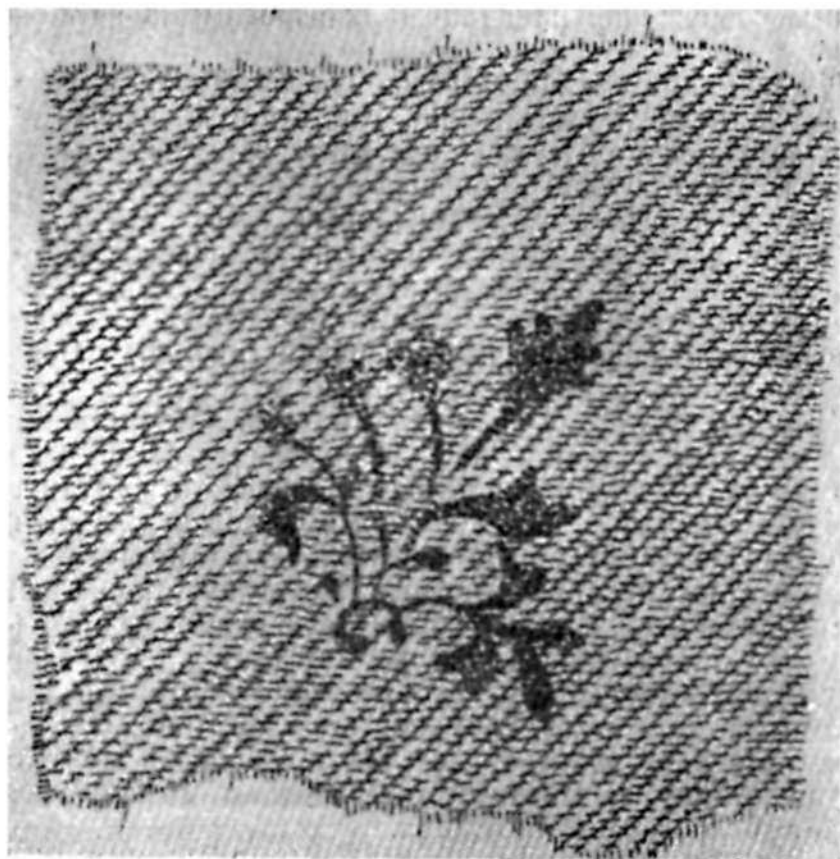

Рис. 44. Ткань из погребения 15.

населения с пришлыми монголоидными племенами центральноазиатского происхождения¹.

Могильники на Кан-Дюбе и Бейшеке не раскопаны полностью. Раскоп охватывает лишь незначительную часть

¹ Г. Ф. Дебец. Проблема происхождения киргизского народа в свете антропологических данных. Тр. КАЭЭ, т. I, М., 1956, стр. 3—18; Н. Н. Миклашевская. Соматологические исследования в Киргизии в свете антропологических данных. Там же, стр. 18—61; И. М. Золотарева. Соматологические исследования в Ферганской долине. Там же, стр. 62—84; В. В. Гинзбург. Материалы к антропологии древнего населения Ферганской долины. Там же, стр. 85—102; В. П. Алексеев. Хакасы, енисейские киргизы, киргизы (сравнительно-краниологический очерк). Там же, стр. 103—135; Н. Н. Миклашевская. Краниология киргизов. Тр. КАЭЭ, т. II, М., 1959, стр. 266—294; е е же. Результаты палеоантропологических исследований в Киргизии. Там же, стр. 295—331; е е же. К вопросу об удельном весе центральноазиатского элемента в образовании антропологического типа киргизов. Там же, стр. 370—381; См. также: Материалы научной сессии по этногенезу киргизского народа (ноябрь 1956 г.). Тр. КАЭЭ, т. III, Фрунзе, 1960.

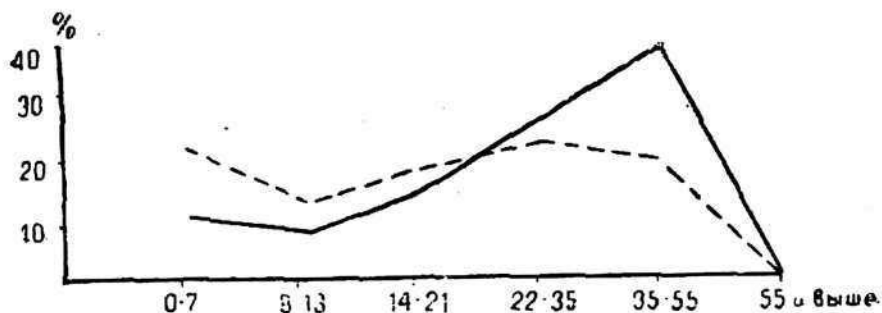

Рис. 45. Распределение погребений по возрасту (в годах).

площади могильника. Несмотря на это, все-таки целесообразно опубликовать приблизительные сведения палеодемографического характера¹ или средневекового населения изучаемых памятников.

Здесь учтен весь без исключения костный материал, в том числе и плохо сохранившиеся детские скелеты. Пол и возраст погребенных определялись на основании всего скелета, а иногда только по черепу. Расчет среднего возраста производился в соответствии с общепринятой градацией: детский I (до 7 лет), детский II (до 12—13 лет), юношеский (до 20—21 года), возмужалый (до 35 лет), зрелый (до 55 лет) и старческий (55 лет и выше).

На рис. 45 приводится распределение погребений по возрасту на кан-дубинском и бейшекинском некрополях.

Средняя продолжительность жизни средневекового населения Кан-Дюбе в целом исчисляется 26,7 годами, а Бейшеке — 22,3. В. П. Алексеев, рассматривая продолжительность жизни древнего населения на территории СССР, полагает, что в средние века она была немногим больше 20 лет². Близкая цифра получена на Кан-Дюбе и Бейшеке.

Средняя продолжительность жизни взрослого населения в соответствии с полом такова:

Кан-Дюбе — мужчины — 34,9 (28 костяков).
 женщины — 31,5 (13)

¹ В. П. Алексеев. Палеодемография СССР. СА, № 1, стр. 3—21. М. С. Великанова. Антропологический материал из Выхватинского могильника. В кн.: Т. С. Пассек. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья. МИА, № 84, 1961, стр. 210—226. В. П. Алексеев, И. И. Гохман. Палеоантропологические материалы гунно-сарматского времени из могильника Кокзель. Тр. ТКАЭЭ, т. III. Л., 1970, стр. 239—297; А. Г. Козинцев. Демография тагарских могильников. СЭ, 1971, № 6, стр. 148—152.

² В. П. Алексеев. Палеодемография СССР, стр. 19.

Индивидуальные размеры и указатели

Признаки	Погребение				
	11	14	16	20	25
	Mat.	Ad.	Ad.	Mat.	Mat.
	1	2	3	4	5
1 Продольный диаметр	168	165	169	168	164
8 Поперечный диаметр	145	134	147	148	137
17 Высотный диаметр (ba—br)	128	132	128	131	130
5 Длина основания черепа	97	101	99	92	100
9 Наименьшая ширина лба	94	86	92	95	95
10 Наибольшая ширина лба	120	114	127	124	122
11 Ширина основания черепа	121	123	130	122	117
12 Ширина затылка	109	113	110	113	102
24 Поперечная дуга (po—br—po)	310	299	322	330?	305
45 Скуловой диаметр	125	131	132	124?	127
40 Длина основания лица	95	101	96	87	92
48 Верхняя высота лица	78	70	76	78?	71
47 Полная высота лица	126	116	121	126	115
43 Верхняя ширина лица	101	98	102	103	103
46 Средняя ширина лица	94	93	95	91	96
55 Высота носа	55	51	57	55	53
54 Ширина носа	25	27	25,5	26	27
51 Ширина орбиты (mf)	41	40	43	42	42
51a Ширина орбиты (d)	38	38	40	39?	39
52 Высота орбиты	36	33	36	38	35
77 Назомаллярный угол	144	144	143	153	145
<Zm Зигмаксиллярный угол	123	125	126	136	135
Sc Симотическая ширина	7,6	8,5	8,9	7,7	11
SS Симотическая высота	4,1	2,9	3,7	2,6	5,5
DC Дакриальная ширина	19	17	21	—	21
DS Дакриальная высота	12	8,5	9	—	11,5
Глубина клыковой ямки в мм	3,9	3,8	5,2	4,2	5,0
Высота изгиба скуловой кости (по Vu)	11	8	9	13	9,5
Ширина скуловой кости (по Vu)	50	47	49	48	48
32 Угол профиля лба (n—m)	79	84	80	87	87
Угол профиля лба (gl—m)	70	80	79	82	85
72 Общий угол лица	83	80	86	87	83
73 Средний угол лица	86	85	89	89	86
74 Угол альвеолярной части	71	68	74	78	75
75 Угол наклона носовых костей	64	58	56	63	55
75 (1) Угол выступания носа	19	22	30	24	28
Вертикальная форма черепной коробки	сфер.	эллипс	сфер.	сфер.	сфер.
Надпереносье (1—6)	3	2	2	2	1
Надбровные дуги (1—3)	2	1	1	1	1
Наружный затылочный бугор (0—5)	1	1	1	1	1
Сосцевидный отросток (1—3)	1	2	2	2	2
Нижний край грушевидного отверстия	Ant.	Ant.	Ant.	Ant.	F. pr
Передне-носовая ость (1—5)	2	3	—	2	4

женских черепов на Кан-Дюбе, мм

29 Ad.	33 Mat.	35 Mat.	37 Ad.	38 Ad.	39 Ad.	55 Ad.	57 Mat.	M(n)	
6	7	8	9	10	11	12	13	14	
178	169	173	—	—	159	171	171	168,6	(11)
137	146	145	—	—	138	141	151	142,6	(11)
129	130	130	—	125	129	126	130	129,0	(12)
101	95	89	—	93	90	99	96	96,8	(12)
99	98	88	97	96	95	98	95	94,4	(13)
116	123	123	119	119?	118	124	126	121,2	(12)
120	125	123	—	—	120	126	134	123,7	(11)
108	122	106	—	—	98	112	105	108,9	(11)
313	320	324	—	—	312	318	326	316,3	(11)
124	132	123	128	127	127	133	133	128,1	(13)
98	87	88	—	96	90	100	88?	93,1	(12)
72	77	70?	72	65	66	71	69+4	72,2	(13)
116	121?	—	117	107	—	113	—	117,8	(10)
105	104	101	—	104	99	109	107	103,0	(12)
90	97	93	—	95	95	98	97	94,9	(11)
53	54	50	53	47	45	52	53	52,1	(13)
24,5	27,5	21	24	26	23	28	25	25,3	(13)
42	43	42	41	41	41	45	43	42,0	(13)
36,5	39	39	38	37,5	37	41	40	38,6	(13)
33	35,5	35	35	30	32	35	35	34,5	(13)
139	139	152	140	147	153	146	150	145,8	(13)
128	129	133	131	135	143	130	135	131,5	(13)
9,6	7,6	3,8	8,5	13	8	8,5	6,5	8,4	(13)
6,1	3,9	3	4,6	3,8	3	3,9	4,6	4,0	(13)
19	22	145	19	24	20	24	21	20,1	(12)
11	12	8,3	10,7	10,5	8	10,5	9	10,1	(12)
4,0	4,6	3,2	4,2	4,0	3,0	2,8	3,2	3,9	(13)
11,5	10	12	11,5	11,5	8	10	14	10,7	(13)
50	51	46	54	50	46	49	59	50,0	(13)
86	82	91	89	—	90	81	85	85,8	(12)
84	80	83	85	—	85	74	78	80,4	(12)
86	85	86	88	—	80	82	90	84,6	(12)
89	90	89	92	—	88	85	88	87,8	(12)
76	68	74	70	—	63	74	89	70,0	(12)
56	57	67	72	—	70	53	65	61,3	(12)
30	28	19	16	16	10	29	25	22,8	(13)
эллипс	сфер.	сфер.	сфер.	—	овоид.	сфер.	сфер.	—	(13)
2	1	2	2	2	1	2	2	1,8С	(13)
1	1	1	1	1	1	1	1	1,0E	(12)
1	1	3	1	1	1	1	1	1,17	(13)
2	2	1	2	2	2	2	1	1,77	(11)
Ant.	F. pr.	Ant.	Ant.	F. pr.	F. pr.	F. pr.	Ant.	—	(11)
3	—	2	2	2	1	2	2	2,27	(11)

	1	2	3	4	5
Указатели:					
8:1 Черепной	86,3	81,2	87,6	88,0	83,6
17:1 Высотно-продольный	76,2	80,0	75,7	78,0	79,3
17:8 Высотно-поперечный	88,3	98,4	87,1	89,5	94,7
9:8 Лобно-поперечный	64,8	64,2	62,6	64,2	69,3
48:45 Верхне-лицевой	62,9	53,5	57,5	62,8 ²	55,9
48:17 Вертикальный кранофациальный	60,9	53,1	59,4	59,5 ²	54,6
54:55 Носовой	45,7	53,1	44,8	47,4	51,1
52:51 Орбитный (mf)	87,9	82,5	83,7	90,4	83,5
52:51a Орбитный (d)	94,9	86,9	90,0	97,5 ²	89,8
SS:SC Симотический	53,8	34,3	41,6	33,8	50,0
DS:ДС Дакриальный	63,2	50,0	42,8	—	54,8
Скуловой кости (по Vu)	22,0	17,0	18,3	27,1	19,3

Бейшеке — мужчины — 34,0 (7)
женщины — 30,9 (7)

На Кан-Дюбе и Бейшеке мужчины долговечнее женщин. Долгожительство мужчин наблюдается, начиная с эпохи мезолита и кончая средневековьем¹.

На кан-дюбинском могильнике обнаружено 13 детских скелетов, что составляет 21,9% от взрослого населения. На Бейшеке уровень детской смертности равен 38,5% (10 костяков). Столь большая разница в показателях средней продолжительности жизни и уровня детской смертности между двумя изучаемыми могильниками, видимо, объясняется тем, что на Бейшеке на одном из участков раскопа была вскрыта могильная яма, в которой были погребены только дети².

Кратко рассмотрим морфологические и расоводиагностические особенности изучаемых серий (табл. 1—3).

Серии черепов из Кан-Дюбе и Бейшеке характеризуются малым продольным, средним высотным и большим поперечным диаметрами черепной коробки. По черепному указателю они брахикранные, преобладают укороченные формы (сфероидная и сфеноидная). Наименьшая ширина лба—средняя. Лоб слабонаклонный, со среднеразвитыми надпереносьем и надбровными дугами. Скуловый диаметр в сериях—средний. Верхнелицевой диаметр у черепов из Кан-Дюбе большой, а из Бейшеке — средний, по верхнему лицевому указателю первые лептопрозопные, последние — мезопрозопные. Орбиты средневысокие и среднеширокие по абсолютным размерам,

¹ В. П. Алексеев, Палеодемография СССР, стр. 20.

² Исключение составляет обнаруженная в этой же яме нижняя челюсть, принадлежащая мужчине зрелого возраста.

6	7	8	9	10	11	12	13	14	
77,0	86,4	83,8	—	—	86,8	82,5	88,3	84,7	(11)
72,5	77,0	75,2	—	—	81,0	73,6	76,0	76,8	(11)
94,2	88,8	89,5	—	—	93,5	89,2	85,9	90,8	(11)
72,3	67,2	60,7	—	—	68,9	69,5	62,9	66,0	(11)
58,0	58,4	57,0?	56,3	51,2	52,0	53,4	54,9	56,4	(13)
55,7	59,2	53,9?	—	52,0	51,2	56,3	56,1	56,0	(12)
46,3	50,9	42,2	45,3	55,3	51,3	53,8	47,4	48,8	(13)
78,5	82,7	83,5	85,4	73,1	78,0	77,8	81,5	82,2	(13)
90,3	91,1	89,8	92,1	80,0	86,4	85,4	87,5	89,4	(13)
67,0	51,3	79,0	54,1	29,2	37,5	45,8	70,8	49,8	(13)
57,9	54,5	57,2	56,3	43,8	40,0	43,8	42,8	50,6	(12)
27,1	19,7	26,1	21,3	23,0	18,3	20,4	23,7	21,7	(13)

мезоконхные по указателям. Ширина носа средняя, по указателю — мезоринная. Изучаемые серии по общему углу лица ортогнатные, намечается некоторая прогнатность по альвеолярному углу.

Размеры назомалярного угла в кан-дюбинской серии средние, а в бейшекинской — малые. Зигомаксиллярный угол в обеих сериях средний. Угол выступания носа в кан-дюбинской серии средний, а в бейшекинской довольно значительный. Симотическая высота в кан-дюбинской серии выше средней величины, а в бейшекинской — большая. Дакриальная высота и указатель в сериях — средние.

Итак, антропологическая характеристика серий черепов свидетельствует о том, что население, оставившее могильники кан-Дюбе и Бейшеке, по своему расовому типу относилось к европеоидам с примесью монголоидных элементов. Однако монголоидные особенности¹ на черепах из Кан Дюбе выражены больше, чем на черепах из Бейшеке (табл. 4).

Средневековое поселение Бейшеке стоит ближе к заведомо европеоидным группам. Оно занимает промежуточное положение между современными узбеками² и ранними тюрками Казахстана³. А население Кан-Дюбе — между ранними тюр-

¹ В. П. Алексеев. Краниологические материалы к проблеме происхождения восточных латышей. СЭ, 1961, № 6, стр. 35; его же. Происхождение народов Восточной Европы. (Краниологическое исследование), М., 1969, стр. 78—80.

² В. В. Гинзбург. Краниологическая характеристика узбеков. «Антропологический сборник», IV. Тр. Ин-та этнографии, т. 82, М., 1963, стр. 45.

³ О. Исматулов. Материалы по антропологии тюрков Семиречья. В сб.: Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968; его же. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. Алма-Ата. 1970, стр. 58—62.

Индивидуальные размеры и указатели черепов из могильника Бейшеке, м.м

Признаки	Погребение	Мужчины				Женщины				
		18	20	14	19	15	25	24	34	26
		Ad.	Ad.	Ad.	Mat.	Ad.	Ad.	Mat.	Mat.	Ad.
		1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Продольный диаметр	176	—	177	175	169	172	—	—	—
8	Поперечный диаметр	161	—	139	148	143	137	—	—	—
17	Высотный диаметр (ba—br)	145	—	133	137	—	133	133	—	137
5	Длина основания черепа	105	—	104	100	—	99	96	—	—
9	Наименьшая ширина лба	103	—	92	95	90	95	91	95	—
10	Наибольшая ширина лба	127	—	117	120	114	118	111	—	—
11	Ширина основания черепа	137	—	127	135	—	124	132	—	—
12	Ширина затылка	111	—	103	111	—	102	—	—	—
24	Поперечная дуга (po—br—po)	340	—	300	315	—	303	307	—	—
45	Скуловой диаметр	—	134	136	140	120?	128	136	—	130?
40	Длина основания лица	—	—	98	94	—	96	95	—	—
48	Верхняя высота лица	70	78	72	73	65	67	74	69	67
47	Полная высота лица	116	130	120	117	110	111	116	—	—
43	Верхняя ширина лица	111	111	—	106	98	103	100	—	—
46	Средняя ширина лица	—	102	—	99	91	93	96	—	—
55	Высота носа	48	54	51	51	48	48	50	52	—
54	Ширина носа	23	26	28	24	26,5	25	26	24,5	—

51	Ширина орбиты (mf)	—	43	42	42	39	41,5	41	42	—
51a	Ширина орбиты (d)	—	40	37	39	35	38,5	37	39,5	—
52	Высота орбиты	—	35	33	34	29	30	32	36	—
77	Изаомаллярный угол	—	134	136	144	135	141	139	—	—
	Зигомаксиллярный угол	—	126	132	136	130?	132	131	—	—
	Симотическая ширина	10,5	12	8,5	8	8	9	11?	8	—
	Симотическая высота	5,7	5	4,8	5,4	3,5	2,2	4?	4,1	—
	Дакриальная ширина	22	23,5	24	22,3	22	21,5	22	—	—
	Дакриальная высота	14	12	11,5	13	10	7	12	—	—
	Глубина клыковой ямки в мм	—	1,8	1,9	7,7	5,8	5,1	6,0	—	—
	Высота изгиба скуловой кости (по Ву)	—	12	9	9	—	8,5	9	—	—
	Ширина скуловой кости (по Ву)	—	58	60	52	—	53	56	—	—
32	Угол профиля лба (n—m)	—	—	77	78	—	90	79	—	—
	Угол профиля лба (gl—m)	—	—	69	72	—	85	72	—	—
72	Общий угол лица	—	—	83	82	—	82	85	—	—
73	Средний угол лица	—	—	86	85	—	84	87	—	—
74	Угол альвеолярной части	—	—	68	71	—	72	76	—	—
75	Угол наклона носовых костей	—	—	63	52	—	65	59	—	—
75	(1) Угол выступления носа	31?	31	20	30	—	17	26	28	—
	Вертикальная форма черепной коробки	сфер.	—	овоид.	овоид.	ромб.	эл-липс.	сфер.	—	сфер.
	Надпереносье (1—6)	4	4	4	4	2	2	3	2	2
	Надбровные дуги (1—3)	3	3	3	2	2	1	2	1	2
	Наружный затылочный бугор (0—5)	4	4	1	4	1	1	—	3	—
	Сосцевидный отросток (1—3)	3	3	2	3	—	1	1	1	1

Продолжение таблицы 3

		1	2	3	4	5	6	7	8	9
Нижний край грушевидного отверстия		Ant.	F. pr.	F. pr.	Ant.	F. pr.	F. pr.	F. pr.	Ant.	Ant.
Передне-носовая ось (1—5)		3	3	3	4	1	2	3	3	2
Указатели:										
8:1	Черепной	91,5	—	78,6	84,5	84,6	79,6	—	—	—
17:1	Высотно-продольный	82,4	—	75,1	78,3	—	77,4	—	—	—
17:8	Высотно-поперечный	90,0	—	95,5	92,7	—	97,0	—	—	—
9:8	Лобно-поперечный	64,0	—	66,2	64,3	63,0	69,4	—	—	—
48:45	Верхне-лицевой	—	58,2	53,0	52,1	54,2?	52,3	54,5	—	51,6?
48:17	Вертикальный краниофаци-									
	альный	48,3	—	54,2	53,3	—	50,4	55,7	—	48,9
54:55	Носовой	48,0	48,1	54,8	47,0	55,2	52,1	52,0	47,3	—
52:51	Орбитный (mf)	—	81,3	78,5	81,0	74,4	72,3	78,0	85,6	—
52:51a	Орбитный (d)	—	87,4	89,1	87,2	82,9	80,0	86,4	91,2	—
SS:SC	Симотический	54,2	41,7	56,5	67,6	43,8	24,5	36,4?	51,3	—
DS:DC	Дакриальный	63,6	51,0	47,8	58,4	45,5	32,5	54,5	—	—
	Скуловой кости (по Ву)	—	20,6	15,0	17,3	—	16,0	16,1	—	—

Таблица 4

Степень выраженности монголоидных особенностей
в некоторых краниологических сериях %

Серия черепов	%
Из Краснореченского городища, (XI—XII вв.).	28,3
Из Несторианского кладбища (XIII—XIV вв.)	32,1
Из Ак-Бешима (VIII—IX вв.)	33,7
Узбеки Шейхантаура	34,1
Из Бейшеке (X—XII вв.)	39,3
Тюрки Киргизии (VI—VIII вв.)	40,9
Ранние тюрки Казахстана (VI—VIII вв.)	41,8
Из Кан-Дюбе (X—XII вв.)	45,7
Из Тегирменсая (IX—XI вв.)	50,4
Казахи современные	50,7
Тюрки Киргизии (X—XIII вв.)	59,3
Киргизы современные	67,6

ками Казахстана и Чуйской долины (могильник Тегирменсай)¹.

Сравнительную характеристику изучаемых серий дополним рассмотрением соотношения между преарикулярным фацио-церебриальным указателем (ПФЦ) и показателем уплощенности лицевого скелета (УЛС)². Из рис. 46 видно, что население изучаемых городищ тяготеет к европеоидным группам.

Сопоставление черепов из Кан-Дюбе и Бейшеке с синхронными черепами из Чуйской долины (Краснореченское городище³, могильники Ак-Бешим⁴ и Тегирменсай⁵, а также с черепами XIII—XIV вв. из несторианского кладбища близ г. Фрунзе⁶ показывает, что наибольшее сходство черепа из

¹ Н. Н. Миклашевская. История распространения монголоидного типа на территории Киргизии. «Проблема этнической антропологии Средней Азии». Тр. САГУ, вып. 235. Ташкент, 1964, стр. 67, 69, 80—83.

² Г. Ф. Дебец. О путях заселения северной полосы Русской равнины и Восточной Прибалтики, СЭ, 1961, № 6; он же. Опыт краниометрического определения доли монголоидного компонента в смешанных группах населения СССР. В кн.: Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968, стр. 13—15.

³ В. В. Гинзбург, В. Я. Зезенкова. Черепа из могильника караханидского, времени на Краснореченском городище в Чуйской долине. КСИЭ, 17, 1952, стр. 66—73.

⁴ Н. Н. Миклашевская. Результаты палеоантропологических исследований в Киргизии..., стр. 295—297, 308—309, 324—325.

⁵ Н. Н. Миклашевская. История распространения..., стр. 23.

⁶ Д. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. М.—Л., 1948, стр. 282—284.

Таблица 5

Средние размеры мужских черепов из Кан-Дюбе и Бейшеке в сравнении с другими сериями, мм

Признаки	Иссык-Куль	Талас-ская до-лина	Чуйская долина			Семи-речье
	Кан-Дюбе (X—XII вв.)	Бейшеке (X—XII вв.)	Тегир-менсай (IX—XI вв.)	Красно-речен. город. (XI—XII вв.)	Ак-Бе-шим (VIII—IX вв.)	Несто-риан. кладби-ще близ г. Фрунзе (XIII—XIV вв.)
	Наши данные		Микла-шевская	Гинз-бург	Микла-шевская	Дебеч
1 Продольный диаметр	174,0	176,0	173,3	180,9	179,0	172,9
8 Поперечный диаметр	147,5	149,3	153,3	144,7	151,7	148,1
17 Высотный диаметр (ba)	134,2	138,3	125,3	137,4	134,4	132,0
45 Скуловой диаметр	136,4	136,7	145,7	135,1	140,0	133,3
48 Верхне-лицевой диаметр	75,3	73,2	71,3	73,3	71,6	70,9
32 Угол профиля лба (n—m)	84,2	77,5	78,7	88,0	87,3	87,0
75 (1) Угол выступа носа	25,9	28,0	27,0	29,7	29,0	29,6
77 Назомаллярный угол	143,5	138,0	143,7	139,2	143,2	142,4
<Zm* Зигомаксиллярный угол	130,9	131,3	138,7	129,3	132,4	130,9
54 Ширина носа	26,2	25,2	27,7	25,7	25,7	26,0
DS Дакриальная высота	10,95	12,60	11,00	11,78	12,00	11,60
Симотиическая высота	3,71	5,20	3,60	4,87	4,20	4,00
52 Высота орбиты	35,3	34,4	36,3	33,5	35,2	32,4
8:1 Черепной указатель	85,5	84,8	88,5	80,0	84,8	85,8
48:45 Верхне-лицевой указ.	55,2	54,4	49,0	54,5	51,3*	53,0
48:17 Вертикальный краниофаци-альный указатель	56,1	51,9	56,7	52,3		53,7
54:55 Носовой указатель	47,9	49,5	52,1	47,6	48,4*	51,3
52:51a Орбитный указатель (d)	89,2	87,9	88,0	84,1	84,8*	83,2
DS:DC Дакриальный указатель	51,0	55,2	55,8	51,7	56,1*	64,6
SS:SC Симотиический указатель	46,3	55,0	52,2	49,9	58,1*	56,5

* — вычислены по средним данным.

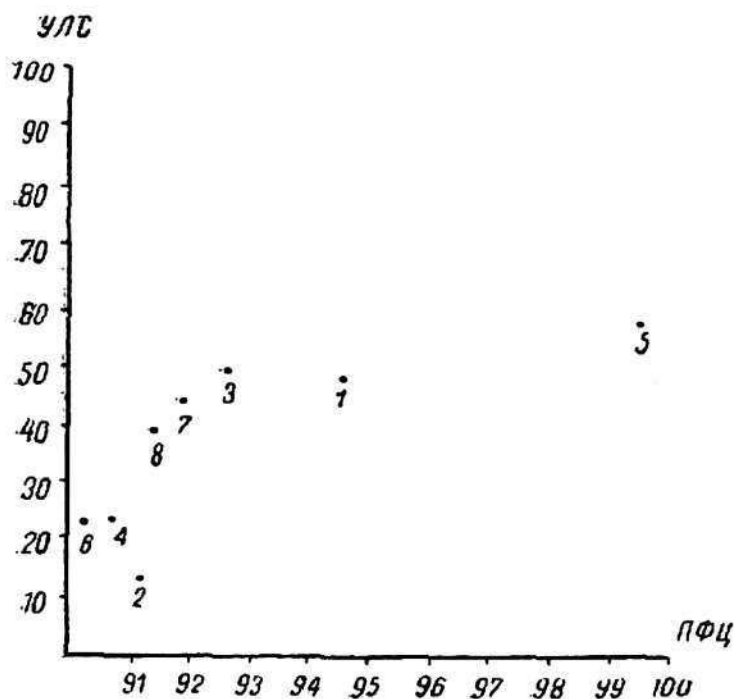

Рис. 46. Сопоставление серий черепов по преаурикулярному фацио-церебральному отношению и общему показателю уплощенности лицевого скелета.

- 1 — Казахстан, тюркское время;
- 2 — Миздахкан, IX—XII вв.
- 3 — Кан-Дюбе, X—XII вв.
- 4 — Бейшеке, X—XII вв.
- 5 — Тегирменсай, VIII—X вв.;
- 6 — Краснореченское городище, XI—XII вв.;
- 7 — Ак-Бешим, VIII—X вв.
- 8 — Несторнианское кладбище, XIII—XIV вв.

Кан-Дюбе и Бейшеке обнаруживают с черепами из Красно-реченского городища (табл. 5) и несторнианского кладбища. Об этом говорит почти полное совпадение таких признаков, как диаметры и указатели черепной коробки, скуловой диаметр, углы горизонтальной профилировки, размеры глазниц, общий угол лица и др. Однако наряду со сходством могут быть констатированы и различия. Так, лицо у кан-дюбинских черепов выше, угол выступа носа меньше. Для черепов Ак-Бешима характерен европеоидный тип. Они также близки к изучаемым сериям, но отличаются более широким и низким лицом. Черепа из могильника Тегирменсай имеют низкий свод черепа, большой скуловой диаметр, значительные величины назомаллярного и зигомаксиллярного углов.

Таким образом, средневековое население Киргизии по антропологическому составу было неоднородным. Если в одних районах уже сложился южносибирский тип (могильник Тегирменсай), то в других еще встречается европеоидный тип (Краснореченское городище, Бейшеке, Кан-Дюбе и др.), восходящий, видимо, своими корнями к сакскому и усуньскому населению Киргизии.

В Кан-Дюбе и Бейшеке, возможно, захоронены в основном представители местного населения, слабо подвергшегося смешению с другими пришлыми группами монголоидного характера. В образовании современного физического типа киргизского народа наряду с основным населением центральноазиатского происхождения принимало участие, хотя и в незначительной мере, европеоидное население начала II тысячелетия нашей эры.

IX. ИЗ ИСТОРИИ ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ КИРГИЗСТАНА И СОПРЕДЕЛЬНЫХ РЕГИОНОВ В VII—XII вв. (К вопросу о ценах)

С давних времен Киргизия была местом пересечения важнейших артерий международной торговли, связывавших между собой Дальний Восток, Среднюю Азию, Иран и Рим, а впоследствии — Византию и Арабский халифат.

На южном побережье Иссык-Куля сходились две ветви важнейших торговых путей, пересекавших Киргизию в широтном направлении с востока на запад. Причем на территории Киргизии от этих международных караванных путей ответвлялись более мелкие торговые дороги местного значения.

Как свидетельствуют письменные источники восточных авторов, все эти пути становятся широко известными в среде купцов и путешественников с начала раннего средневековья. Позже торговые трассы Киргизии попадают в поле зрения персо-арабо-язычных историков и географов: Хордадбеха, Макдиси, Кудама, Гардизи и др.¹ Из их сочинений мы узнаем, что на территории Иссык-Кульской котловины было несколько торгово-ремесленных центров. Среди них выделялись Верхний Барсхан, Тон и Сик-Куль. Находки в котловине монет из Рима, Дальнего Востока, Согда, Ферганы свидетельствуют о широких торгово-экономических связях указанных центров.

Источники сохранили скудные сведения об иссык-кульских городах как экспортёре. Известно, что в Халифате ценились рабы-воины из тюрков. Среди них названы самыми храбрыми и обитатели Тянь-Шаия: карлуки, ягма, чигили². Последние населяли южное побережье оз. Иссык-Куль. Автор анонима «Худуд ал-Алам» сообщает, что у тех же чигилей имеются ценные меха³. С уверенностью можно говорить о том, что на-

---

¹ Подробнее см.: О. Караев. Арабские и персидские источники IX—XIII веков о киргизах и Киргизии. Фрунзе, 1968, стр. 62—80.

² Кабус-намэ. Пер. и примеч. Е. Э. Бертельса. М., 1953, стр. 272—273.

³ Hudud al-Alam. The Regions of the World, transl. by V. Minorsky. London, 1937, p. 95.

селение котловины торговало продуктами животноводства, такими как скот, кожи, шерсть. Есть все основания полагать, что тюркские племена этого региона добывали всемирно известное благовоние — мускус, который ценился на Западе¹.

Единственное сведение о товарах ремесленного производства в городах Иссык-Куля приводит со слов Казвини великий среднеазиатский энциклопедист ал-Бируни. В Барсхане, по его словам, отливали из неизвестного на западе сплава котлы и другие сосуды².

Караваны с Востока и Запада доставляли на Иссык-Куль ценные ткани, готовые одежды, украшения, зеркала, нефрит и другие предметы роскоши.

Проблема транзитной и местной торговли в Киргизии рассматриваемого нами периода требует пристального внимания, однако в настоящее время изучена еще недостаточно. Одним из важных аспектов этой проблемы является вопрос о ценах на различные товары и продукты потребления, участвовавшие в торговом обороте на территории Киргизии и других стран, связанных с нею важнейшими торговыми артериями, о которых мы упомянули выше.

В непосредственной связи с этой темой стоит также вопрос о покупательной способности основных денежных единиц мусульманского Востока: дирхема и динара, обслуживавших торговлю на огромных пространствах, начиная от Киргизии и далее на Запад вплоть до границ Византии.

К сожалению, по исследуемому периоду у нас мало данных непосредственно для районов Киргизии, однако привлекая в качестве аналогии материалы, полученные нами по другим областям, связанным с Киргизией международными торговыми путями, мы попытаемся дать сводку сведений о ценах на различные товары, участвовавшие в торговом обороте на территории Киргизии в VII—XII вв.

К тому же мы не можем не отметить интересной закономерности, что цены на многие товары в различных областях Средней Азии и сопредельных стран были более или менее статичны и держались в одних и тех же пределах. Разумеется, это положение верно лишь для тех случаев, когда речь идет о нормальном функционировании торговых отношений, а именно тогда, когда в силу вступает объективный закон стоимости, регулирующий цены и поддерживающий их примерно на

---

¹ Hudud al—Alam, стр. 195—196; 283—287.

² Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия), перев. А. М. Беленицкого. М., 1963, стр. 244.

одном уровне при условии одинакового состояния производительных сил, окружающей среды и ряда других факторов¹.

В условиях же стихийных бедствий, экономических и политических кризисов, войн картина цен сильно искажалась и не соответствовала действительности. Резко возрастала стоимость продуктов питания, обесценивались земельные участки, предметы домашнего обихода и роскоши. Мы такие нетипичные случаи в качестве аналогии не используем.

В предыдущих статьях о ценах на товары в Средней Азии и сопредельных странах интересующего нас периода² был слабо освещен вопрос о стоимости одежды. Поэтому изложение нашего материала начнем именно с этого пункта.

Стоимость одежды

В VII в. в Куфе вышитое платье стоило 40 дирхемов³, в Йемене⁴ платье из ткани «муафирия» стоило 1 динар (или 15 дирхемов).

В VIII в. в Сирии рубаха халифа Омара II (717—720 гг.) стоила 1 динар⁵. В другом случае цена его рубахи указана в 10 дирхемов⁶. Комплект одежды стоил от 14 до 400 дирхемов⁷.

Полный комплект одежды «из египетских тканей» халифа Омара II оценивался в 12 дирхемов⁸. Это — явная ошибка, ибо в другом месте цена одной лишь рубахи Омара II определяется в 10 дирхемов или в 1 динар, т. е. 15 дирхемов.

Тут, видимо, надо понимать или «12 динаров» или уж «120 дирхемов». Тогда цена полного комплекта одежды халифа будет более или менее соответствовать действительной картине цен.

Комплект состоял из шапки, чалмы, рубахи, верхнего платья, туники, башмаков и плаща.

Стоимость плаща во времена халифа Омара II составляла 40 дирхемов⁹. Стоимость кожаной обуви 1—2 драхмы (или

---

¹ М. Н. Федоров. О покупательной способности дирхема и динара в Средней Азии и сопредельных странах в IX—XII вв. СА, № 2, 1972, стр. 79.

² М. Н. Федоров. Указ. соч., его же. К вопросу о покупательной способности дирхема и динара в Средней Азии и сопредельных странах (IX—XII вв.) «История материальной культуры Узбекистана», вып. 9. Ташкент, 1972.

³ Хрестоматия по истории халифата. Составил и перевод Л. И. Надирадзе. М., 1968, стр. 32.

⁴ Там же, стр. 99.

⁵ В. В. Бартольд. Соч., т. VI. М., 1966, стр. 530.

⁶ Там же, стр. 509.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 516.

⁹ Там же, стр. 527.

дирхема)¹. Стоимость рубахи Омара II нам известна: 10—15 дирхемов. Итак, можно подсчитать, что шапка, чалма, верхнее платье и туника стоили в пределах 12 динаров (или 180 дирхемов) минус 57 дирхемов (стоимость плаща, рубахи и башмаков) или же 120 дирхемов минус 57 дирхемов. То есть это будет 123 или 63 дирхема.

О. И. Смирнова², ссылаясь на согдийский документ архива пенджикентского князя Диваштича, казненного арабами в 722 г., говорит о стоимости «кольчуги (?) с рубахой (?) в 12 драхм». В другом месте — о стоимости кольчуги в 700 драхм. Итак, кольчуга без рубахи более чем в 58 раз дороже «кольчуги с рубахой». Неясное место в согдийском документе надо, на наш взгляд, понимать просто как «рубаха». Тогда цена рубахи в Согде около 722 г., т. е. 12 драхм (или дирхемов), будет вполне соответствовать цене рубахи в Сирии между 712 и 720 гг. Сравним: 10 или 15 дирхемов и 12 драхм (по своей покупательной способности согдийская драхма примерно соответствовала халифатскому дирхему).

Далее О. И. Смирнова пишет о «шлеме(?)» ценой в 2 драхмы³. Видимо, надо понимать «кожаный шлем» или «башлык», тогда он будет примерно в одной цене с кожаной обувью: в архиве Диваштича приводится цена «кафшей» — 1 или 2 драхмы за пару.

Около 922 г. в Хорезме простой кафтан из дешевой, хлопчатобумажной материи стоил 10 дирхемов⁴. Как видим, цена простого кафтана в Хорезме в X в. примерно соответствовала цене рубахи в Сирии (10—15 дирхемов) и в Согде (12 драхм) в VIII в.

Причем эту цену (10—15 дирхемов) можно проверить и подтвердить другими данными. В IX—X вв. штука простого полотна длиной в 60 локтей стоила 60 дирхемов (т. е. локоть стоил 1 дирхем), а за шитье рубахи портной брал один дирхем и два данака (данак = $\frac{1}{6}$ дирхема)⁵. На кафтан или рубаху требовалось до 8 локтей полотна — это 8 дирхемов. Прибавим сюда 1 и $\frac{1}{3}$ дирхема. Итого — 9 и $\frac{1}{3}$ дирхема. Цена кафтана и в одном случае рубахи, как мы помним, указыва-

¹ О. И. Смирнова. Очерки из истории Согда. М., 1970, стр. 197.

² Там же, стр. 197, 198.

³ Там же, стр. 197.

⁴ А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956, стр. 127.

⁵ М. Н. Федоров. О покупательной способности..., стр. 73 и 77.

лась в 10 дирхемов. Это вполне соответствует данным о стоимости полотна и вознаграждении за шитье.

При халифе Муктадире (908—932 гг.) одежда для 8 человек стоила 20 динаров¹. Следовательно, один комплект одежды стоил в среднем 2,5 динара или 37,5 дирхема (в Куфе в VII в. платье стоило 40 дирхемов).

В январе 1052 г. в Басре два полных комплекта платья для двух человек стоили 30 динаров или по 15 динаров за комплект². Вспомним, что в VIII в. комплект одежды Омара II стоил 12 динаров или 120 дирхемов, что равно 8 динарам.

Примерно в это же время в Византии шелковое платье стоило 10 номисм³ или 10,75 динара.

Стоимость тканей

В VIII в. в Согде и Киргизии шелковая парча «диба» оценивалась в 100 драхм за большой и 60 драхм за малый кусок. Отрез на платье из простого шелка «харир» стоил 28,25 или 20 драхм⁴.

Выше мы уже говорили, что стоимость простого полотна в IX—X вв. составляла 1 дирхем за локоть. Завесы из Фаюма длиной 300 локтей (видимо, надо читать 30 локтей) стоили 30 динаров пара⁵.

В Кермане цена покрывала с вытканными гирляндами доходила до 30 динаров⁶. Отрез дабикской (египетской) ткани оценивался в 50 динаров⁷. Шелковые пояса стоили от 1 до 10 динаров⁸.

Вырабатывавшаяся в окрестностях Бухары знаменитая ведарийская хлопчатобумажная ткань стоила от 2 до 20 динаров за отрез⁹, т. е. видимо, от 0,25 до 2,5 динара за локоть.

Штука рейской драгоценной ткани длиной в 48 м была продана за 10000 дирхемов, т. е. за 1 локоть брали примерно по 7 динаров¹⁰.

В 1047 г. в Египте тонкое полотно и полосатый шелк шли по 10 динаров за отрез¹¹. Если мы примем длину отреза за 8 локтей, то цена 1 локтя составит 1,5 динара.

¹ Бузург ибн Шахрияр. Чудеса Индии. М., 1959, стр. 48—49.

² Насир Хисроу. Избранное. Душанбе, 1954, стр. 105.

³ Византийская книга Эпарха. М., 1962, стр. 178.

⁴ О. И. Смирнова. Очерки..., стр. 197.

⁵ А. Мец. Мусульманский ренессанс. М., 1966, стр. 358.

⁶ Там же, стр. 360.

⁷ Там же, стр. 309.

⁸ Там же, стр. 360.

⁹ В. В. Баргольд. Соч., т. II, ч. 1. М., 1963, стр. 441.

¹⁰ М. Н. Федоров. О покупательной способности..., стр. 77.

¹¹ Насир Хисроу. Избранное, стр. 51.

Меха и шкурки

В X в. в Средней Азии каракуль темно-красного оттенка продавался от 1/4 до 1/3 динара за шкурку. Черные шкурки стоили 2—3 динара. Не коричневые и не черные шли по 10 штук за дирхем¹.

Примерно в это же время у хазар мех куницы стоил 2,5 дирхема².

В начале XII в. стоимость 18 беличьих шкурок составляла на Руси 1 дирхем³.

Продукты питания

В VII в. в Византии булка хлеба стоила 1 фоллий. Фоллий—медная монета, достоинством 1/12 серебряного кератия⁴. Поскольку вес кератия около 2 г, то стоимость булки хлеба $\frac{2}{12}$ или 1 г серебра.

Примерно в это же время в Египте за 1 динар должно было купить 105 кг пшеницы, 2,1 л оливкового масла; 2,1 л меда и 2,1 л уксуса⁵.

В X в. в Испиджабе (район Чимкента) 1 ман (т. е. 800 г) мяса продавали за 1 дирхем⁶. Однако в степных районах по Сыр-Дарье мясо продавали еще дешевле: по четыре мана за дирхем⁷. Примерно в этих же пределах стоило мясо в Византии: 120—140 фунтов за номисму⁸.

Номисма — 24 кератия. Значит пять фунтов продавались за 1 кератий. Византийский фунт равен 327,5 г⁹. Отсюда пять фунтов равно 1637 г или примерно 2 манам. Кератий весит около 2 г серебра, а дирхем — около 3 г. Тогда получается, что в переводе на дирхемы цена мяса в Византии — 3 мана за дирхем, т. е. в пределах между указанными выше ценами для Испиджаба 1 ман за дирхем и для Сыр-Дарьинской степи 4 мана за дирхем.

¹ Материалы по истории туркмен и Туркменин, т. 1. М.—Л., 1939, стр. 181.

² Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати. Публикация О. Г. Большакова и А. Л. Монгайта. М., 1971.

³ Там же, стр. 35.

⁴ Византийская книга Эпарха..., стр. 163.

⁵ Хрестоматия по истории арабского халифата, стр. 98—99.

⁶ О. И. Смирнова. Очерки..., стр. 146—147.

⁷ В. В. Бартольд. Соч., т. II, ч. I. М., 1963, стр. 239.

⁸ Византийская книга Эпарха..., стр. 224.

⁹ Там же, стр. 116.

В XII в. на Руси¹ «отличный круглый хлеб, которого хватит сильному мужчине», стоил $\frac{1}{18}$ дирхема, или $\frac{1}{6}$ з серебра.

Вспомним, что столько же в пересчете на вес серебра стоила булка хлеба в Византии в VII в. Разумеется, отсюда не следует, что качество и размер булок были одинаковы, но все же нельзя не согласиться, что цена на хлеб в обоих случаях находилась примерно в одних и тех же пределах.

Однако, как уже отмечалось, по мере удаления на Восток от Византии в областях Ирана и Средней Азии цены на хлеб несколько возрастали², что, возможно, было связано с природными условиями: засушливость климата и т. д. Например, в XI в. в Иране средняя цена пшеницы составляла 7—8 манов за дирхем, т. е. около 5,6—6,4 кг за дирхем, весивший около 3 з серебра.

Стоимость домашних животных

В Византии тягловая лошадь стоила 12 номисм, корова 3 номисмы, стоимость овцы в X в. достигала 1 номисмы³. Осел стоил 3 номисмы, а упряжка быков—6 номисм⁴.

В Средней Азии в X в. стоимость породистой верховой лошади составляли 700 дирхемов⁵ или около 47 динаров. В XI в. Нишапуре стоимость шестимесячного барашка составляла 1 динар. Надо отметить, что номисма была дороже динара, поскольку ее вес 4,58 з⁶, тогда как канонический вес динара 4,23 з⁷.

В 1051 г. в Аравии верблюд стоил 3 динара⁸.

Предметы вооружения

В литературе неоднократно проводилось сообщение Наршахи о ценах на оружие в начале VIII в. в окрестностях Бухары в лагере Кутейбы: копьё 50 драхм, щит — 50—60 драхм,

¹ Путешествие Абу Хамид ал-Гарнати, стр. 35.

² М. Н. Федоров. О покупательной способности..., стр. 76.

³ Византийская книга Эпарха, стр. 256, 224.

⁴ Византийские легенды..., стр. 50; Хрестоматия по истории средних веков, ч. I. М., 1961, стр. 354.

⁵ Материалы по истории туркмен и Туркмении, стр. 123.

⁶ Византийская книга Эпарха, стр. 116.

⁷ В. Хинц. Мусульманские меры веса с переводом в метрическую систему. Пер. Ю. Э. Брегея. М., 1970, стр. 21.

⁸ Н а с и р Х и с р о у. Избранное, стр. 95.

кольчуга — 700 драхм¹. Однако здесь случай явно нетипичный, цены очень завышены, поскольку войско Кутейбы находилось в весьма тяжелом положении и испытывало острую нехватку оружия.

В XII в. в Иране мечи без рукоятки, без полировки и украшений («одно только железо, как оно выходит из огня», но закаленное «крепким закалом», «так что если подвесить меч на нитку и ударить ногтем... то долго будет слышен звон») шли по четыре клинка за динар². Это, разумеется, цена полуфабриката. Готовый отполированный меч с рукоятью и украшениями стоил гораздо дороже. К сожалению, у нас таких сведений о стоимости готового меча для рассматриваемого периода нет.

Продукция гончарного производства

В 721 г. в Ходженте большая глиняная корчага (хум) была продана за 2 дирхема³. Около 870 г. в Адене «зеленый кувшин» (видимо имеется ввиду кувшин, покрытый зеленой глазурью) стоил полдирхема.

Прожиточный минимум

В VIII в. в Багдаде на прокорм и одежду заключенного в тюрьме отпускалось 10 дирхемов в месяц⁴. Это — прожиточный минимум.

В IX—X вв. считалось, что для скромного существования супружеской четы нужна была сумма 300 дирхемов в год⁵, т. е. 25 дирхемов или около 1,66 динара в месяц.

В XI в. прожиточный минимум семьи⁶ составляли полтора динара в месяц.

Как видим, разница не так уж велика: в одном случае (IX—X вв.) — 1,66 динара, а в другом (XI в.) — 1,5 динара в месяц. А это в свою очередь говорит о том, что в нормальных условиях (т. е. при отсутствии стихийных бедствий, войн и т. п.) цены на протяжении IX—XI вв. не претерпевали значительных изменений и оставались примерно на одном уровне.

---

¹ Абу Бакр Мухаммед ибн Жахфар Наршахий. Бухаро Тарихи. А. Расулевики таржима. Тошкент, 1966, б. 45.

² Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати, стр. 33 и 58.

³ О. И. Смирнова. Очерки..., стр. 197.

⁴ А. Мец. Мусульманский ренессанс, стр. 295.

⁵ Там же, стр. 299.

⁶ О. Г. Большаков. Два вакфа Ибрахима Тамгачхана в Самарканде. «Страны и народы Востока», вып. X. М., 1971. стр. 177.

Оплата наемного труда

В VIII в. в арабском халифате воин из армии Омейядов получал 25 дирхемов в месяц¹. В то же самое время, т. е. около 739 г., в Киргизии согдийские наемники в войске тюргешского князя Курсула получили в качестве платы за месяц один отрез шелковой ткани стоимостью в 25 драхм², т. е. примерно столько же, сколько наемник в омейядском войске.

Около 815 г. в городе Тиннис (Египет) ткачи получали «от торговца полотном» полдирхема в день, причем их жены приготавливали пряжу, а ткачи ткали³. Цена эта очень низкая для квалифицированного ремесленника, работавшего к тому же на собственном сырье. Примерно в то же самое время в Зерендже⁴ столько получал подмастерье медника. Поэтому остается предположить, что в данном случае «торговцы полотном» снабжали ткачей сырьем и, закабалив таким образом, принуждали их работать за невысокую плату.

В Византии обычной ставкой для квалифицированного ремесленника являлось 2 номисмы или (в пересчете на дирхемы) 32 дирхема в месяц⁵.

В Багдаде в IX в. лодочник, перевозивший на своей лодке по Тигру пассажиров и грузы, зарабатывал до 3 дирхемов в день⁶.

В X в. портной, сшив рубаху, получал $1\frac{1}{3}$ дирхема⁷. Если допустить, что в день он изготовлял 1 рубаху, то его среднемесячным заработком могло быть 40 дирхемов.

В то же время в Аравии за роскошно выполненный переплет для книги (видимо, из материала мастера) переплетчик получал до 2 динаров⁸.

В Византии каменотес получал за свою работу 1 кератий в день, т. е. $\frac{2}{3}$ дирхема. В Киевской Руси строительный рабочий при постройке храма получал 1 ногату (2,38 г) серебра в день⁹, т. е. примерно $\frac{4}{5}$ дирхема.

В XIII в. в Южном Иране квалифицированные садоводы, которые должны были посадить и вырастить для Рашид

1 М. Н. Федоров. О покупательной способности..., стр. 75.

2 О. И. Смирнова. Очерки..., стр. 154.

3 А. Мец. Мусульманский ренессанс, стр. 48.

4 В. В. Бартольд. Соч., т. I. М., 1963, стр. 274.

5 М. Н. Федоров. О покупательной способности..., стр. 74.

6 А. Мец. Мусульманский ренессанс, стр. 326.

7 Там же, стр. 157.

8 Там же, стр. 349.

9 Византийские легенды..., стр. 185.

ад-Дина 5000 палым, получали от него по 100 динаров «акчей руки» в год и по одному ману хлеба ежедневно¹. В данном случае речь идет о серебряных динарах. По подсчетам М. А. Сейфеддини четыре серебряных динара равнялись одному золотому магрибанскому динару². Таким образом, садоводы Рашид ад-Дина получали в переводе на золото 25 динаров в год или $2\frac{1}{12}$ динара в месяц. Это почти в точности

соответствует оплате труда квалифицированного ремесленника в Византии в X в., т. е. две номисмы в месяц.

Из приведенных выше материалов видно, что в обычных условиях цены на товары в изучаемый нами период были довольно стабильны и не претерпевали значительных изменений. Поэтому можно высказать предположение, что цена на одежду, ткани, хлеб и другие предметы потребления, выявленные нами для других областей мусульманского Востока, связанных с Киргизией торговыми путями, были близки к ценам на эти же категории товаров местного производства, обращавшихся на территории Киргизии в VII—XII вв. Импортные товары были значительно, если учесть затраты на транспортировку, дороже.

---

¹ Рашид ад-Дин. Переписка. Перевод, введение и комментарии А. И. Фалиной. М., 1971, стр. 229.

² М. А. Сейфеддини. Монеты ильханов XIV в. Баку, 1968, стр. 119.

Обращение к работам, дневникам и запискам дореволюционных исследователей, путешественников и ученых прошлого столетия, введение в научный оборот новых документов, архивных и этнографических материалов¹ позволило в последнее время несколько пересмотреть вопрос о кочевничестве и земледелии у киргизов XVIII—XIX вв. Выясняется, что чисто кочевого скотоводства у киргизов, можно сказать, не было. Все хозяйства имели свои постоянные пастбища и зимовки, вблизи которых располагались пахотные участки. Единичные хозяйства даже переходили на оседлость. Отдельные небольшие укрепления-крепости служили как базой для хранения собранного урожая и приюта для торговцев, так и защитным пунктом при феодальных усобицах. Эти крепости и подобные им строения и огороженные территории можно рассматривать как первые объекты киргизской оседлости, т. е. уже для первой половины XIX в. и даже более ранних — XVII — XVIII веков.

Археологические раскопки в Казахстане в последние годы привели к открытию здесь целого ряда оседлых поселений, относящихся к XV—XIX вв. — времени, когда основным занятием населения являлось скотоводство².

На территории Киргизии мы пока еще не имеем серии оседлых поселений. Однако первые поиски в этом направлении оказались небезрезультативными. Выясняется, например, что кетмень-тюбинское укрепление Узун-Ахмат (Улуг-Коргон), возвышавшееся в междурядье р. Чичкана и Узун-Ахма-

---

¹ См.: К. Усенбаев. Общественно-экономические отношения у киргизов в период господства Кокандского ханства (XIX в. — до присоединения Киргизии к России). Фрунзе, 1961; С. М. Абрамзон. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971; Русские путешественники и исследователи о киргизах. Фрунзе, 1973.

² См.: Жолдосбаев. О казахских оседлых поселениях во время археологических поисков в 1969—1970 гг. (на казах. яз.). В. кн.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972, стр. 187—193.

та при слиянии их с р. Нарыном, имеет не чуждое происхождение, а основано киргизами задолго до кокандской колонизации, по крайней мере, функционировало еще в XVIII в.¹ Укрепление находится в центре Кетмень-Тюбинской котловины, богатейшем крае самых разновременных курганов — усыпальниц древних кочевников, излюбленном месте зимовок киргизов Центрального Тянь-Шаня.

К. А. Акишев не без основания считает, что наибольшее количество археологических памятников, как правило, располагается в местах зимовок, т. е. на территории, связанной в определенный период уже с полуседлостью и оседлостью, что наиболее благоприятные зимовки являлись объектом обитания в течение многих веков, а это свидетельствует как о сходстве типов хозяйств, так и об образе жизни сменявших друг друга племен²,

Аналогичную картину мы наблюдаем и на территории Киргизии, особенно отчетливо в Иссык-Кульской котловине, буквально «напичканной» археологическими памятниками — от знаменитых сако-усуньских могильников из сотен курганов, до многих десятков городищ, поселений и торткулей. И это сравнительно на небольшой прибрежной равнинной полосе и по долинам и урочищам горных речек. К примеру, пойма р. Туура-Суу, в том числе, вся Тонская долина, богата курганными захоронениями VI в. до н. э. и рубежа нашей эры, тюрскими памятниками VI—VIII вв., средневековыми поселениями с их ирригационной сетью и, наконец, огороженными территориями — «куруками», по крайней мере, XVIII—первой половины XIX в. И все это время долина использовалась как зимовье киргизских племен.

Во время полевых экспедиционных работ 1971 г. и разведки 1973 г. в Тонской долине на побережье р. Туура-Суу мы осмотрели один интересный объект: большую огороженную территорию, некогда представлявшую прекрасное пастбище, и меньшую усадьбу, на которой ранее были запашки. По словам проживающего здесь информатора Касыма Сооронбаева (1892 г. рождения), огороженная местность Туура-Суу и остатки усадьбы принадлежали одному из его предков, а точнее, деду — Абдылде Алматаеву. Строения возникли где-то за 2—3 года до рождения информатора, т. е. примерно в 1889—1890 гг.

¹ См.: В. Горячева и В. Плоских. Киргизская крепость XVIII—XIX вв. В кн.: Археологические открытия 1973 г. М., 1974, стр. 526—527.

² К. А. Акишев. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана. «Поиски и раскопки в Казахстане», стр. 33.

При осмотре объекта нам представилась следующая картина. Территория, принадлежавшая некогда Алматаеву, состояла из двух смыкавшихся неравных огороженных площадей. Причем меньшая, по словам К. Сооронбаева, являлась несколько более поздней пристройкой к основной — большей огороженной территории. На юго-восток от большой огороженной площади вверх по склону уходила каменная кладка насыпи, также обозначавшая некую границу.

Вся долина речки Туура-Суу представляла собой пастбище, огороженное со всех сторон естественными возвышениями и горами. Территория примыкала на востоке к пойме р. Тон и сливалась практически с Тонской долиной. Топографы глазомерной съемкой набросали план долины Тон—Туура-Суу и отметили в ней две усадьбы-корука. Одну — меньшую — сняли на план. Усадьба расположена на среднем течении одного из рукавов р. Туура-Суу. С запада к ней примыкает вторая усадьба, от которой сохранилось только две неполные стены.

Остановимся сначала на характеристике меньшего участка. Площадь его равна примерно 4,3 га (350—125 м), стены читаются почти по всей протяженности, хотя и не везде в равной степени. Ко времени осмотра овальный дувал усадьбы был уже во многих местах разрушен. Максимальная высота его едва превышала 1 м, а примерная толщина достигала полуметра. Надо полагать, первоначально стена была чуть ли не вдвое выше. Выложена из длинных — от 1,6 до 3,5 м пахсовых блоков, глину для которых брали рядом. Похоже, что возводился дувал набивной системой, как это делают киргизы и сейчас, строя длинные садовые ограды. В процессе строительства возник ровик, увеличивший высоту стены. В пахсе часто встречается керамика из слоев средневекового городища Кан-Дюбе, на территории которого и располагается сама усадьба. Сделали разрез блочной стенки (кстати, блоки не связаны), зачистили каменное основание, которое оказалось более ранней стеной, использованной позже в качестве фундамента. По внешнему виду дувал (рис. 47) напоминает изредка встречаемые и теперь глиняные заборы вокруг садов, загонов для овец, полей и т. д. Дувал не являлся серьезным препятствием для человека, но служил преградой для скота и, главное, обосновывал право хозяина как собственника или владельца данной территории. Через усадьбу протекал рукав реки, питаемой родниковой водой; от основной речки Туура-Суу был подведен арык. Ручей не мог использоваться в качестве источника водоснабжения, так как его русло нахо-

Рис. 47. Глиняный дувал корука.

дилось в глубоком каньоне. Для оросительных целей служил арык из Туура-Суу.

Наличие старого арыка проходящего по средневековому городищу свидетельствует о занятиях киргизов земледелием в XIX в. и, вероятно, раньше¹.

Большая территория представляет собой замкнутую площадь, обозначенную, во-первых, четкими естественными границами: с севера — длинным выступом горы, с запада — двумя большими холмами, с юга — горным хребтом, с востока — речкой Туура-Суу. Внутри четко просматривается угол дувальной ограды, от которой хорошо сохранилась длинная (километра в 1,5) стена, проходящая у подножья северо-западной горы, и южная стена, примыкавшая к большому вытянутому холму.

Если брать местность в целом, она хорошо обводнена, с ручьем и многочисленными ключами, частично даже несколько заболочена. Могла служить и в качестве хорошего пастбища и местом, удобным для охоты и земледелия. Видимо, это

¹ Материалы, собранные в 20-х годах П. П. Ивановым, свидетельствуют о многочисленных остатках сети ирригационных сооружений на Иссык-Куле. См., раздел I настоящего издания.

обстоятельство и явилось побудительным мотивом для столь трудоемкой работы, как возведение длинных дувалов. Здесь находилась зимовка Алматаева, на возвышенном месте, в северо-западном углу огороженной территории стояли его дом из двух половин (по три комнаты в каждой), кошара и загон для овец. Судя по площади сохранившихся остатков кошары и загона, Алматаев имел немалое поголовье скота. По словам информатора, у него было 500—600 голов баранов, 50—60 лошадей, 30—40 коров, 10 верблюдов. В качестве летнего пастбища — джайлоо — служили южные сырты Каракаман, Балгарт и др. В хозяйстве использовался и труд работников, по уходу за скотом и — в основном зимой — для домашних услуг (наколоть дрова и пр.).

Меньшую огороженную территорию следует рассматривать не как изолированную киргизскую усадьбу, а как дополнение к ней. Функционально она являлась придатком большей площади, составляла с ней нечто более общее и свидетельствовала, видимо, о степени узурпации биом общинных угодий.

Феодал, обладая обширной площадью хороших пастбищных и пахотных земель, стремился прочно закрепить их за собой и наследниками. С этой целью участок огораживался, вокруг него возводились глиняные дувалы, внутри появлялись постройки — дома, кошары, короо — загоны для овец и т. д.

Основной рассказ Касыма Сооронбаева о коруке (аксакал сам употребил этот термин), о близлежащем старом мазаре, развалинах Кан-Дюбе сводится к следующему. Абдылда Алматаев возвел глиняный дувал, чтобы оградить свою собственность (по словам информатора). На своей территории он держал зимой молодняк, использовал корук как пастбище. Летом здесь сеяли пшеницу, ячмень, просо. В дувале сохранились до сих пор входные отверстия для арыков. Арыки подведены к усадьбе с востока и с запада, выведены из р. Туура-Суу (один в среднем течении, другой — из верховьев). Выше по склону заметны более ранние средневековые арыки. Сейчас они не используются (имеются новые), но когда-то опоясывали долину с юга и запада. Ответвления от магистральных арыков покрывали сетью всю площадь средневекового поселения Кан-Дюбе.

Все это следует рассматривать как обычный случай феодального завладения, когда узурпировались общинные земли, переходя в частное землевладение и закрепляясь, фактически, в собственность.

Имеются документальные подтверждения фактов огораживания подобных земель, правда, относящихся уже к началу XX в.

Так, в пообщинном бланке административного аила № 1—10 Бурукчинской волости Пржевальского уезда за 1870 г. особо отмечалось: «Встречаются случаи огораживания сенокосных и пашенных участков отдельными хозяйствами, чем эти участки исключаются из общего пользования»¹.

Материалы, собранные С. И. Ильясовым во время экспедиционной поездки 1958 г. по Иссык-Кульской котловине, свидетельствуют о занятии киргизов Тонского района до революции не только скотоводством, но и земледелием, что само по себе уже предполагало частное подворное пользование участками. Бедняки имели 1—2 дес., а богачи — по 50—60 дес.² Так, если в Тонской долине бедняк Токтобай Абаилдаев мог владеть всего 2 дес. пахотной земли, то манап Исатаев — 60 дес. Не вся площадь засеивалась сразу, но незасеянные участки использовались как пастбище. Естественно, что это частный случай, но он вписывается в общую картину землепользования и обособления коруков рассматриваемой местности.

Теперь остановимся подробнее на хронологической характеристике огороженных территорий, их истоках. Во-первых, большая огороженная площадь имеет несколько более раннее происхождение. Если меньшая, согласно словам информатора, относится к концу XIX в., то большая, по крайней мере, — к его первой половине.

Во-вторых, названные две территории, как один общий корук, находятся на более древней площади, также некогда огороженной. По сообщению информатора, его дед построил дувал взамен и на месте старого, разрушившегося. Действительно, иногда под фундамент дувала использовали старую каменную кладку, которая служила оградой не один десяток лет, или даже столетие до этого.

Следовательно, с определенной долей уверенности можно предполагать наличие корука на этом месте по крайней мере с первой половины XVIII в. и даже ранее. Глинобитные блоки, ограждавшие предгорную часть, были возведены на основании из валунов, плотно уложенных друг к другу в 2—3 ряда. Нужно отметить, что это основание не было выложено специально в качестве фундамента и не было сооружено одновременно с дувалом Алматаева. Каменная кладка выходит за границы пахсового дувала и прослеживается бессистемно с других сторон. Каменная ограда была возведена задолго до

---

¹ ЦГИА СССР, ф. 391. оп. 4, д. 271, л. 10—11.

² Информация Токтобая Шами (67 лет), колхоз им. В. И. Ленина Кун-Чыгынский с/с. Рукоп. фонды ООН АН Киргиз. ССР, инв. № 1545.

сооружения рассматриваемого дувала и распространялась на значительно большую площадь, чем глиняный дувал. Не исключено, что она где-то смыкалась с другой длинной каменной стеной, которая прослеживается севернее дувала по правому берегу ручья и ориентирована на северо-юг. Западная часть каменного основания перекрывает тюркский могильник VI—VIII вв., а восточная — постройки городища Кан-Дюбе VIII—XII вв. Таким образом, остатки каменного основания длинных стен свидетельствуют о том, что они не могли возникнуть ранее VIII—XII вв. и относятся, следовательно, к позднему средневековью, постелемонгольскому периоду.

В связи с затронутыми вопросами остановимся на функциях, довольно часто встречающихся в Прииссыккулье, в том числе и Тонском районе, каменных оград и так называемых «длинных стен». Интересно, что сама этимология топонима «тон» связывается с его древним смыслом—«вал», «ограждение», «глина»¹. Эти стены некогда ограничивали обширные пространства. Сейчас же от них кое-где сохранился лишь фундамент. Подобные длинные ограды нами были осмотрены в начале 60-х годов даже на высокогорных алайских пастбищах в урочище Кальта-Булак.

По поводу назначения труднодатируемых длинных оград и стен из валунов и обломков скальных пород в свое время было высказано несколько мнений.

А. Н. Бернштам, исследуя могильник Карой, связывал ограду, выложенную из камней в этом районе, с известным древнетюркским обрядом возведения балбалов у могил воинов, или со знаками границ племенных территорий в древности².

Л. П. Зяблин дифференцирует каменные ограды по принципу монументальности и величине огражденной территории. Он считает, что ограды, ограничивающие площадь в несколько гектаров, могут относиться к семейным владениям, а основательные монументальные сооружения большой протяженности, вероятно, племенные знаки³.

П. Н. Кожемяко, зарегистрировавший длинные стены в верховьях р. Талас и в урочище Айртам-Ой называет их

---

¹ См.: С. У. Умурзаков. К этимологии названия Джеты-Огуз. В сб.: Вопросы киргизской терминологии. Фрунзе, 1968, стр. 68, прим. 21.

² А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, 26, 1962, стр. 79.

³ Л. Зяблин. Средневековые курганы на Иссык-Куле (по материалам раскопок 1954—1955 гг.) Тр. Киргизск. археол.-этногр. эксп., т. II. М., 1959, стр. 149—150.

«пограничным рубежом на определенном этапе развития оседло-земледельческой жизни»¹.

Во время разведки на Иссык-Куле в сентябре 1973 г. Д. Ф. Винник показал каменную стену в долине Конгурулен, явно ограждающую могильник сако-усуньского типа.

По склонам р. Туура-Суу и на террасах р. Барскаун мы зафиксировали ряд каменных оград, служивших в прошлом в качестве загонов для овец. Загоны выложены из больших камней валунов в два ряда, вблизи в беспорядке валяются как бы «осевшие» и «оплывшие» камни из стены, некогда скрепленной слабым раствором глины. Хронологически они приближаются к средневековью, но использовались по своему назначению, несомненно, и позже; иногда служили даже основанием-фундаментом для глиняных дувалов аналогичного назначения XVIII—XIX вв.

Таким образом, усадьбы-коруки XVIII—XIX вв. с глиняным дувалом подобны более ранним корукам с каменными стенами (XVIII и более ранние века), которые в свою очередь, вероятно, относятся к средневековью и более ранним кочевническим временам тюрков и сако-усуней. Назначение их одно и то же, а именно, служили частным запретным владением или родовой общинной территорией. С одной стороны, каменные средневековые стены могли играть роль оборонительных сооружений — препятствовать свободным набегам барымтычей, угонявших тайно скот; с другой — служили вещественным признаком огороженного феодального владения, куда доступ посторонним был запрещен или ограничен. В зависимости от времени и обстановки на первый план могла выступать то одна, то вторая функция оград, однако обе они были взаимосвязаны. Кроме того, длинные каменные стены (рис. 48), по нашему мнению, имели и другое назначение. Они могли служить оградой могильника, определять границы племенных земель; быть фундаментом древних торткулей, форпостов, пикетов, крепостей; выполнять роль мощных фортификационных сооружений, как например, перегораживающих вход в долину (Тон), и др.

Для окончательного решения вопроса о времени сооружения и функциях каменных стен и искусственных оград необходимо проведение специального комплексного исследования с привлечением данных письменных источников, этнографии и прежде всего, археологии.

Итак, рассмотренные огороженные площади Туура-Суу

---

¹ П. Н. Кожемяко. Оседлые поселения Таласской долины. В кн.: Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963, стр. 183, 209.

Рис. 48. Остатки «длинной» каменной стены.

можно отнести к категории традиционных «заповедных» земель, известных в Средней Азии под названием «к у р у к», или по-киргизски—«корук».

«К о р у к» буквально означает: ограда, огороженное

место или участок земли, как чья-то собственность, владение, охраняемое пастбище¹.

Заповедные места — коруки — были широко распространены в среднеазиатских ханствах, в том числе и Кокандском². В Южной Киргизии коруками называли также места по берегам рек, речек, поросшие кустарником и принадлежавшие феодалам³. Истоки института коруков берут начало в глубине веков. Так, еще правитель усуней — старший гуньмо Цылими «обнародовал, чтобы никто не смел пасти скот на его пастбищах»⁴. Как правильно подмечает В. В. Бартольд, это уже свидетельствует о наличии в стране усуней (по предположению ряда ученых, их ставка находилась на берегу Иссык-Куля⁵) института, ставшего позже — у тюрков и монголов — известным, как курук⁶.

В раннем средневековье Махмуд Кашгарский, выходец с Иссык-Куля, в своем словаре «Дивани лугат ат-тюрк» (1072—1074 гг.) писал: «Коруг—луга, травянистые поля, в которых пасется эмирский скот. Огороженная, охраняемая от чужих зеленая площадь»⁷. С этим же значением от Махмуда Кашгарского слово (qoǵı) перешло в древнетюркский словарь — «угодия феодала, запретные для других (обычно охраняемые), заказник, засека»⁸. Корук (монг — хориг) как заповедник, представлявший феодальную собственность в соседнем уйгурском государстве X—XIV вв., рассмотрен в работе Д. И. Тихонова⁹. П. П. Иванов приводит архивные документы джуйбарских шейхов на владение в Средней Азии летними пастбищами как коруками¹⁰.

А. Л. Троицкая на основании изучения коруков Кокандского ханства пришла к заключению, что в период средневековья к корукам относились главным образом ханские клад-

---

¹ Киргизско-русский словарь. Сост. К. К. Юдахин. М., 1965, стр. 409.

² См.: А. Л. Троицкая. «Заповедники» — курук Кокандского хана. Худояра. Сб. ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. вып. III, 1955.

³ Киргизско-русский словарь, стр. 409.

⁴ И. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л., 1950, стр. 197.

⁵ А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941, стр. 35.

⁶ В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья. Академик В. В. Бартольд. Соч., т. II, ч. I, М., 1963, стр. 29.

⁷ Цит. по кн.: Л. Кызласов. История Тувы в середине века. М., 1969, прим. 328 к стр. 54.

⁸ Древнетюркский словарь. Л., 1969, стр. 458.

⁹ Д. И. Тихонов. Хозяйство и общественный строй уйгурского государства X—XIV вв. М.—Л., 1966.

¹⁰ П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов. М.—Л., 1954.

бища, охотничьи парки, пастбища ханов, а иногда крупных феодалов¹.

В последний период Кокандского ханства коруки Худоярхана становятся одной из доходных статей казны: покосы продаются, пастбища сдаются в аренду, вводится налог на топливо, собираемое на заповедных территориях².

Некоторые пастбища, луга выделялись и обособлялись с целью индивидуального пользования и владения отдельными феодалами. Выступали они либо как ханские пожалования, либо как узурпация общинных земель, зачастую в качестве захваченных и огороженных феодалами свободных площадей. Факты такого ханского пожалования и обособления земель отдельных киргизских феодалов, выходящих из общины, нашли свое отражение и в земельных актовых документах первой половины XIX в.³

Все это дает основание утверждать, что как малая киргизская усадьба Абдылды Алматаева, так и более ранняя, большая огороженная площадь, могли служить заповедником или личным владением крупного киргизского феодала.

Аналогичное назначение, как уже отмечалось, имели и большие огороженные длинными стенами территории средневековья в Туура-Суу. Именно факт, что средневековые ограды возводились вокруг тех же урочищ, что и киргизские XIX в., наводит на мысль о сходстве их функционального назначения.

При этом само киргизское население связывает длинные стены, остатки каменных фундаментов со средневековым городищем Кан-Дюбе. До сих пор бытует интересная легенда об остатках старины в Тонской долине. Местные жители связывают Кан-Дюбе с владениями киргизского героя Эр-Эшима и борьбой с ойратскими феодалами.

Приводим легенду со слов Касыма Сооронбаева, записанную в с. Туура-Суу летом 1971 г.⁴

Это было 950 лет назад. Сменилось 32 поколения. Калмакский хан Турсун на территории киргизов построил крепость Кан-Добе. Хорошо жил хан. Беспокоило его только одно: среди киргизов появился могучий батыр Эр-Эшим. Слава его росла, так как много подвигов он совершил. Хан решил побрататься с Эр-Эшимом, дабы

¹ А. Л. Троицкая. «Заповедники»—курук..., стр. 124.

² Там же, стр. 156.

³ См.: В. П. Плоских. Очерки патриархально-феодалных отношений в Южной Киргизии. Фрунзе, 1968, стр. 59, 66.

⁴ Несколько ранее и в ином варианте это предание было записано С. М. Абрамзон (1953—1954 гг.). См.: С. М. Абрамзон. Народные предания как источники для изучения этнической истории киргизов Центрального Тянь-Шаня. В кн.: Этническая история народов Азии. М., 1972. стр. 68—70.

обезопасить себя от его вражды. Калмак и киргиз произнесли клятву на оружии и стали жить в мире.

Но зависть к силе и ловкости молодого батыра глубоко засела в сердце хана. Он решил погубить побратима.

В это время в Кашгаре должен был проходить курултай. Хан вызвал Эр-Эшима и, сославшись на нездоровье, предложил ему на курултае быть представителем от иссык-кульских земель. Тот, не подозревая подвоха, согласился, и спрятав письмо хана, отправился в путь.

Вверх по р. Тон, сыртами и ущельями он перевалил Тянь-Шань и спустился в долину. С ним было 40 киргизских джигитов. Недалеко от города ему повстречался старый пастух с отарой овец. Эр-Эшим решил отдохнуть, и, отвечая на обычные распросы, поведал, кто он и куда идет. Пастух попросил разрешения взглянуть на письмо. Герой протянул ему бумагу. Пастух пробежал ее глазами и побледнел: «В этой бумаге смерть твоя. — сказал старик, — хан просит убить тебя».

Эр-Эшим повернул коней и возвратился в Кан-Дюбе. В городе было двое ворот. Против них он оставил в засаде своих джигитов и приказал по сигналу, которым должен стать выстрел Эр-Эшима, ворваться в город. Сам взобрался на крутую вершину Керег-Джар, откуда город был как на ладони, зарядил ружье — ак-баран, поцеловал его и произнес: «Хан Турсун! Ты опозорил себя и свой народ, нарушив клятву братства. Да настигнет тебя эта пуля, да не будет пощады и народу твоему!»

С утра до полдня лежал Эр-Эшим на скале, поджидая хана. В полдень Турсун вышел во двор. Грянул выстрел, и хан упал. В это время с криками в город ворвались киргизы. Калмаки, потеряв предводителя, растерялись и стали добычей нападающих. Город Эр-Эшим велел разрушить.

Обращают на себя внимание традиционные элементы киргизского народного эпоса: молодой положительный герой, 40 неизменных джигитов, зависть старика к молодому, отрицательный герой, случайное избавление от смерти и справедливое возмездие.

В приведенной легенде сюжет традиционный, с привязкой к определенной местности, в данном случае Кан-Дюбе и его окрестностям. Однако в этом предании слышен отзвук действительно происходивших исторических событий. Так киргизские феодалы соперничали и боролись с калмакскими (ойратскими). Но вот герои обоих народов братаются. Чаша весов их могущества колеблется. Действительно, киргизские феодалы могли участвовать в съездах калмакских феодалов. Калмаки воздвигали крепости — ставки.

В исторических преданиях имя Турсуна, происходившего из ханов Старшего жуза, было известно как хана Ташкента 20-х годов XVII в. Он был убит в 1628 г. Ишимом, признанным ханом и киргизами¹. В легенде, записанной С. М. Абрам-

¹ М. П. Вяткин. Очерки по истории Казахской ССР, т. I. М., 1941, стр. 104.

зоном, они выступают как казахские ханы, при этом киргизы — на стороне Ишима¹.

В легендарных преданиях вполне допустимо и объяснимо подобное этническое смещение героев, анахронизм во времени, различная территориальная привязка и т. п. Поэтому, не удивительно, что в легенде о городе X—XII вв. Кан-Дюбе, а вместе с ним и остатках позднесредневековых стен, наряду с историческими героями XVII в. фигурируют калмаки. Киргизы, в течение двух с половиной столетий отважно боровшиеся против ойратских феодалов, многие крупные события или памятники прошлого связывают именно с этим периодом. Таким образом, и все древности трансформировались в их сознании в калмакские, хотя уточнение деталей у тех же информаторов показывает, что это далеко не так.

Примечательно, однако, что датировка событий в легенде о Кан-Дюбе совпадает со временем жизни городища (32 поколения, или, примерно, 950 лет назад, т. е. XI век), а главные действующие герои являются историческими личностями, известными в период борьбы киргизов с ойратами. В связи с этим не исключено, что каменные остатки некоторых оград позднесредневековых коруков имеют отношение к периоду борьбы против ойратов и относятся к XIV—XVII вв., а возможно, и к более ранним временам. К сожалению, для более точной датировки пока еще нет достаточных данных.

Таким образом, рассмотрение Туура-Суйского объекта — корука, огороженного глиняными дувалами, длинных каменных стен и сопутствующих археологических памятников позволяет сделать следующие выводы.

В XIX и XVIII вв. киргизские феодалы имели своеобразные усадьбы с жилыми и хозяйственными застройками, огороженные сплошными блочными стенами — паховыми дувалами.

Имелись большие огороженные площади удобных пахотных и пастбищных земель, которые можно классифицировать как заповедные земли — коруки, индивидуальные владения феодалов. Развалины и фрагменты более ранних, так называемых длинных стен, позволяют высказать предположение, что коруки — традиционно унаследованный институт средневековья, некоторые из них можно связывать даже с периодом ранних кочевников.

---

¹ С. М. Абрамзон. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии. Тр. Киргизск. археол.-этногр. экспедиции, т. IV, 1960, стр. 23; е г о ж е. Народные предания..., стр. 68.

Рис. 49. Доспехи киргизского воина XVIII—XIX вв.

Монументальные длинные стены определяли племенные границы, выполняли функцию оборонительных сооружений и одновременно служили защитным барьером частнофеодального земельного владения. Малые каменные стены являлись загонами для овец в период от средневековья до XIX в., ограждали небольшие усадьбы, коруки; являются остатками древних торткулей; служили фундаментом небольших фортификационных сооружений, крепостей; огораживали древние, сако-усуньского типа могильники. И все они являются свидетельством полуоседлости и оседлости части местного скотоводческого населения. Таким образом, наличие усадеб, коруков дает основание говорить об определенных формах частного характера землевладения, феодальной земельной собственности в Киргизстане от средневековья до XIX в.

XI. АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА ТОНСКОЙ ДОЛИНЫ

Долина р. Тон в Прииссыккулье является одним из наиболее насыщенных древностями районов. На относительно небольшой территории сосредоточены разновременные памятники, свидетельствующие об интенсивном освоении долины в далеком прошлом. Исключительно благоприятные природные условия привлекали к ней внимание человека с древнейших времен.

Начало заселения Тонской долины, как показывают исследования археологов, относится к бронзовому веку. Однако это не исключает появления здесь человека и в более ранние эпохи. На рубеже II—I тыс. до н. э. долина входила в зону расселения пастухов-скотоводов Тянь-Шаия, общественный строй и хозяйство которых в общем не отличались от таковых родственных им племен сопредельных районов.

С начала железного века долина становится местом обитания кочевников-саков — потомков племен эпохи бронзы, занимавших обширные территории Средней Азии и Казахстана. Наличие больших курганов — погребений племенной или родовой знати — дает возможность предположить, что Тонская долина и прилегающая к ней местность на протяжении длительного периода находилась во владении одного племени или крупного рода. Основным занятием саков было кочевое скотоводство. Разводили лошадей, мелкий рогатый скот, который в достатке был обеспечен естественными кормами. Находки из курганов Иссык-Кульской котловины свидетельствуют о том, что у саков получили широкое развитие различные ремесла: гончарное, металлургическое, ювелирное. Большой интерес вызывают, например, предметы украшения из драгоценных металлов (могильник Туура-Суу), из бронзы (Барскаун), культовые предметы — жертвенники (Семеновка) и др.

В III в. до н. э. территорию долины занимают родственные сакам усуньские племена. Главное занятие усуней — кочевое

Рис. 50.

скотоводство, но им знакомо и земледелие. Дальнейшее развитие общественных отношений приводит к усилению имущественного неравенства, что сказалось и на курганных захоронениях. Погребения племенной и родовой верхушки представлены огромными курганами (высотой 4—6 м и диаметром до 40 м), рядовых кочевников — незначительными по размерам насыпями, под которыми находятся грунтовые ямы с небогатым инвентарем. Усуни в Тонской долине, так же как и в других районах Тянь-Шаня, обитали до середины I тыс. до н. э.

В VI в. н. э. на территории долины, как и остальной части Киргизии, расселяются тюркские племена. Первоначально, в VI—VIII вв., преобладающую часть населения составляли кочевники, свидетельством чего является ряд тюркских могильников. Но в это же время возникают и первые оседлые поселения. Сейчас трудно назвать число поселений VI—VIII вв., так как большая часть площади долины подверглась планировке, и многие памятники оседлого, как и кочевого населения, разрушены. Но нижние слои городища Кан-Дюбе дают материал того времени. Может быть здесь и существовало одно из первых поселений раннего средневековья.

Развитие производительных сил феодального общества вызывает значительные изменения в хозяйстве и образе жизни населения Киргизии. В таких областях, как Чуйская, Таласская и другие, возникает множество поселений, часть из которых перерастает в города. Этот же процесс совершается и в Иссык-Кульской котловине, в том числе и Тонской долине. Центральное место здесь принадлежит городу Тон (городища Кан-Дюбе). В то же время вокруг него появляется ряд мелких поселений — торткулей. В IX—X вв. возводится и такое грандиозное сооружение, как длинная стена, разделяющая долину на две части. Западная, большая часть, представляет как бы обособленный район, ограниченный на востоке вышеуказанной стеной, на западе — высоким хребтом и у входа в долину — другой стеной, значительно уступающей по мощности и размерам первой. Кроме того, вход в долину с западной стороны преграждают 30—40-метровой высоты обрывистые берега р. Ак-Сай. Вся эта территория составляла округу города Тон, который контролировал все пути, идущие по южному побережью оз. Иссык-Куль и из глубины Тянь-Шаня в Иссык-Кульскую котловину через Тонские сырты. Город Тон в VIII—XII вв. неоднократно упоминается в письменных источниках различных авторов.

В начале XIII в. оседло-земледельческая жизнь в Тонской долине прекращается из-за разорительного нашествия татаро-

монгол. С этого времени долина вновь превращается в область господства кочевого населения. Какое-то время она, как и другие завоеванные татаро-монголами области, входит в состав их владений, но затем с ослаблением власти монгольских ханов становится местом расселения киргизов, составляющих к XV в. господствующее население Тянь-Шаня. В XVII — первой половине XVIII вв. киргизы Тона, как и всего Тянь-Шаня ведут упорную борьбу против джунгар. Эта борьба нашла отражение в многочисленных легендах, в частности, одной из бытующих в Тонской долине, связанной с именем киргизского героя. Эр-Эшима¹. С середины XIX в. Тонская долина, как и вся Иссык-Кульская котловина и остальная часть Северной Киргизии, добровольно вошла в состав Российского государства.

Разнообразие и богатство археологических памятников долины р. Тон привлекало к себе внимание еще дореволюционных исследователей. Так, известный краевед Ф. В. Поярков, сравнивая этот район с другими местами Иссык-Кульской котловины, писал, что долина «для археолога и антрополога должна представлять большой интерес»².

Впервые памятники Тонской долины были осмотрены В. К. Герном в 1877 г. Он дал краткое описание городища Хан-Дюбе (Кан-Дюбе), длинной стены и упомянул о нескольких мелких укреплениях, но без указания их количества и места нахождения³.

В 1884 г. через этот район проезжает ботаник Н. В. Сорокин. В его публикациях приводятся сведения о развалинах Кан-Дюбе и древних фортификационных сооружениях долины⁴.

В 1887 г. долину посетил Ф. В. Поярков. Осматривая «длинную стену», он между нею и р. Тон обнаружил камни с надписями (два из них отправил в Археологическую комиссию), две глинобитные постройки (но местонахождение, как

---

¹ С. М. Абрамзон. Народные предания как источник для изучения этнической истории киргизов Центрального Тянь-Шаня. В кн.: Этническая история народов Азии. М., 1972, стр. 68—70; см. изложение легенды в статье «Киргизский корук Туура-Суу» настоящей работы.

² Ф. В. Поярков. Археологические экскурсии по берегам оз. Иссык-Куль и по Токмакскому уезду. Рукоп. фонды отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 43, стр. 15.

³ В. К. Герн. Поездка в долины Иссык-Куль. Древности. Тр. Московского археологического общества, т. XVI, 1900, стр. 112—113.

⁴ Н. В. Сорокин. В горах и долинах Русского Тянь-Шаня. Исторический Вестник, т. XXIV, 1886, № 6, стр. 634; е го же. Путешествие по Русскому Тянь-Шаню в 1884 г. Изв. РГО, т. XXI, 1886, стр. 119.

и размеры их, не указывает), каменную ступку большой величины и много древних могил¹.

Наиболее подробные данные об археологических памятниках долины сообщает С. М. Дудин, специально обследовавший ее в 1894 г. Его сведения приведены в работе В. В. Бартольда².

Разностороннее научное изучение древностей Тона, как и всей Киргизии, начинается в годы Советской власти. Некоторые памятники этого района были отмечены на карте Иссык-Кульской котловины, составленной П. П. Ивановым³.

В 1940 г. памятники старины бассейна оз. Иссык-Куль исследуются Семиреченской археологической экспедицией под руководством А. Н. Бернштама. В Тонской долине были сняты на план длинная стена, названная А. Н. Бернштамом «стенной области Верхний Барсхан», и два городища⁴.

Стационарное изучение древностей рассматриваемого района (разведки, раскопки, составление археологической карты и др.) было проведено Иссык-Кульским археологическим отрядом Института истории АН Киргизской ССР (1959—1962 гг.), Иссык-Кульской историко-археологической экспедицией Республиканского общества охраны памятников истории и культуры (1972 г.) под руководством Д. Ф. Винника и его же маршрутных поездок в Прииссыккулье в период 1963—1970 гг.⁵

В 1971 г. раскопочные работы на памятниках, попадающих в зону затопления и переработки Торткульского водоема, выполнялись Тонским археологическим отрядом Института истории АН Киргизской ССР. Отрядом раскопаны погребения саков и тюрков, некрополь на городище Жан-Дюбе и осмотрены каменные изваяния.

---

¹ Ф. В. Полярков. Археологические экскурсии..., стр. 13—17.

² В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893—1894 гг. Зап. академии наук, VIII серия, т. I, вып. 4. СПб. 1897, стр. 56—58; (то же: В. В. Бартольд. Собр. соч., т. IV. М., 1966., стр. 72—74).

³ П. П. Иванов. Материалы по археологии котловины Иссык-Куля. Тр. Ин-та истории АН Киргиз. ССР, вып. III. Фрунзе, 1957, стр. 67.

⁴ А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941, стр. 80—81; Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина», МИА, № 14. М.—Л., 1950, стр. 26 и табл. IV—V.

⁵ Д. Ф. Винник. К исторической топографии средневековых поселений Иссык-Кульской котловины. В кн.: Древняя и средневековая культура Киргизстана. Фрунзе, 1967; стр. 91—113; его же. Древние города и поселения Прииссыккулье. Сб. «Памятники Киргизстана», вып. I. Фрунзе, 1970, стр. 24—33; его же. Памятники древних кочевников Иссык-Кульской котловины. Там же, стр. 34—39.

Обследование крепостных и культовых сооружений XVI—XIX вв. и выявлении следов оседло-земледельческой жизни этого же времени на Иссык-Куле, в том числе и в Тонской долине, занималась в 1973 г. историко-археологическая группа Института истории АН Киргизской ССР под руководством В. М. Плоских.

Результаты работ всех вышеназванных исследователей и легли в основу настоящей археологической карты, которая поможет в дальнейшем изучении древней истории долины и выявлении еще неизвестных памятников на ее территории.

1. Могильник Кекелик-Сай. На левом берегу одноименной реки у входа ее в долину; в 1,5 км к юго-западу от кошары 12 квадратных и прямоугольных в плане каменных оградок. Размеры в пределах от 1,88×1,96 до 2,42×2,5 м и 2,2×2,9 до 3,15×3,84 м. Камни наполовину врыты в землю. Внутреннее пространство свободное. Обнаружен Иссык-Кульским археологическим отрядом в 1960 г. Раскопано 4 оградки.

Оградка 1. Размеры 1,92×2,1 м. Вскрывалась вся внутренняя площадь. Раскоп доведен до глубины 1,2 м. Могильная яма не обнаружена. За пределами оградки с северной стороны следы костра.

Оградка 2. Размеры 2,1×2,9 м. В центре оградки могила, выложенная из камней. Размеры ее 0,6×0,9 м. Овальная в плане. Заполнение лессовое. На глубине 0,9 м находились обожженные человеческие кости и обломок из бронзы (зеркало).

Оградка 5. Размеры 3,2×3,7 м. Западная и южная стороны выложены двумя рядами камней. Могильная яма — в центре оградки. Размеры: 0,7×1,3 м. На глубине 1,1 м — обожженные кости человека и обломки горшка ручной лепки.

Оградка 10. Размеры 2,6×3,14 м. Все стороны выложены из крупных камней. Могила смещена от центра. Прямоугольная в плане, с длинной стороной 0,9×1,58 м, глубина 1,3 м. На дне — обожженные кости человека, бисерные бусы из пасты, обломок бронзовой проколки и часть горшка ручной лепки.

Аналогичные погребения известны и для других районов Киргизии и датируются концом II—началом I тыс. до н. э.¹

Наибольшее число памятников оставлено кочевым населением долины. Они представлены петроглифами, курганами и каменными изваяниями.

---

¹ П. Н. Кожемяко. Погребения эпохи бронзы в Киргизии. Изв. АН Киргизской ССР, серия обществ. наук, т. II, вып. 3 (история). Фрунзе, 1960, стр. 81—107.

2. **Наскальные изображения.** В обрамляющих с южной и западной сторон долину отрогах Терской Ала-Тоо и пойме р. Тон сохранились наскальные рисунки различных животных и сцен охоты. Наиболее ранние петроглифы датируются сако-усуньским периодом. Эта датировка подтверждается не только сходством с подобными рисунками других районов Иссык-Кульской котловины, но и наличием курганных захоронений саков и усуней в долине. Рисунки не составляют скоплений, как это наблюдается в других местах Принссык-куля, а встречаются на десятках крупных валунов и скалах, находящихся на значительном расстоянии друг от друга.

3. **Могильник Туура-Суу I.** Расположен на территории городища Кан-Дюбе в западной его части. Первоначально насчитывалось в нем 19 курганов. К настоящему времени сохранилось 12. Обнаружен в 1959 г. Д. Ф. Винником. Раскопки проводились в 1971 г. Тонским археологическим отрядом¹.

4. **Могильник Ачик-Таш.** Находится в 1,5 км к западу от городища Кан-Дюбе. Зафиксирован в 1959 г. Д. Ф. Винником. Раскопано 2 кургана Тонским археологическим отрядом в 1971 г.²

5. **Могильник Кан-Дюбе.** В 1 км к юго-западу от городища — 43 кургана, три из которых имеют насыпи высотой 1,8—2,3 м и диаметром 14—18 м. Расположены в цепочку по север—юг. Размеры остальных курганов: высота 0,5—0,8 м, диаметр 3—5 м. Насыпи каменно-земляные. Выявлен в 1959 г. Д. Ф. Винником. Раскопки не проводились. Датируется сако-усуньским временем.

6. **Могильник Туура-Суу II.** В 1,5 км к северо-западу от городища Кан-Дюбе. Насчитывается 28 бессистемно разбросанных курганов. Насыпи каменные и каменно-земляные. Высота курганов 0,3—0,7 м, диаметр 3—5 м. Вокруг нескольких насыпей у подошвы проходят кольцевые выкладки. Зарегистрирован Иссык-Кульским археологическим отрядом в 1960 г. Раскопано 2 кургана сакского времени.

Курган 8. Насыпь каменно-земляная. Высота 0,7 м, диаметр 5 м. Под насыпью, в центре, могильная яма, ориентированная по запад-восток. Могила подпрямоугольная в плане. Размеры: длина 1,80 м, ширина 0,7 м, глубина 0,9 м. На дне могилы головой на запад лежал скелет взрослого мужчины. Анатомическое состояние костей сильно нарушено.

---

¹ См. раздел «Курганы сакского времени долины реки Тон» настоящей работы.

² Там же.

Справа от головы находились кости барана и несколько обломков деревянной чаши. В области пояса обнаружен каменный оселок и обломок однолезвийного бронзового ножа.

Курган 15. Насыпь каменная. Высота 0,5 м, диаметр 3,6 м. Вокруг полы насыпи — кольцевая выкладка из крупных камней. Могила овальная в плане, ориентирована по сз—юв. Размеры — длина 1,9 м, ширина 0,7 м, глубина 0,8 м. Анатомическое состояние костей скелета нарушено. Костяк лежал головой на северо-запад. Справа от плеча стояла глиняная круглодонная чаша. Под левой тазовой костью — часть бронзовой пластины и костяные накладки на лук.

7. Могильник Туура-Суу III. Находится в 2 км к северу от предыдущего. Насчитывает 32 кургана с каменной насыпью и 11 округлых в плане выкладок из камней. Насыпи высотой 0,4—1,1 м и диаметром 2,5—6 м. Вокруг некоторых курганов на расстоянии 1—1,5 м от подошвы проходят кольцевые выкладки из камней. Обнаружен в 1960 г. Иссык-Кульским археологическим отрядом. Раскопки не проводились. Датировка — сако-усуньское время.

8. Могильник Туура-Суу IV. Находится в нижнем течении реки того же названия. Курганы расположены на узкой полосе длиной до 1 км. В могильнике выделяются две цепочки курганов, вытянутых в направлении север—юг. В первой — 6, во второй — 9 насыпей. Размеры: высота 1,6—1,9 м, диаметр 12—16 м. Остальные курганы представлены небольшими каменно-земляными насыпями. В могильнике 87 курганов, часть из них имеет кольцевые выкладки из камней, проходящие в радиусе 1—2 м от подошвы насыпи. Обследован в 1962 г. Иссык-Кульским археологическим отрядом. Датируется сако-усуньским временем. Раскопано 2 кургана.

Курган 18. Насыпь каменно-земляная. Высота 0,6 м, диаметр 4,3 м. В радиусе 1,7 м от подошвы — кольцевая выкладка из крупных камней. Под насыпью, в центре, могильная яма, овальная в плане, ориентирована по восток—запад. Длина ее 1,9 м, ширина 0,7 м, глубина 0,6 м. Скелет лежал на спине, в вытянутом положении, головой на запад. Слева от черепа в небольшой нише — круглодонная чаша ручной лепки. На костях грудной клетки — бусы, в области пояса обломки кольца из бронзы.

Курган 32. Насыпь из крупных камней. Высота 0,8 м, диаметр 3,5 м. Под насыпью, в центре, овальной формы углубление размерами: длина 1,3 м, ширина 0,6 м, глубина 0,3 м. В западной половине стояли две круглодонные чаши ручной лепки. На одной из них с внешней стороны сохранились следы копти. Скелет не обнаружен.

9. Могильник Туура-Там I. Находится с восточной стороны одноименного села. В могильнике выделяются 5 курганов больших размеров: Высота 3—5 м, диаметр 25—55 м. Расположены в цепочку, вытянутую с севера на юг. Остальные 120 курганов имеют незначительную насыпь или наброску из камней. Туура-Тамский могильник из всех сохранившихся в долине занимает центральное место как по количеству, так и по мощности больших курганов. Зарегистрирован Иссык-Кульским археологическим отрядом в 1959 г. В различных местах могильника в 1960, 1965 и 1968 гг. раскопано 18 курганов. Датируется концом I тыс. до н. э. и первыми веками нашей эры.

10. Могильник Туура-Там II. В 1 км к югу от села того же названия. Насыпи курганов из крупных камней, возможно, собранных из поймы р. Тон. В могильнике 27 курганов. Вокруг отдельных — кольцевые выкладки из камней. Насыпи высотой 0,4—0,8 м, диаметр 3—5 м. В 1960 г. обследован Иссык-Кульским археологическим отрядом. Датировка — I—V вв. Раскопано 2 кургана.

Курган 8. Насыпь высотой 0,5 м, диаметром 3 м. Могильная яма под южной половиной насыпи, ориентирована по запад-восток с небольшим отклонением к северу. Длина ее 1,3 м, ширина 0,4 м, глубина 0,36 м. На дне ямы — сильно истлевшие кости ребенка 8—9 лет. В изголовье стояла круглодонная чаша ручной лепки. В области груди собрано 12 бусин.

Курган 21. Насыпь овальная в плане. Высота 0,7 м, диаметр 4,5—6 м. Под насыпью две могильные ямы, ориентированные по восток-запад.

Могила 1. Прямоугольная в плане. Длина 1,2 м, ширина 0,4 м, глубина 0,45 м. На дне — скелет ребенка 6—7 лет. Лежит на спине, в вытянутом положении, кисти рук на тазовых костях, головой на запад. Череп раздавлен камнем.

Могила 2. Рядом с могилой 1. Отделена стенкой толщиной 0,4 м. Прямоугольная в плане. Длина 1,9 м, ширина 0,6 м, глубина 0,55 м. На дне — скелет женщины. Анатомическое состояние костей нарушено. На костях грудной клетки собрано 18 бусин, в том числе 3 раковины каури и стержень для сурмления бровей.

11. Могильник Туура-Там III. В 0,8 км к северо-западу от одноименного села. Насчитывает 18 каменных и каменно-земляных насыпей. Высота 0,5—1,2 м, диаметр 4—8 м. У нескольких курганов кольцевые выкладки из камней, проходящие на расстоянии 1,2—2 м от подошвы насыпи. Раскопан

один курган в 1962 г. Иссык-Кульским археологическим отрядом.

Курган 6. Насыпь каменно-земляная. Высота 0,9 м, диаметр 5 м. В радиусе 1,5 м от полы насыпи кольцевая выкладка. Под насыпью могильная яма, прямоугольная в плане, ориентирована по сз—юв. Стенки ее выложены камнем. Размеры: длина 1,8 м, ширина 0,6 м, глубина 0,75 м. На дне могилы находился скелет взрослого мужчины. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении, руки слегка согнуты в локтях, кисти — на тазовых костях. Вдоль правой руки стояли три глиняных сосуда ручной лепки. В области пояса — костяные накладки на лук и обломки изделий из железа.

12. Могильник Ак-Терек. На правом берегу реки этого же названия, недалеко от выхода ее из ущелья — 45 курганов с каменно-земляной насыпью. Основу могильника составляют две цепочки, в каждой из которых по 4 кургана. Высота 1,4—1,7 м, диаметр 12—15 м. Остальные насыпи высотой 0,5—0,8 м и диаметром 4—7 м. Открыт в 1963 г. Д. Ф. Винником. Раскопки не проводились. Датируется рубежом и первыми веками новой эры.

13. Могильник Ак-Терек II. В 1 км к северу от предыдущего. Насыпи каменно-земляные, высотой 0,5—0,9 м и диаметром 4—6 м. Из 27 курганов 9 имеют кольцевые выкладки из камней. Отмечен в 1963 г. Д. Ф. Винником. Раскопано в 1965 г. 6 курганов. Могильные ямы — грунтовые и каменные ящики. Костяки ориентированы головами на запад. Инвентарь состоит из глиняной посуды ручной лепки—чаши, широкогорлые кувшины; изделия из железа, костяные накладки на лук; предметы украшения. Датировка I—V вв.

14. Могильник Куньчигыш I. Находится на адыре к юго-востоку от с. Боконбаевское. В могильнике 68 курганов. Насыпи каменные, отдельные имеют кольцевые выкладки. Размеры курганов: высота 0,5—1,2 м, диаметр 3—7 м. Зарегистрирован Иссык-Кульским археологическим отрядом в 1959 г. Датировка могильника в пределах I—V вв. Раскопан один курган.

Курган 7. Насыпь каменная. Высота 0,9 м, диаметр 6 м. Кольцевая выкладка в радиусе 1,5 м от подошвы кургана. Могила прямоугольная в плане, ориентирована по сз—юв. Длина ее 1,9 м, ширина 0,7 м, глубина 0,7 м. Кости скелета сильно потревожены. Лежал головой на северо-запад. В области пояса — обломок железного ножа. Раскопки между насыпью и кольцевой выкладкой никаких материалов не дали.

15. Могильник Куньчигыш II. Расположен к северу от с. Боконбаевское. Одиночные курганы разбросаны на протя-

жении 3 км с востока на запад. К моменту открытия могильника (1959 г.) в нем насчитывалось 63 каменно-земляные насыпи, но первоначально их было значительно больше. Множество курганов разрушено сельскохозяйственными работами. Причем, по сведениям местных жителей, здесь находили глиняную посуду, ножи, кинжалы, наконечники стрел из железа, предметы украшения из бронзы, серебра и золота, изделия из камня и кости. На территории могильника в разных местах встречались и каменные изваяния. На основе опросных данных и осмотра некоторых предметов можно предположить, что курганы могильника были оставлены сако-усуньскими и тюркскими племенами. Зафиксирован в 1959 г. Иссык-Кульским археологическим отрядом.

16. **Могильник Боз-Бешик.** Курганы встречаются отдельными группами вдоль южного подножия невысокой горы Боз-Бешик (Бешик-Тоо), отделяющей долину от берега оз. Иссык-Куль. Курганы расположены и на вершине горы с восточной ее стороны. В могильнике 133 каменно-земляные и каменные насыпи. По внешнему виду курганы могильника Боз-Бешик сходны с вышеописанными и предварительно датируются усуньским временем. Но в могильнике имеются и курганы тюрков. Выявлен в 1959 г. Д. Ф. Винником. Раскопки не проводились.

17. **Могильник Карасу I.** Находится к югу от одноименного села. Насчитывает 11 курганов, остальные разрушены планировкой. Насыпи каменно-земляные. Высота 0,5—1 м, диаметр 4—8 м. Здесь же, по сведениям местных жителей, находились и каменные изваяния. Могильник открыт в 1962 г. Иссык-Кульским археологическим отрядом. Предварительно датируется тюркским временем.

18. **Могильник Карасу II.** Расположен к востоку от мельницы. Сохранилось 17 курганов. Насыпи каменно-земляные и наброски из камней. Размеры первых: высота 0,5—0,9 м, диаметр 3—6 м; вторых — высота 0,2—0,3 м, диаметр 1,5—3 м. Кроме того, в могильнике 6 прямоугольных в плане каменных оградок. С западной стороны оградок в центре стенок стоят овальной или прямоугольной формы камни высотой 0,5—0,8 м. Они имитируют как бы каменные изваяния. Аналогичные памятники тюркского времени известны и для других районов Иссык-Кульской котловины (Мазар-Булак, Тамчи, Орнок, Чон-Сары-Ой, Чолпон-Ата, Темировка, Жеты-Огуз и др.). Могильник Карасу II зафиксирован Д. Ф. Винником в 1965 г. Раскопки не проводились.

19. **Могильник Тон I.** Курганы находятся в пойме и на надпойменных террасах р. Тон, начиная от городища Кан-

Дюбе на юге и до дороги Рыбачье — Пржевальск на севере. Формы и размеры насыпей различны. У отдельных курганов насыпи из крупных камней. В большинстве своем насыпи каменные, округлые и овальные в плане, высотой 0,4—1,2 м, диаметром 3—10 м. В могильнике имеются наброски из камней и каменные оградки. Формы надмогильных сооружений позволяют говорить о разновременности их возведения, возможно, от эпохи бронзы и до X в. н. э. Курганы могильника фиксировались Исык-Кульским археологическим отрядом в период 1959—1962 гг. Раскопки не проводились.

20. Могильник Тон II. У места слияния рек Тон и Ак-Сай — 12 каменных оградок, прямоугольных в плане. Они примыкают друг к другу и образуют как бы коридор, разделенный на секции. Коридор ориентирован на СЗ—ЮВ. С северо-восточной стороны в центре каждой стены оградки и по углам поставлены плиты из песчаника или овальной формы камни, высотой до 0,8 м. Могильник датируется тюркским временем. Открыт в 1962 г. Исык-Кульским археологическим отрядом. Раскопки не проводились.

Большой интерес представляют сведения о памятниках тюрков С. М. Дудина. Он в разных местах долины зарегистрировал несколько могильников с каменными изваяниями¹. К сожалению, эти могильники не сохранились. Они разрушены хозяйственными работами, которые широко ведутся в этом районе особенно в последние три десятилетия. Данные С. М. Дудина и ныне существующие могильники позволяют говорить о значительной заселенности кочевниками-тюрками Тонской долины в раннесредневековое время.

21. Каменные изваяния. Впервые сведения о них сообщает С. М. Дудин. Судя по его описанию, этот тип памятников был широко распространен в долине². Старожилы Тона утверждают, что каменных изваяний насчитывалось несколько десятков. Однако к настоящему времени сохранились единицы, и почти все они находятся в средних школах селений Туура-Суу, Боконбаевское, Торткуль³ и др.

22. Надписи. Открыты Ф. В. Поярковым, а затем обследованы С. М. Дудиным. На двух курганах одного могильника лежало 19 надгробных плит с мусульманскими надписями⁴. Если учесть, что Ф. В. Поярков в 1877 г. отправил два

¹ В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893—1894 гг. СПб., 1897, стр. 57—58.

² Там же. На табл. XV фото трех каменных изваяний.

³ См. описание в разделе «Древнетюркские памятники долины реки Тон» настоящей работы.

⁴ В. В. Бартольд. Указ соч., стр. 58.

камня в Археологическую комиссию, то всего таких камней насчитывалось 21. В Тонском ущелье С. М. Дудиным было обнаружено еще две надписи¹.

23. **Стена.** Проходит в направлении юг—север почти через всю долину и делит ее на две равные части. Длина ее 3,5 км, высота 3—5 м, ширина по оплыву 15—20 м, толщина тела 4—5 м. Стена глинобитная с примесью гальки, щебня и камней, в южной оконечности насыпная. Строительство ее относится к X в. Впервые отмечена В. К. Черном в 1877 г.

24. **Стена.** Преграждает вход в долину с запада. Начинается от правого берега р. Ак-Сай и заканчивается у высокого хребта. Длина ее 0,4 км, ширина по оплыву 4—5 м, толщина тела 2 м, сохранившаяся высота 1—1,5 м. В основании крупные камни, верхняя часть глинобитная. Построена одновременно с первой стеной. Выявлена Д. Ф. Винником в 1967 г.

25. **Торткуль 1.** Находится у южной оконечности длинной стены, в 50 м к западу от нее. Четырехугольный в плане, с длиной сторон 26×26 м. Вся поверхность его разрушена хозяйственными работами и современным кладбищем. Культурный слой 0,5—0,8 м. Подъемный материал — керамика X—XII вв. Обследован Д. Ф. Винником в 1963 г.

26. **Торткуль 2.** В 1 км к юго-востоку от с. Туура-Там и в 30 м с восточной стороны от длинной стены. Четырехугольный в плане с длиной сторон 30×32 м. Ширина стен по оплыву 4—8 м, высота 1—1,5 м. Въезд в восточной стене. Выявлен в 1959 г. Иссык-Кульским археологическим отрядом. Раскопки 1965 г. Культурный слой мощностью 0,5—1,3 м. Материал XI—XII вв. Площадь городища занята современным кладбищем.

27. **Торткуль 3.** На террасе к югу от с. Боконбаевское. Четырехугольный в плане с длиной сторон 34×34 м. Ширина стен по оплыву 6 м, высота 1,5—2 м. Вход в южной стене. С внешней стороны городища проходит ров глубиной 1 м и шириной 2,5 м. Подъемный материал — керамика XI—XII вв. Городище полностью занято современным кладбищем. Зарегистрировано Д. Ф. Винником в 1965 г. Раскопки не проводились.

28. **Торткуль 4.** В местности Булун, у подножья горы Боз-Бешик. Четырехугольный в плане с длиной сторон 50×50 м. Ширина стен по оплыву 9 м, высота 1,5—3 м. Въезд в западной стене. Внутренняя площадь со слабым культурным слоем. Постройки располагались вдоль южной и восточной стен. Выявлен Д. Ф. Винником в 1966 г. Раскопки проводи-

---

¹ В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 58.

лись в 1972 г. Датировка — X—XII вв. Стены городища заняты под современное кладбище.

29. **Торткуль 5.** В нижнем течении р. Тон на левом берегу. Прямоугольный в плане с длиной сторон 36×50 м. Высота стен 1,5—2,3 м, ширина по оплыву 5—7 м. Обследован Иссык-Кульским археологическим отрядом в 1962 г. Датировка — X—XII вв.

30. **Торткуль 6.** В 0,7 км к северо-западу от с. «Большевик». Четырехугольный в плане с длиной сторон 20×20 м. Стены из камня шириной 2 м, высотой до 1 м. Отмечен Иссык-Кульским археологическим отрядом в 1962 г. Раскопки не проводились. Подъемный материал — лепная керамика VIII—X вв.

31. **Торткуль 7.** Находится в 1 км к востоку от второй стены. Прямоугольный в плане с длиной сторон 42—60 м. Вдоль северной стены культурный слой мощностью 1,5 м и шириной 10 м. Остальная площадь городища без следов застройки. Высота стен 2 м, ширина по оплыву 6 м. Обследован в 1967 г. Д. Ф. Винником. Датировка — X—XII вв.

32. **Торткуль 8.** В 1 км к северу от села того же названия. Четырехугольный в плане с длиной сторон 50×50 м. Поверхность его полностью распахана. Прослеживаются лишь очертания четырехугольника. Подъемный материал — керамика X—XII вв. Обследован Д. Ф. Винником в 1967 г.

33. **Торткуль 9.** На левом берегу р. Тон в 0,8 км к северу от дороги Фрунзе—Пржевальск. Четырехугольный в плане, с длиной сторон 40×40 м. Высота стен 2 м, ширина по оплыву 6—7 м. Внутренняя площадь без следов застройки. Культурный слой — 0,2 м. Датировка — X—XII вв. Обследован Д. Ф. Винником в 1967 г.

34. **Торткуль 10.** К югу от с. Кара-Суу. Четырехугольный в плане, с длиной сторон 50×50 м. Высота стен 2 м, ширина по оплыву 6—7 м. Подъемный материал — X—XII вв. Обследован в 1966 г. Д. Ф. Винником.

35. **Ак-Терекское городище.** На левом берегу р. Ак-Терек недалеко от входа в ущелье. Прямоугольное в плане с длиной сторон 108×150 м. Северная стена разрушена. В юго-западном углу цитадель. Диаметр 40 м, высота 3 м. На остальной площади поселения культурный слой мощностью 1,3—1,8 м. Археологический надзор на городище во время его спуса в 1966 г. осуществлен Д. Ф. Винником. Датировка — VIII—XII вв.

36. **Кекелик-Сайское городище.** На левом берегу р. Кекелик-Сай. Прямоугольное в плане с длиной сторон 92×130 м. Высота стен 2—3 м, ширина по оплыву 8—10 м. Постройки

располагались вдоль западной и южной стен, где культурный слой толщиной 2 м. Археологический надзор на городище проводил в 1967 г. Д. Ф. Винник. Датировка — VIII—XII вв.

37. **Торткульское городище.** Занимало значительную площадь. Примерные размеры его 200×300 м. Городище полностью снесено во время хозяйственных и строительных работ. Впервые городище в районе с. Торткуль упомянуто А. Н. Бернштамом¹. Обследовано Иссык-Кульским археологическим отрядом в 1961—1962 гг. Датировка VIII—XII вв.

38. **Тонское городище.** В нижнем течении р. Тон. Расположено между двумя глубокими саями. С трех сторон защищено крепостными валами, с четвертой—естественным укреплением служил глубокий обрыв сая. Внутренняя площадь городища нарушена планировочными работами. Материал VIII—XII вв. Обследовано Д. Ф. Винником в 1967 г.

39. **Городище Куньчигыш.** Местоположение и датировка не указаны. Выявлено Семиреченской археологической экспедицией в 1940 г. Снят план².

40. **Торткуль.** В местности Кором-дунун Коктосу. Находится около южной оконечности длинной стены, к востоку от нее. Выявлено Семиреченской археологической экспедицией в 1940 г. Снят план³. Датировка не указана.

41. **Городище Кан-Дюбе** (средневековый город Тон). Находится на левой надпойменной террасе р. Тон и в бассейне р. Туура-Суу. Состоит из трех частей: центральных развалин, площади, окруженной первым длинным валом, и огромной территории — за пределами первых двух частей и защищенной вторым длинным валом⁴. Городище осматривалось В. К. Герном, Н. В. Сорокиным и С. М. Дудиным. Раскопки на поселении проводились в 1959—1962, 1965— и 1972 гг. При этом в различных частях его обнаружены остатки строительных комплексов, состоящих из помещений жилого и хозяйственного назначения. Стены глинобитные, из сырцовых и жженных кирпичей. В отдельных помещениях зачищены хозяйственные ямы и очаги. Собранный материал представлен глиняной посудой VI—XII вв., обломками изделий из железа, монетами, зернотерками и т. д. Наибольшая плотность заселения прослежена на площади центральных развалин и территории, окруженной первым длинным валом. Между ним и

¹ А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии, стр. 81.

² Труды Семиреченской археологической экспедиции, табл. IV, 2.

³ Там же, табл. IV, 4.

⁴ Д. Ф. Винник. К исторической топографии средневековых поселений Иссык-Кульской котловины, стр. 98—99.

вторым валом площадь на большей части свободна от застроек. Здесь расположены главным образом одиночные дома (усадебьы), рассредоточенные на значительном расстоянии друг от друга.

Стационарные работы на городище Кан-Дюбе, которые должны явиться следующим этапом его изучения, во многом помогут решению проблемы происхождения оседло-земледельческой культуры на Тянь-Шане.

С о к р а щ е н и я

- АО — «Археологические открытия». М.
ВДИ — «Вестник древней истории». М.
КСИИМК — «Краткие сообщения Института истории материальной культуры». М.
ООН АН Киргиз. ССР—Отделение, общественных наук Академии наук Киргизской ССР.
Тр. КГПИ — «Труды Киргизского государственного педагогического института». Фрунзе.
Тр. КАЭЭ — «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции». М.
Тр. ЮТАКЭ — Труды Южнотуркменской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад.
СА — «Советская археология». М.
СЭ — «Советская этнография». М.
СНВ — «Страны и народы Востока». М.
Тр. ТКАЭЭ — Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М.—Л.
ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
Предисловие	3
I. Открытие древностей Иссык-Куля	6
II. Предварительные результаты исследования мустьерской стоянки Тосор	42
III. Курганы сакского времени долины реки Тон	52
IV. Находка медной римской монеты	83
V. К вопросу о датировке наскальных изображений Прииссыккуля	87
VI. Древнетюркские памятники долины р. Тон	102
VII. О женских каменных изваяниях Тянь-Шаня и их этнической принадлежности	113
VIII. Некрополи средневекового Тона и городища Бейшеке	120
IX. Из истории торговых отношений Киргизстана и сопредельных регионов в VII—XII вв. (К вопросу о ценах)	135
X. Киргизский корук Туура-Суу	145
XI. Археологическая карта Тонской долины	160
Сокращения	175

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПРИССЫККУЛЯ

Редактор издательства *В. Л. Винник.*
Обложка художника *В. Ф. Роека.*
Технический редактор *Э. К. Гаврина.*

Сдано в набор 17/X 1975 г. Подписано в печать 8/IV 1975 г.
Формат 60×90^{1/16}. Бумага тип. № 1. Объем 11,0 п. л. Уч.-изд.
10,6 л. Тираж 1000 экз. Д—01814. Заказ 1694. Цена 68 коп.

Издательство Академии наук Киргизской ССР,
г. Фрунзе, Ленинский проспект, 265а

Типография Академии наук Киргизской ССР,
г. Фрунзе, ул. Пушкина, 144.

